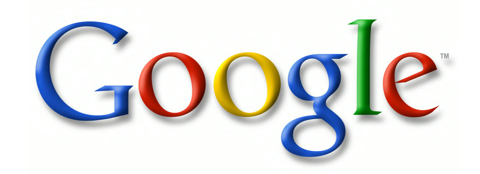
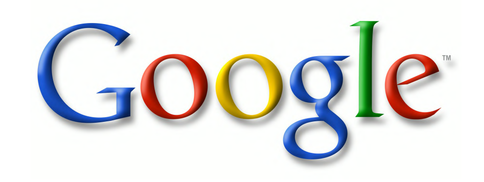

[redacted]

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. БЕНЕДИКТОВА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петер-
бургъ. 13 Марта 1856 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

Въ типографіи Кр[illegible]левской.

Авторъ считаетъ неизлишнимъ сказать нѣсколько словъ о распредѣленіи произведеній его въ издаваемыхъ имъ нынѣ трехъ томахъ. — Стихотворенія, которыя были изданы первоначально въ двухъ книжкахъ въ 1835, 1836, 1838 и 1842 годахъ, собраны и помѣщены имъ нынѣ въ первомъ томѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями, съ исключеніемъ тѣхъ піэсъ, которыя призналъ онъ слишкомъ слабыми, и со включеніемъ другихъ, остававшихся съ давняго времени въ его портфели. Второй томъ составленъ изъ стихотвореній, написанныхъ съ того времени по 1850 годъ и отчасти изъ переводовъ, относящихся къ этому-же періоду; въ третій-же внесены оригинальныя піэсы и переводы, принадлежащіе ближайшему времени — съ 1850 года. Оба послѣдніе тома частію состоятъ изъ

[redacted]

стихотворенiй, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданiяхъ и потому публикѣ уже извѣстныхъ, частiю-же изъ такихъ, которыя въ печати еще не являлись.

[redacted]

Томъ I.

(1835 — 1842.)

Она поэту подарила
Младыхъ восторговъ первый сонъ,
И мысль объ *ней* одушевила
Его цѣвницы первый стонъ.

А. Пушкинъ.

[redacted]

ГОРНЫЯ ВЫСИ.

Одѣты ризою тумановъ
И льдомъ заоблачной зимы,
Въ рядахъ, какъ войско великановъ,
Стоятъ державные холмы.
Привѣтъ мой вамъ, столпы созданья,
Нерукотворная краса,
Земли могучія возстанья,
Побѣги праха въ небеса!
Здѣсь — съ грустной цѣпи тяготѣнья
Земная масса сорвалась,
И, какъ въ порывѣ вдохновенья,
Съ кипящей думой отторженья
Въ отчизну молній унеслась; —
Рванулась выше.... но открыла
Нѣмую вѣчность впереди:
Чело отъ ужаса застыло,
А пламя спряталось въ груди; —

[redacted]

ЖАЛОБА ДНЯ.

На востокѣ засвѣтлѣло;
Отошла ночная тѣнь;
День взошелъ, какъ ангелъ бѣлой....
Отъ чего-жь ты грустенъ, день?

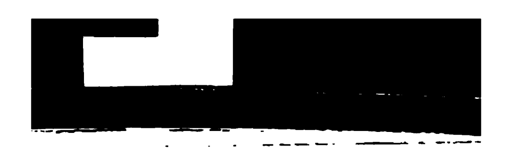
«Отъ того порой грущу я,
Что возлюбленная ночь,
Только къ милой подхожу я —
Отъ меня уходитъ прочь.
Вотъ и нынче — подъ востокомъ
Лишь со мной она сошлась,
Яркимъ пурпурнымъ потокомъ
Облилась и унеслась.
Въ слѣдъ за ней туманы плыли,
Облаковъ катился станъ,

Съ чѣмъ можетъ ей служить.
Покрываломъ былъ туманъ.
Я орѣхъ мечтой отчистой:
Былъ маня и тѣнь дочка!
Покрывало было чисто,
Не плыли облака.
Чудной нищеты прямизной
Увлеченъ я, какъ стрѣла,
Гнался, гнался за смуглянкой.
Стой! кричу я... Нѣтъ! ушла.
Грусть-тоска меня погубитъ,
Доля злая мнѣ дана.
Бѣлокурую не любитъ.
Чернокудрая она.
Гдѣ ты — съ очами фея
Что лазурнѣй мнѣ агатъ?
Я — въ раскошномъ царствѣ неба
Одинокій, бѣдный царь —
Съ той поры ищу царицы,
Какъ въ широкой тиши
Изъ зеленой тѣснины
Вышла юная вода.

Не крушись, о тѣнь прелестница!
Ты найдешь ее, найдешь.

[redacted]

Съ чернотой ея чудесной
Блескъ свой огненный сольешь,
Какъ пройдетъ временъ тревога
И окончивъ дольній миръ,
Отдохнуть на перси Бога
Утомленный ляжетъ міръ.

КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

Небо полночное звѣздъ миріадами
Взорамъ безсоннымъ блеститъ;
Дивный вѣнецъ его свѣтитъ Плеядами,
Альдебараномъ горитъ.
Пышныхъ тѣхъ звѣздъ красоту лучезарную
Бѣгло мой взоръ миновалъ,
Всѣ облетѣлъ, — но, упавъ на полярную,
Вдругъ, какъ прикованный, сталъ.

Тихо горишь ты, дочь неба прелестная,
Послѣ докучнаго дня:
Кротко, таинственно, дѣва небесная,
Смотришь съ высотъ на меня.

Жителя сѣвера ночь необъятная
Вержетъ надолго во тьму:
Ты — безвосходная, ты — беззакатная —
Солнце ночное ему.

Въ длинную ночь селянинъ озабоченный,
Взоры стремя къ высотамъ,
Ждетъ — не пропуститъ поры об-уроченной:
Онъ наглядитъ ее тамъ,
Гдѣ *Колесница* небесъ без-отъѣздная
Искрой твоей зажжена;
Тамъ въ книгѣ звѣздной ему семи-звѣздная
Времени буква видна.

Плаватель по̀ морю бурному носится —
Гдѣ-бы маякъ проблеснулъ?
У моря жаднаго дна не допросится, —
Берегъ — давно потонулъ.
Тамъ его берегъ, гдѣ ты зажигаешься,
Горній маякъ, для очесъ!
Тамъ его дно, гдѣ ты въ небо впиваешься,
Огненный якорь небесъ!

Вижу: свѣтилъ хороводъ обращается —
    Ты-жь въ свою высь вкрѣплена;
Видъ неба звѣзднаго чудно мѣняется —
    Ты неизмѣнна одна.
Не отъ того-ли такъ сердцу мечтателя
    Милъ твой серебряный лучъ?
Молви: не ты-ли въ десницѣ Создателя,
    Звѣздочка, вѣчности ключъ?

РАЗВАЛИНЫ.

Обломки... прахъ.... Все сумрачно и дико.
Въ кускахъ столбы — изгнанники высотъ;
Въ разсѣлины пробилась повилика
И, грустная, по мрамору ползётъ.
Тамъ — чуть висятъ полунагіе своды;
Здѣсь — дряхлая стоитъ еще стѣна; —
И все въ рубцахъ, и все изсѣкли годы
И вывели узоромъ письмена:
Прочли-ль вы ихъ? — Здѣсь лѣтопись природы
На зодчествѣ людей продолжена.
Здѣсь время быть художникомъ желало —
И медленно огнемъ и влагой бурь
Согнавъ долой и пурпуръ и лазурь,
Таинственныя краски набросало,
И наступивъ широкою пятой
На мрачныя, безмолвныя руины,

Любуется могильной красотой
Безъ кисти имъ написанной картины.
Тамъ башня спитъ, уныло преклонясь:
Стоявшая надмѣннымъ великаномъ
Теперь своимъ полуизтлѣвшимъ станомъ
На груды стѣнъ упавшихъ оперлась,
И старчески лежитъ, облокотясь.
Дочь времени! Тебя изъѣло тлѣнье:
Исчезло все — и крѣпость и краса;
Устала ты летѣть на небеса
И, бренная, легла въ изнеможеньѣ.

Вотъ ночь. — Луна глядитъ на ликъ земли:
Изъ подъ ея серебрянаго взгляда,
Сквозь паръ ночной, на вышинѣ, вдали,
Является развалинъ тѣхъ громада
Безъ образа, какъ призракъ безъ лица,
И грудами колонъ разбитыхъ звѣнья
Виднѣются — подъ желтой пылью тлѣнья
Разбросаны, какъ кости мертвеца,
Лишенныя святаго погребенья.
Нѣмая тишь... Одинъ неровный шумъ
Своихъ шаговъ полночный путникъ слышитъ —
И возмущенъ въ немъ рой неясныхъ думъ,
И все окрестъ глубокой тайной дышитъ.

[redacted]

УТЕСЪ.

Отвсюду объятый равниною моря
Утесъ гордо высится; — мраченъ, суровъ,
Незыблемъ стоитъ онъ, въ могуществѣ, споря
Съ прибоями волнъ и съ напоромъ вѣковъ.
Валы только лижутъ могучаго пяты;
Отъ времени только бразды вдоль чела;
Мохъ сѣрый ползетъ на широкіе скаты;
Сѣдая вершина — престолъ для орла.

Какъ въ плащъ, исполинъ весь во мглу завернулся,
Поникъ, будто въ думахъ, косматой главой,
Безстрашно надъ моремъ всѣмъ станомъ нагнулся
И грозно нависнулъ надъ бездной морской.

ы ждете: падетъ онъ — не ждите паденья!
аклонно онъ сталъ, чтобы сверху взирать
а слабыя волны съ усмѣшкой презрѣнья
смертнаго взоры отвагой пугать.

нъ хладенъ;—но жаръ въ немъ закованъ природный
о дни чудодѣйства зиждительныхъ силъ
орывомъ огня — сынъ огня первородный —
зъ сердца земли здѣсь онъ выдвинутъ былъ;
злетѣлъ — и застылъ онъ твердыней гранита;
му не живителенъ солнечный лучъ;
ля нѣгъ его грудь вѣковая закрыта,
дикъ, и угрюмъ онъ: за то онъ могучъ!

а то онъ неистовой радостью блещетъ,
акъ вѣтры помчатся въ разгульный свой путь,
огда въ него море бурунами хлещетъ
прыгаетъ жадно гиганту на грудь. —
отъ молніи пламя надъ нимъ засверкало,
ерунъ свой ударъ ему въ темя нанесъ —
то-жъ? — Огненный змѣй изломилъ свое жало
. весь невредимый. хохочетъ утесъ.

[redacted]

ПОЖАРЪ.

Ночь. Сомкнувшіяся тучи
Лунный ликъ заволокли;
Легъ по вѣтру дымъ летучій;
Мигъ — и вспыхнуло вдали.
Встало пурпурное знамя,
Искоръ высыпала рать,
И пошелъ младенецъ-пламя
Вольнымъ юношей гулять.

Идетъ и растетъ онъ — красавецъ опасный!
Надъ зданья громадой онъ бурно возсталъ,
Къ ней жадною грудью прильнулъ сладострастно,
Червонныя кудри свои разметалъ,
И пышутъ объятья, дымятся лобзанья....
Могучій прельститель во мракѣ ночномъ

На млѣющихъ грудахъ роскошнаго зданья
Сверкаетъ побѣднымъ любви торжествомъ.
Какіе извивы! Какіе изгибы!
Взгляните: вздымаясь въ эѳирный чертогъ
Нахмуренныхъ тучъ разрумянилъ онъ глыбы;
Взгляните: онъ заревомъ небо зажёгъ!

Царствуй, алчная стихія!
Раздирай покровы ночи!
Обнимай холодный міръ!
Вейтесь, кудри огневыя!
Упивайтесь ими, очи!
Длись, огня разгульный пиръ!
Вѣтеръ воетъ; пламя рвется;
Съ трескомъ рухнула громада;
Заклубился дымъ густой; —
Дикимъ грудь восторгомъ бьется:
Предо мной вся прелесть ада.
Демонъ! адъ прекрасенъ твой!

Вотъ — буря стихаетъ, и пламя слабѣетъ.
Не заревомъ небо — зарею алѣетъ;
То пламя померкло, а солнечный шаръ
Съ востока выводитъ свой вѣчный пожаръ.

[redacted]

Что-жь? — На мѣстѣ, гдѣ картина
Такъ торжественна была —
Трупъ лишь зданья-исполина,
Хладный пепелъ и зола.
Рдѣла пурпуромъ сраженья
Ночь на праздникѣ огня;
Слѣдъ печальный разрушенья
Озаренъ лучами дня.
Въ ночь плѣнялся я красою,
Пламень, буйства твоего:
Днемъ я выкуплю слезою
Злость восторга моего.

Слеза сожалѣнья сбѣжала съ рѣсницы,
И взоръ мой стремится къ пожару денницы,
Къ пожару свѣтила — алмаза міровъ; —
Издавна слѣдимый очами вѣковъ,
Все полонъ обычной онъ пламенной силы;
Земля на могилахъ воздвигла могилы,
А онъ, то открытый, то въ облачной мглѣ,
Все пышетъ, пылаетъ и свѣтитъ землѣ.
Невольно порою мечтателю мнится:
Онъ на небѣ блещетъ послѣдней красой,
И вдругъ, истощенный, замретъ, задымится —
И сирую землю осыплетъ золой.

ЧЕРНЫЯ ОЧИ.

Какъ могущественна сила
Черныхъ глазъ твоихъ, Адель!
Въ нихъ — безстрастія могила
И блаженства колыбель.
Очи, очи — обольщенье!
Какъ чудесно вы могли
Дать небесное значенье
Цвѣту скорбному земли!

Прочь съ лазурными глазами —
Дѣва–ангелъ! — Ярче дня
Ты блестишь; но у меня
Ангелъ — съ черными очами.
Вы, кому любовь дано
Пить очей въ лазурной чашѣ, —

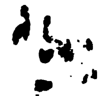
[redacted]

Пусть лазурно небо ваше:
У меня — оно черно.
Вамъ — кудрей руно златое,
Други милые! Для васъ
Блещетъ пламя голубое
Въ парѣ нѣжныхъ, томныхъ глазъ:
Я пирую — въ черномъ цвѣтѣ,
И во снѣ и на яву
Я витаю въ черномъ свѣтѣ,
Чернымъ пламенемъ живу.
Пусть васъ тѣшитъ жизни сладость
Въ яркихъ радужныхъ лучахъ:
Мнѣ мила, понятна радость
Только въ траурныхъ очахъ.
День-ли катитъ волны свѣта —
Для другихъ всѣ мраки прочь.
Для меня-жь все тьмой одѣта
Глазъ Адели черна ночь.

Вотъ смотрю, смотрю ей въ очи,
Проникаю въ глубину, —
Глубже, дальше... тамъ одну
Вижу искру въ безднѣ ночи:
О, какъ искра та чудна!
То трепещетъ, то затихнетъ,
То замретъ, то пуще вспыхнетъ,

Такъ и рѣзвится она.
Искра неба въ женскомъ тѣлѣ!
Я узналъ тебя, узналъ,
Тайный блескъ твой разгадалъ:
Ты — душа моей Адели!
Вотъ блестящая взвилась,
Задрожала, поднялась,
Подступила, подлетѣла
Къ рамамъ, къ прорѣзи очей,
И умильно посмотрѣла
Въ окна храмины своей,
Тихо влагой въ нихъ плеснула,
Тихо въ глубь опять порхнула, —
А на черные глаза
Навернулась и блеснула,
Какъ жемчужинка, слеза.

Вотъ и ночь. Средь этой ночи
Черноты ея чернѣй
Блещутъ черныя тѣ очи
Чернымъ пламенемъ страстей.
Вѣтеръ юга тепло-крылый
Двинулъ тучи; изъ-за тучъ
Лунный вырѣзался лучъ,
И упавъ на очи милой

На скатѣ ихъ живомъ
Раздробился серебромъ.
Дѣвы грудь волнообразна...
Ночь глуха, полна соблазна....

Прочь, лукавая мечта!
Нѣтъ, Адель, живи — чиста!
Не довольно-ль любоваться
На тебя, звѣзда любви,
И очами погружаться
Въ очи черныя твои,
Проникать въ ихъ мглу густую
И высматривать въ тиши
Неба слёзку золотую,
Эту искорку святую —
Блестку ангельской души?

[redacted]

Вы ждете: падетъ онъ — не ждите паденья!
Наклонно онъ сталъ, чтобы сверху взирать
На слабыя волны съ усмѣшкой презрѣнья
И смертнаго взоры отвагой пугать.

Онъ хладенъ;—но жаръ въ немъ закованъ природный:
Во дни чудодѣйства зиждительныхъ силъ
Порывомъ огня — сынъ огня первородный —
Изъ сердца земли здѣсь онъ выдвинутъ былъ;
Взлетѣлъ — и застылъ онъ твердыней гранита;
Ему не живителенъ солнечный лучъ;
Для нѣгъ его грудь вѣковая закрыта,
И дикъ, и угрюмъ онъ: за то онъ могучъ!

За то онъ неистовой радостью блещетъ,
Какъ вѣтры помчатся въ разгульный свой путь,
Когда въ него море бурунами хлещетъ
И прыгаетъ жадно гиганту на грудь. —
Вотъ молніи пламя надъ нимъ засверкало,
Перунъ свой ударъ ему въ темя нанесъ —
Что-жь? — Огненный змѣй изломилъ свое жало
И, весь невредимый, хохочетъ утесъ.

На скатѣ ихъ живомъ
Раздробился серебромъ.
Дѣвы грудь волнообразна...
Ночь глуха, полна соблазна....

Прочь, лукавая мечта!
Нѣтъ, Адель, живи — чиста!
Не довольно-ль любоваться
На тебя, звѣзда любви,
И очами погружаться
Въ очи черныя твои,
Проникать въ ихъ мглу густую
И высматривать въ тиши
Неба слёзку золотую,
Эту искорку святую —
Блестку ангельской души?

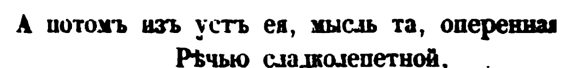

Кудри, кудри золотыя,
Кудри пышныя, густыя,
Дѣвы царственный вѣнецъ!
Вами юноши прельщались,
Къ вамъ мольбы ихъ выражались
Стукомъ пламенныхъ сердецъ;
Но снѣдаемые взглядомъ
И доступны лишь ему,
Вы земнымъ, безцѣннымъ кладомъ
Не вручились никому:
Появились, порѣзвились, —
И, какъ въ море водъ хрусталь,
Ваши волны укатились
Въ неизвѣданную даль.

НЕЗАБВЕННАЯ.

Въ дни, когда въ груди моей чувство развивалося
Такъ свѣжо и мòлодо,
И мечтой согрѣтое сердце не сжималося
Отъ земнаго холода, —
Въ сумракѣ безвѣстности за Невой широкою
Небомъ сокровенная
Мнѣ явилась милая, — дѣва свѣтлоокая,
Дѣва незабвенная.
Какъ она несла свою тихо и торжественно
Ґрудь полу–развитую!
Какъ глубоко принялъ я взоръ ея божественный
Въ душу̀ ей открытую!
На младомъ челѣ ея зрѣлось отпечатано
Надъ очей алмазами,
Какъ ея мысль тихая, словно птенчикъ, спрятана,
Развивалась въ разумѣ,

А потомъ изъ устъ ея, мысль та, оперенная
Рѣчью сладколепетной,
Вылетала чудная, въ краски облеченная,
Райской птичкой трепетной;
Если-жь дѣва милая ласковымъ вниманіемъ
Юношу лелѣяла, —
Теплотой полуденной, южнымъ обаяніемъ
Отъ прелестной вѣяло.

Помните-ль, друзья мои? — Тамъ ее видали
Вѣчно-безмятежную,
Съ радостями темными, съ ясными печалями
И съ улыбкой нѣжною.
Съ ней неслись мечтатели въ области надзвѣз
Помыслами скрытными;
Чудная влекла къ себѣ и сердца желѣзныя
Персями магнитными.

Гдѣ-жь ты, дѣва милая? Гдѣ ты, праздникъ сладос
Что зовется младостью?
Гдѣ все то, что смертные на землѣ безрадос
Называютъ радостью?
Въ вѣчность укатились тѣ дни волнообразные
Подъ судьбою строгою
Многое я пережилъ; были встрѣчи разныя,
Измѣнилось многое.

Передъ дѣвой новою сердца безпокойнаго
Тлѣло чувство новое,
Но ужь было чувство то — послѣ лѣта знойнаго
Солнце Сентябрёвое.
Предаю забвенію новую прелестницу,
Въ грудь, на вѣки плѣнную,
Заключивъ лишь первую счастья провозвѣстницу —
Дѣву незабвенную.

Всюду въ жизни суетной, въ буряхъ испытанія,
Бѣдность обнаружена;
Но, друзья, не бѣденъ я: въ терніяхъ страданія
Свѣтится жемчужина,
И по гранямъ памяти ходитъ перекатная,
Блещетъ многоцѣнная —
Это перлъ души моей — дѣва невозвратная —
Дѣва незабвенная!

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Ты опять передо мною,
Провозвѣстница всѣхъ благъ,
Вновь подъ кровлею родною
Здѣсь — на Невскихъ берегахъ,
Здѣсь — на тающихъ снѣгахъ,
На нетающихъ гранитахъ, —
И тебя объемлетъ кругъ
То друзей полу-забытыхъ,
То затерянныхъ подругъ, —
И пѣвецъ, во дни златые
Пѣвшій въ пламени любви
Очи, тайной повитыя,
Очи дивныя твои,
Пившій чашею безбрежной

[redacted]

Горе страсти безнадежной,
Безраздѣльныхъ сердца грёзъ,
Видя снова образъ милой,
Снова съ пѣснію унылой
Въ даръ слезу тебѣ принесъ....
Помнишь — прежде то-ли было?
Рѣки пѣсенъ, море слезъ!

О, когда-бы всѣ мученья,
Всѣ минувшія волненья,
Могъ отдать мнѣ твой возвратъ, —
Я-бы всѣ мои стремленья,
Какъ съ утеса водопадъ,
Въ чашу прошлаго низринулъ,
Я-бъ, не дрогнувъ, за неё
Разомъ въ вѣчность опрокинулъ
Все грядущее моё!

Ты все та-жь, какъ въ прежни годы,
Въ дни недавней старины,
Въ дни младенческой свободы
Золотой твоей весны;
Но рука — съ кольцомъ обѣта —
И мечты мои во прахъ!

Пылъ сердечнаго привѣта
Замираетъ на устахъ....

Отъ чего-жь? Гдѣ чувства святы —
Нѣтъ преграды для меня.
Для несчастныхъ нѣтъ утраты.
Мнѣ все та-же, чѣмъ была ты
До вѣнчательнаго дня.
Пусть блеститъ кольцо обѣта,
Какъ судьбы твоей печать!
И супругу стихъ поэта
Властенъ дѣвой величать.
Облекись-же симъ названьемъ!
Что̀ шумъ свѣта? Что молва?
Твой пѣвецъ купилъ страданьемъ
Міру чуждыя права.
Онъ въ страданьи торжествуетъ;
Онъ воспитанъ для него;
Онъ лелѣетъ, онъ цѣлуетъ
Язвы сердца своего,
И не хочетъ, и не проситъ
Воздаянья на землѣ;
Онъ въ груди всѣ бури носитъ,
И покорность на челѣ.

Такъ, — покорный волѣ рока
Я смиренно признаю,
Чту я свято и высоко
Участь брачную твою, —
И когда передъ тобою
Появлюсь еще на мигъ —
Я глубоко чувство скрою,
Буду холоденъ и дикъ; —
Свѣта грустное условье
Выполняя, какъ законъ,
Принесу, полу-смущёнъ,
Лишь вопросъ мой о здоровьѣ,
Да почтительный поклонъ.

Но въ часы уединенья,
Но въ полуночной тиши —
Невозбраннаго томленья
Буря встанетъ изъ души,
И мучительно ликуя,
Полнымъ стономъ разрѣшу я
Въ сердцѣ сдавленный огонь,
Вольно голову, какъ ношу
Сердцу тягостную, брошу
Я на жаркую ладонь,
И, какъ волны, звуки прянутъ,
Звуки — жемчугъ, серебро, —

Слезы брызнутъ, звуки канутъ
Со слезами подъ перо,
И въ живой рѣкѣ напѣва
Грянетъ звонкая струя:
«Ты моя, мой ангелъ-дѣва,
Незабвенная моя!»

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТОРОНА.

Нева! Красавица — Нева!
Ты та-же все, и предо мною
Блеститъ все той-же шириною
Сей водной ленты синева; —
Но тотъ-же-ль я, какъ въ прежни годы,
Когда въ обновахъ бытія,
На эти зеркальныя воды
Любилъ засматриваться я?

Тогда, предчувствій робкихъ полный,
Слѣдилъ я взорами твой бѣгъ,
И подо мной, дробясь о брегъ,
Уныло всхлипывали волны,
И я подъ ихъ волшебный шумъ,
Ихъ вздохи и неясный ропотъ

Настроилъ лепетъ первыхъ думъ
И первыхъ чувствъ любовный шопотъ. —
Потомъ, тоскуя и любя,
Потомъ, и мысля, и страдая,
О сколько разъ, рѣка родная,
Смотрѣлъ я въ даль черезъ тебя —
Туда — на темный край столицы,
Туда, гдѣ чудная она
Подъ взмахомъ творческой десницы
Державной мыслью рождена.

Зачѣмъ туда летѣли взгляды?
За чѣмъ туда чрезъ Невскій токъ
Убогій несъ меня челнокъ
Въ часъ тихой вечера прохлады,
Или тогда, какъ пѣнный валъ
Съ возможной силой бушевалъ,
Иль въ тѣ часы заповѣдные,
Какъ межъ гранитныхъ береговъ
Спирались иглы ледяныя
И зимній саванъ былъ готовъ?

Зачѣмъ? — Друзья мои, не скрою:
Тотъ край — любви моей страна.

[redacted]

Тамъ — за оградой крѣпостною
Пустынно стелется она.
Тамъ не встрѣчаютъ ваши взоры
Красой увѣнчанныхъ громадъ;
Нагнувшись, хилые заборы
Въ нѣмыхъ тамъ улицахъ стоятъ;
Въ глуши разметаны безъ связи
Жилища смертныхъ какъ нибудь,
И суждено имъ въ морѣ грязи
Весной и осенью тонуть.

Но.... избалованные други!
Уже-ль не приходилось вамъ,
Дѣля обильные досуги
По всѣмъ Петрополя концамъ,
Въ тотъ мирный край, хотя случайно,
Стопой блуждающей забресть?
Туда, друзья! — Скажу вамъ тайну:
Тамъ можно сердце перевесть.

О сколько разъ, страна глухая,
По темнымъ улицамъ твоимъ
Бродилъ я, трепетно вздыхая.
Сердечной жаждою томимъ!

Потупя взоръ, мрачнѣй кладбища,
Влача тяжелый сердца плѣнъ,
Шагалъ я вдоль завѣтныхъ стѣнъ
Моей возлюбленной жилища,
И видѣлъ въ окнахъ блѣдный свѣтъ,
И все гадалъ: зайти иль нѣтъ?
Что-жъ? Чѣмъ рѣшалъ недоумѣнье?
Зайду. Къ чему въ святомъ стремленьѣ
Себя напрасно уклонять?
Не грѣхъ-ли сладкое мгновенье
У сердца-нищаго отнять?
И я былъ тамъ. Какъ цвѣтъ Эдема,
Моимъ отрадная мечтамъ,
Она — души моей поэма —
Меня привѣтствовала тамъ,
Меня въ свой рай переносила,
Меня блаженствовать учила:
Страдать — я выучился самъ.

Теперь она не тамъ: далеко!
Но и теперь отрадно мнѣ
Бродить безъ цѣли одиноко
По той пустынной сторонѣ.
Мнѣ тамъ привѣтнѣй блещетъ въ очи
И полдня пламенный уборъ

И чудный свѣтъ созвѣздій ночи —
Небесъ недремлющій дозоръ.
Земнаго счастья отчужденца
Все тамъ живитъ меня досѣль,
И тѣшитъ сердце, какъ младенца,
И зыблетъ грудь, какъ колыбель.

ОЗЕРО.

Я помню приволье широкихъ дубравъ;
Я помню край дикій. Тамъ, въ годы забавъ,
Ребяческой рѣзвости полный,
Я видѣлъ: синѣла, шумѣла вода, —
Далеко, далеко, не знаю куда,
Катились все волны, да волны.

Я отрокомъ часто у брега стоялъ,
Безъ мысли, но съ чувствомъ на влагу взиралъ,
И всплески мнѣ ноги лобзали.
Въ дали безконечной виднѣлись лѣса;
Туда мнѣ хотѣлось: у нихъ небеса
На самыхъ вершинахъ лежали.

[redacted]

Съ дѣтскихъ лѣтъ я полюбилъ
Пѣнистую влагу;
Я, играя въ ней, ростилъ
Волю и отвагу.
Въ полдень, съ берега спустясь
Въ глубь волны холодной,
Обнимался я не разъ
Съ нимфою подводной.
Какъ любилъ я съ ней играть,
И съ волною чистой
Встрѣтясь, грудью разшибать
Гребень серебристый!
Какъ мнѣ нравилось потомъ
Мчаться надъ водою,
Гордо дѣйствуя весломъ
Дѣтскою рукою,
И закинувъ съ челнока
Уду роковую
Приманить на червяка
Рыбку молодую!

акъ я и боялся, и вмѣстѣ любилъ,
огда вдругъ налеты невѣдомыхъ силъ
Могучую влагу сердили,

И вздутые въ бѣшенствѣ яромъ валы
Ровесницы міра — косматой скалы
Чело загорѣлое мыли.

Пловецъ устрашенный рулемъ не водилъ:
Подъ нимъ разверзался рядъ зыбкихъ могилъ,
Волна погребальная выла....
При проблескахъ молній, подъ гуломъ громовъ,
Справлялася свадьба озерныхъ духовъ:
Такъ темная чернь говорила.

Помню: подъ роскошной мглой
Все покой вкушало;
Сладкой свѣжестью ночной
Озеро дышало:
Стройно двигалась ладья;
Средь роднаго круга
Въ ней неслась Адель моя —
Шалостей подруга —
Милый ангелъ дѣтскихъ лѣтъ:
Я смотрѣлъ ей въ очи; —
Съ веселъ брызгалъ чудный свѣтъ
Черезъ дымку ночи;

Въ ясныхъ зеркальныхъ зыбяхъ
Небо отражалось;
На разнѣженныхъ струяхъ
Звѣздочка качалась.
Лѣтъ двѣнадцать было мнѣ:
Время-ль тутъ и мѣсто?
Вдругъ шепнулось въ тишинѣ:
Вотъ твоя невѣста!
И къ Адели на плечо
Жадно вдругъ припалъ я;
Такъ мнѣ стало горячо —
Отъ чего? — не зналъ я;
Жаръ лице мое зажёгъ,
И — не смѣйтесь люди! —
У ребенка чудный вздохъ
Вырвался изъ груди.

Забуду-ль вашъ вольный, стремительный бѣгъ,
О полныя силы и полныя нѣгъ
Разгульныя, шумныя воды?
Забуду-ль тотъ берегъ, гдѣ, дикъ и суровъ,
Закинувши тоню, пѣвецъ-рыболовъ
Затягивалъ пѣсню свободы?

Пусть — [illegible] въ памяти ты мнѣ.
Въ своей [illegible] святой тишинѣ,
Въ [illegible] утромъ
Душа научилась [illegible] и любить.
И [illegible] свой [illegible]
Съ тайнымъ [illegible] шумомъ!

ИСКРА.

Дикій камень при дорогѣ
Дремлетъ глыбою нѣмой.
Въ бурный день земля въ тревогѣ:
Онъ недвиженъ подъ грозой.
Дни-ль златые улыбнутся —
Всюду жизнь заговоритъ,
Всюду звуки отольются:
Глыба мертвая молчитъ;
Все одѣто ризой свѣта,
Все согрѣто, а она —
Сѣрымъ мхомъ полу-одѣта,
И мрачна и холодна.
Но у этой мертвой глыбы
Жизни чудное зерно

Въ сокровенные изгибы
До поры схоронено.
Вотъ — ударъ! Она проснулась,
Звукъ могучій издала.
И со звукомъ встрепенулась
Брызга свѣта и тепла:
Искра яркая вспрыгнула
Изъ темницы вѣковой.
Свѣжимъ воздухомъ дохнула,
Красной звѣздочкой блеснула,
Разгорѣлась красотой.
Мигъ еще — и мочь удара
Въ тонкомъ воздухѣ замретъ,
Иль живымъ зерномъ пожара
Вдругъ на вѣтку упадетъ
И дремучій лѣсъ зажжетъ; —
Обратится искра въ пламень —
И лежавшій въ тяжкомъ снѣ
Самъ ее родившій камень
Разрушается въ огнѣ.

Долго духъ въ оцѣпенѣньи
Безотзывенъ и угрюмъ;
Долго въ хладномъ онѣмѣньи
Дремлетъ сердце, дремлетъ умъ;

[redacted]

Долго искра золотая
Въ безднѣ сумрачной души,
Въ Божій міръ не выступая,
Спитъ бездѣйственно въ тиши; —
Но ударъ нежданый грянетъ —
Искра прянетъ изъ оковъ
И блистательно проглянетъ
Изъ душевныхъ облаковъ,
И по міру пролагая
Всепалящей силой путь,
И пожары развивая,
Разрушаетъ огневая
Огне-творческую грудь.

ТРИ ВИДА.

1.

Прекрасна дѣва молодая,
Когда, вся въ газъ облечена,
Несется будто неземная
Средь танца рѣзваго она.
Нарядъ воздушный, изгибаясь,
То развиваясь, то свиваясь,
На разгорѣвшуюся грудь
Очамъ прокладываетъ путь.
Она летитъ, она сверкаетъ,
И въ нѣгѣ млѣетъ все кругомъ,
И въ сладострастіи нѣмомъ
Паркетъ подъ ножкой изнываетъ.
То взоръ опущенъ, то мелькнетъ
Изъ подъ кокетливой рѣсницы

И блескомъ вспыхнувшей зарницы
Сердца мгновенно обольетъ.
Изогнутъ станъ игриво-гибкой,
Уста витійствуютъ улыбкой,
И все, что прихотямъ дано,
Рѣзцомъ любви округлено.

2.

Прекрасна дѣва молодая,
Когда, влюбленная, она,
О миломъ юношѣ мечтая,
Сидитъ, печальна и блѣдна;
Сложивъ докучную снуровку,
Летаетъ мыслью вдалекѣ,
И подпершись на локоткѣ
Покоитъ томную головку.
Въ очахъ рисуется тоска,
Какъ на лазури тѣнь ночная,
И перси зыблются слегка,
Въ томленьи страстномъ замирая.
Кругомъ все полно тишины.
Недавній блескъ и говоръ бальной
Смѣненъ таинственною спальней,
Гдѣ въ ожиданьи вьются сны
Надъ чистымъ ложемъ невидимкой
Съ волшебно-радужною дымкой,

Куда лишь отъ горницы занавѣски
Могъ находить, и то украдкой,
Лучъ блистательный и сладкій
Небесной путницы — луны.

2.

Прекрасна дѣва молодая,
Когда покоится она,
Роскошно плечи раскрывая
Средь упоительнаго сна.
Рука, откинута небрежно,
Лежитъ подъ темной головой,
И озаренное луной
Чело съ плечомъ склонилось нѣжно.
Растянутъ въ ленту изъ кольца
Измятый локонъ ниспадаетъ
И брошенъ на-косъ въ пол-лица,
Черты волшебно оттѣняетъ; —
Грудныя волны и плечо,
Нынѣ незримыя, открыты,
И рдѣютъ жаркія ланиты,
И устъ дыханье горячо.
И вотъ — пронзаетъ лучъ денницы
Кисейный занавѣсъ окна:
Въ послѣднемъ обаяньи сна
Дрожатъ роскошныя рѣсницы.

Готова спящая вздохнуть,
По лику блѣдность пролетѣла —
И вдругъ — взволнованная грудь
Въ какомъ-то трепетѣ замлѣла....
И вотъ — лазурная эмаль
Очей прелестныхъ развернулась,
И дѣва рада, что проснулась,
И сна лукаваго ей жаль.

[redacted]

ЗОЛОТОЙ ВѢКЪ.

Ты былъ–ли когда–то плѣнительный вѣкъ,
Какъ пышныя рощи подъ вѣчной весною
Сіяли всегдашнихъ цвѣтовъ красотою,
И въ рощахъ довольный виталъ человѣкъ,
И сердца людскаго не грызла забота,
И та–же природа, какъ нѣжная мать,
Съ людей не сбирала кроваваго пота,
Чтобъ зернами щедро поля обнизать?

Вы были–ль когда–то блаженные дни,
Какъ злая неправда и злое коварство
Не вѣдали входа въ Сатурново царство,
Гдѣ радость сверкала, куда ни взгляни, —

На землю взирая съ лазурнаго свода,
Свѣтила небесъ замѣняли судей,
Законы писала одна лишь природа
И милая дикость равняла людей?

Вы были-ль когда-то златые года,
Какъ мирно лежало въ недвижномъ покоѣ
Во мракѣ подземномъ желѣзо тупое
И острымъ мечемъ не играла вражда, —
И хищная сила по лику земному
Границъ не чертила кровавой чертой,
Но тихо катилось отъ рода къ другому
Святое наслѣдье любви родовой?

Ты было-ли время святой простоты,
Когда, озарясь величьемъ спокойнымъ,
Прекрасная дѣва предъ юношей стройнымъ
Не крыла волшебной своей наготы, —
Когда и тѣла ихъ и души смыкая,
Любовь не таилась въ ущельяхъ сердецъ,
Но всюду раскрыта, всѣмъ въ очи сверкая,
На міръ надѣвала всеобщій вѣнецъ?

Ты былъ-ли, вѣкъ дивный? — Твоя красота
Не есть-ли слiянье прекрасныхъ видѣнiй,
Плѣнительный вымыслъ — игра поколѣнiй,
Иль дряхлаго мiра о прошломъ мечта?
Тебя не бывало! — Позорищемъ муки
Былъ юноша-мiръ, какъ и мiръ нашъ сѣдой,
Но вѣютъ тобою Овидiя звуки —
И сердцу понятенъ ты, вѣкъ золотой.

[redacted]

БИВАКЪ.

ю. Ни звѣздочки на черномъ неба сводѣ.
› проливнымъ дождемъ на длинномъ переходѣ
юкнувъ до костей, до сердца, до души,
ли на мѣсто мы — и мигомъ шалаши
али, выросли. Ну, слава Богу: дома!
юскошь! — вносится въ отрадный мой шалашъ
, свѣжая, упругая солома.
йникъ что?»—Кипитъ.—О чай—спаситель нашъ!
утъ. Идетъ деньщикъ—служитель ратныхъ становъ
ıще музыки привѣтный звонъ стакановъ
уждь слышится; — и чайная струя
итъ стакановъ рядъ наполнить по края.
пься и берешь — и съ сладострастной дрожью
ь нектаръ, радость пьешь, глотаешь милость Божью..
, — житель городской: какъ хочешь, величай
токъ жалкій свой, а только онъ — не чай!

Нѣтъ, люди мирные, — когда вы не живали
Бивачной жизнію — вы чаю не пивали.
Глядишь, все движется, волнуется, кипитъ;
Огни разведены — и что за чудный видъ!
Такаго и во снѣ вы вѣрно не видали:
На грунтѣ сумрачномъ необозримой дали
Фигуры воиновъ, какъ тѣни, то черны,
То алымъ пламенемъ красно освѣщены,
Картинно видятся въ различныхъ положеньяхъ,
Кругами, группами, въ раскидистыхъ движеньяхъ,
Облиты заревомъ, подъ искрами огней.
Со всею прелестью головъ ихъ посѣдѣлыхъ,
Мохнатыхъ ихъ усовъ, нависшихъ ихъ бровей
И глазъ сверкающихъ и лицъ перегорѣлыхъ.
Забавникъ-шутъ остритъ — и красное словцо
И добрый, звонкій смѣхъ готовы на лицо.
Кругомъ и крикъ, и шумъ, и общій слитный говоръ.
Предъ нами вновь денщикъ: теперь ужь онъ, какъ пов
Явился; ужинъ нашъ готовъ уже совсѣмъ.
Спасибо, мой Ватель! Спасибо, мой Каремъ!
Прекрасно! — И дѣлимъ живой артелью братской
Какъ вкусенъ безъ приправъ простой кусокъ солдатс
Поѣли — на лобъ крестъ — и на солому бухъ!
И ужь герой храпитъ во весь геройскій духъ.
О богатырскій сонъ! — Едва-ль онъ перервется,
Хоть громъ изъ тучи грянь, обрушься неба твердь.

Великолѣпный сонъ! — Онъ глубже, мнѣ сдается,
Чѣмъ тотъ, которому дано названье: смерть.
Тамъ спишь, а душу все подталкиваетъ совѣсть
И надъ ухомъ ея нашептываетъ повѣсть
Минувшихъ дней твоихъ; — а тутъ.... но барабанъ
Вдругъ грянулъ — и возсталъ, воспрянулъ ратный стан

НОЧЬ БЛИЗЪ М. ЯКАЦЪ.

(5 Мая 1831.)

съ невинности, какъ ангеловъ моли
Спокойна ночи тѣнь.
грозная воспламенится битва.
Настанетъ бурный день.

о освѣщенъ бивачными огнями
Здѣсь ружей нашихъ лѣсъ
зенно глядитъ трехгранными штык
На звѣздный сводъ небесъ —

очамъ къ звѣздамъ тѣмъ безпред
Указываетъ путь:
зно черезъ мигъ—черезъ ударъ сме
Тѣло перерѣжутъ.

Усталыхъ ратниковъ разсѣянныя тучи
На краткій сонъ легли,
Не вѣдая, кого съ зарей свинецъ летучій
Сорветъ съ лица земли.

При мысли о концѣ душа моя не стонетъ,
Но рвусь отъ думы злой,
Что въ сумрачныхъ волнахъ забвенія потонетъ
Туманный жребій мой.

Кипящая душа въ нѣмую вѣчность ляжетъ
Безъ отблеска небесъ;
Лишь дѣва милая своей подругѣ скажетъ:
«Онъ былъ, любилъ, исчезъ.»

БРАННАЯ КРАСАВИЦА.

Она чиста, она свѣтла
И убрана сребромъ и златомъ,
Герою–воину мила
И съ нимъ дружна, какъ съ милымъ братомъ.
Свои стальныя красоты
Одеждой тѣсной чинно кроя,
Во время мира и покоя
Она стыдится наготы; —
Но вспыхнетъ брань, настанетъ дѣло —
И вмигъ блеснетъ, обнажена,
И міру выкажетъ она
Красиво–выгнутое тѣло;
Объята воина рукой,
Тогда, открыта, безъ наряда,
Она сверкаетъ остротой
Огне–убійственнаго взгляда.

И въ глубь сердецъ находитъ путь, —
И хоть лобзаетъ безъ сознанья,
Но далекò проходятъ въ грудь
Ея жестокія лобзанья,
И часто въ жаркія мѣста
Всѣкаясь съ дикою любовью,
Ея желѣзныя уста
Дымятся жертвенною кровью. —
Когда нага — она грозитъ,
Она свиститъ, она разитъ; —
Но громъ военный утихаетъ,
И утомленная рука
Ее покровомъ облекаетъ,
И вновь она, тиха, кротка,
Близь друга, съ боку, отдыхаетъ.

СОСЛУЖИВЦУ

(*послѣ кампаніи* 1831 *г.*)

Буря брани прекратилась;
Конченъ лютый пиръ войны,
И спокойно опустилась
Сабля вѣрная въ ножны.
Слава храбрымъ! Падшимъ тризна!
Воинъ! Шлемъ съ чела сорви!
Посмотри: тебѣ отчизна
Заплела вѣнокъ любви.

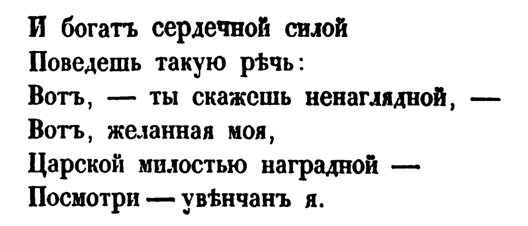
Дѣвы съ ясными очами
Ждутъ героя: приходи!
Изукрасится цвѣтами
Царскій орденъ на груди;

Къ сердцу счастіе привьется
У родимыхъ Невскихъ струй,
И вся жизнь твоя сольется
Въ безконечный поцѣлуй.

Нѣтъ числа красамъ вселенной:
Сердцу милая — одна.
У тебя въ странѣ безцѣнной
Есть завѣтная — *она* —
Слаще стройнаго напѣва,
Ярче солнечныхъ лучей,
Ясный ангелъ, радость–дѣва,
Ненаглядный свѣтъ очей.

Воинъ, помнишь–ли, бывало,
Въ легкой рѣзвости своей
Иногда *она* играла
Саблей дѣвственной твоей;
А теперь у этой грани,
Гдѣ рука ея бралась,
Блещутъ крестъ и надпись брани —
Сабля лавромъ обвилась.

Ты повергнешь къ ножкѣ милой
Этотъ мужественный мечъ,

И богатъ сердечной силой
Поведешь такую рѣчь:
Вотъ, — ты скажешь ненаглядной, —
Вотъ, желанная моя,
Царской милостью наградной —
Посмотри — увѣнчанъ я.

Къ твоему лишь правосудью
Обращаюсь я теперь:
За отчизну бился грудью
Я не даромъ — нѣтъ потерь; —
Но за то, что стойко, честно
Бой я выдержалъ въ груди,
Жду еще награды лестной:
Ангелъ жизни! Награди!

ПРОЩАНІЕ СЪ САБЛЕЮ.

Прости, о стальная красавица брани!
Прости, благородная сабля моя!
Влекомый стремленіемъ новыхъ желаній,
Пойду я по мирной стезѣ бытія.
Давно–ль твой клинокъ отточилъ я на камнѣ
И вѣрную службу несла ты въ бояхъ?
Но — кончены битвы — и ты не нужна мнѣ,
Стѣсненная въ темныхъ и душныхъ ножнахъ.

Прости–же, холодная, острая дѣва,
Съ кѣмъ дружно дѣлилъ я свой бытъ кочевой,
Кому посвятилъ я начатки напѣва
Струнъ лирныхъ средь жизни моей боевой!

[redacted]

Есть дѣва другая въ краю мнѣ любезномъ,
Прекрасна и жаромъ любви калена.
Нѣтъ жаркой души въ твоемъ тѣлѣ желѣзномъ:
Иду отогрѣться, гдѣ дышитъ она.

«Напрасно, о воинъ, меня покидаешь!»
Мнѣ кажется, шепчетъ мнѣ сабля моя, —
«Быть можетъ, что тамъ, гдѣ ты розъ ожидаешь,
Найдешь лишь терновый вѣнецъ бытія.
Адъ женскаго сердца тобой не измѣренъ;
Ты цѣнишь высоко обманчивый даръ;
Мой хладный составъ до конца тебѣ вѣренъ,
А свѣтскихъ красавицъ сомнителенъ жаръ.»

О нѣтъ, я тебя не оставлю въ забвеньѣ,
Желѣзный мой ангелъ! — Ты будешь со мной, —
И ржавчинѣ лютой не давъ на съѣденье,
Тебя обращу я въ кинжалъ дорогой,
И ловкой кинжалъ тотъ снабжу рукоятью,
Блестящей оправой украшу ножны, —
И пусть онъ виситъ надъ моею кроватью
И пусть стережетъ мнѣ завѣтные сны!

ГОРЯЧІЙ ИСТОЧНИКЪ.

Струею жгучей выбѣгаетъ
Изъ подземелья водный ключъ;
Его не солнце нагрѣваетъ,
Не внѣшнимъ жаромъ онъ кипучъ:
О нѣтъ, — сокрытое горнило
Его глубоко вскипятило.
Ядра земнаго глубинамъ
Огонь завѣщанъ самобытной:
Оттуда гость горячій къ намъ
Изъ двери вырвался гранитной.

Такъ въ мрачной сердца глубинѣ
Порою пѣснь любви родится,
Найдетъ исходъ, и вся въ огнѣ
По міру хладному струится;

Но не прелестной дѣвы взоръ
Ее согрѣлъ, ее лелѣетъ:
Нѣтъ, — часто этотъ метеоръ
Мелькаетъ, блещетъ, а не грѣетъ: —
Жаръ сердца самъ собой могучъ:
Оттуда пролитый въ напѣвы
И подъ холоднымъ взоромъ дѣвы
Бѣжитъ любви горячій ключъ.

ПѢВЕЦЪ.

Бездомный скиталецъ — пустынный пѣвецъ,
Одинъ, съ непогодою въ спорѣ,
Онъ рѣетъ надъ бездной, пѣвучій пловецъ,
Безъякорный въ жизненномъ морѣ;
Все въ даль его мàнитъ невѣдомый свѣтъ,
Онъ къ берегу рвется, а берега нѣтъ.

Онъ страненъ; — исполненъ несбыточныхъ думъ,
Бываетъ онъ веселъ — ошибкой;
Онъ къ людямъ на праздникъ приходитъ—угрюмъ,
Къ гробамъ ихъ подходитъ—съ улыбкой;
Всеобщій кумиръ ихъ — ему не кумиръ:
Недаромъ безумцемъ *зоветъ его* міръ.

ПУЧИНА.

Взгляни: вотъ женщины прекрасной
Обворожительная грудь!
Ее ты можешь въ нѣгѣ страстной
Кольцомъ объятій обогнуть
Но и орла не могутъ взоры
Сквозь эти жаркіе затворы
Пройти и въ сердце заглянуть.
О, тамъ — пучина въ вѣчномъ спорѣ
Съ волной тамъ борется волна,
И необъятно это море,
Неизмѣрима глубина.
Тамъ блещутъ искры золотыя
И мракъ таится въ глубинѣ
Тамъ есть и перлы дорогіе
И спятъ чудовища на днѣ.
Тѣ искры — ангельскія чувства —

[redacted]

Даръ — слѣпо вѣровать, любить;
Тотъ мракъ — даръ женскаго искуства
Прельщать и мучить и губить.
Тѣ перлы — верхъ земныхъ сокровищъ, —
Способность — все, что въ мірѣ есть,
Святому долгу въ жертву несть;
А пасти, зубы тѣхъ чудовищъ —
Коварство, зависть, злость и месть.
Тѣ перлы въ сумракѣ витаютъ
Никѣмъ незримы, — лишь порой,
То въ тихій часъ, то подъ грозой,
Они въ міръ свѣтлый выступаютъ,
Блестятъ въ очахъ и упадаютъ
Страданья чистою слезой.
Но самъ не пробуй, дерзновенный,
Ты море темное разсѣчь,
Чтобъ силой жемчугъ многоцѣнный
Изъ чудной бездны той извлечь.
О, не испытывай судьбины!
Страшись налетомъ буйныхъ силъ
Тревожить таинство пучины,
Гдѣ тихо дремлетъ крокодилъ.

Когда-жь, согрѣвъ мечту златую
И мысля сладко отдохнуть,

Ты склонишь голову младую
На эту женственную грудь,
И внемля волнъ ея движенье,
Закроешь очи жаркимъ сномъ,
То знай, что это — усыпленье
На зыбкомъ берегѣ морскомъ.
Уснешь: приливъ, быть можетъ, хлынетъ,
И вдругъ тебя, мой сонный чёлнъ,
Умчитъ порывъ нежданыхъ волнъ,
И захлеснетъ, и опрокинетъ.

ДВА ВИДѢНІЯ.

Я дважды любилъ: двѣ волшебницы-дѣвы
Сіяли мнѣ въ жизни средь Божьихъ чудесъ;
Онѣ мнѣ внушали живые напѣвы,
Знакомили душу съ блаженствомъ небесъ.
Одну полюбилъ, какъ слезою печали
Ланита прекрасной была нажжена, —
Другую, когда ея очи блистали
И сладко, роскошно смѣялась она.

Исчезло, чѣмъ прежде я былъ разволнованъ,
Но слѣдъ волнованья остался во мнѣ;
Донынѣ ихъ образъ чудесный закованъ
На сердцѣ желѣзномъ въ грудной глубинѣ, —

Когда-жъ я въ невольномъ тому размышленьи
О тайномъ значеньи грядущаго дня —
Внезапно меня посѣщаютъ видѣнья
Одной изъ двухъ дѣвъ, чаровавшихъ меня.

И первой любви моей дѣва приходитъ,
Какъ ангелъ скорбящій, блѣдна и грустна,
И влажныя очи на небо возводитъ,
И къ персямъ, тоскою разбитымъ, она
Скрестивъ прижимаетъ лилейныя руки
Каштановый волосъ струями разлитъ.
Явленіе дѣвы исполненной муки
Мой день благодатный въ грядущемъ сулитъ.

Когда-жъ мнѣ является дѣва другая —
Черты ея буйнымъ весельемъ горятъ,
Глаза ея рѣжутъ какъ пламя сверкая,
Уста напрягаясь какъ струны дрожатъ
И глядя въ лицо, безумно хохочетъ,
Колыхаясь ея надрывается грудь —
И это видѣнье мнѣ горе пророчитъ —
Немало терній на жизненный путь

Я къ ласкамъ судьбы и стрѣламъ ея гнѣва
Всегда приготовленъ явленіемъ дѣвъ;
Но рѣдко мнѣ видится первая дѣва,
Послѣдняя часто — хохочетъ, влетѣвъ, —
И рѣдко я въ жизни встрѣчаю удачу
И часто въ страданьяхъ и въ горѣ томлюсь,
Но въ радостяхъ рѣдкихъ отъ радости плачу,
При частыхъ страданьяхъ я съ горя смѣюсь.

МОЕЙ ЗВѢЗДОЧКѢ.

Путеводною звѣздою
Надъ пучиной бытія,
Ты сіяешь предо мною,
Дѣва свѣтлая моя.
О свѣти мнѣ, другъ небесный!
Сердца звѣздочка, свѣти!
И ко мнѣ, въ мой міръ безвѣстный,
Тихимъ ангеломъ слети!

Передъ чернію земною
Для чего твой блескъ открытъ?
Я поставлю предъ тобою
Вдохновенья вѣрный щитъ,

[redacted]

Да язвительные люди
Не дохнутъ чумой страстей
На кристаллъ прозрачной груди
На эмаль твоихъ очей.

Нѣтъ! — Сіяешь ты безпечно
И не клонишься ко мнѣ.
О, сіяй, сіяй-же вѣчно
Въ недоступной вышинѣ!
Будь звѣздою неземною,
Непорочностью свѣтись,
И, катясь передо мною,
Въ чуждый міръ не закатись!

Нѣтъ! — Живой источникъ свѣта,
Искра горней высоты,
Дѣва — звѣздочка поэта!
Лучше-жь, дѣвственная, ты,
Бывъ всѣхъ звѣздъ ему любезнѣй,
Чаровавъ такъ долго взоръ,
Вдругъ разсыпься и исчезни,
Какъ прекрасный метеоръ!

ОРЕЛЛАНА.

Взгляните, какъ льется, какъ вьется она —
Красивая, злая, крутая волна!
Это мчится Ореллана —
Широка и глубока. —
Шибче, шибче — и близка
Къ черной безднѣ океана.

Бурлитъ и реветъ океанъ—великанъ,
Гроза на хребтѣ, на плечахъ ураганъ;
Вздулся, сгорбился приливомъ,
Горы волнъ, шумя, крутитъ, —
Будетъ схватка: онъ сердитъ
И рѣка полна порывомъ.

Летитъ въ океанъ Ореллана стрѣлой —
И вотъ налетѣла, рветъ волны волной.
Чуденъ водной битвы пламень,
Пѣна бьетъ до облаковъ,
На хребтахъ густыхъ валовъ
Сшиблись камни—съ камнемъ камень.

Съ рѣкой океанъ, какъ съ тигрицею левъ.
Двѣ арміи волнъ! — Далекò слышенъ ревъ.
Гдѣ-жь побѣда? Гдѣ уклонка?
Ты нейдешь назадъ, рѣка;
Ты упряма, ты дика:
Бейся, бейся, Амазонка!

Свое взяла сила: рѣка не сдалась
И въ грудь океану, какъ жало, впилась.
Уязвленъ боецъ огромный
Захрипѣлъ и застоналъ, —
Тише, тише — и помчалъ
Волны съ жалобою томной.

МОЙ ВЫБОРЪ.

Я — вѣчный врагъ блистательной заразы
Тщеславія, которымъ полонъ міръ —
Люблю не васъ, огнистые алмазы:
Люблю тебя, голубенькій сапфиръ!

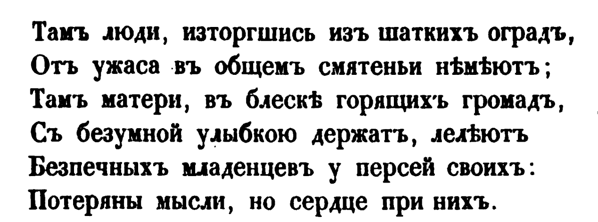
Не розою, не лиліею томной
Любуюсь я въ быту своемъ простомъ:
Милъ ландышъ мнѣ таинственный и скромный
Подъ сумрачнымъ ракитовымъ кустомъ.

Прелестницы и жрицы буйной моды!
Вы, легкія! — Неси васъ прочь, зефиръ!
Люблю тебя, дочь кроткая природы,
Тебя, мой другъ, мой ландышъ, мой сапфиръ!

СМЕРТЬ ВЪ МЕССИНѢ.

Какое явленье? — Не рушится-ль міръ?
Разсѣлась земля и растрескался камень!
Изъ щелей и трещинъ на гибельный пиръ
Взвивается люто неистовый пламень,
И стелется клубомъ удушливый паръ,
Колеблются зданья и рыщетъ пожаръ.

Не рушится міръ, но Мессина дрожитъ:
Подъ ней свирѣпѣютъ подземныя силы.
Владѣнія жизни природа громитъ,
Кругомъ расширяя владѣнья могилы.
Взгляните, какъ лавы струи потекли
Изъ челюстей ярыхъ дрожащей земли!

Тамъ люди, исторгшись изъ шаткихъ оградъ,
Отъ ужаса въ общемъ смятеньи нѣмѣютъ;
Тамъ матери, въ блескѣ горящихъ громадъ,
Съ безумной улыбкою держатъ, лелѣютъ
Безпечныхъ младенцевъ у персей своихъ:
Потеряны мысли, но сердце при нихъ.

Взгляните: изъ этихъ несчастныхъ одна
Едва оживаетъ въ объятьяхъ супруга...
Вотъ дико очами блуждаетъ она...
Увидѣла... ринулась съ воплемъ испуга:
Малютка, ребенокъ — души ея часть —
Стоитъ на балконѣ, готовомъ упасть; —

Стоитъ — и на бурныя волны людей,
На лаву и пламя съ улыбкой взираетъ,
И къ жаламъ сверкающихъ огненныхъ змѣй
Призывно рученки свои простираетъ.
Какъ счастливъ блаженнымъ невѣдѣньемъ онъ!
Какъ счастливъ!—Мгновенье—и рухнетъ балконъ.

Нѣтъ, — онъ не погибнетъ: жива его мать!
Напрасно супругъ всею силой объятій

Стремится порывъ ея сердца унять;
Безплодно усилье мольбы и заклятій.
Взгляните — толпа, какъ стрѣлой, пронзена:
То матерней грудью рванулась жена.

Она ужъ на лѣстницѣ... дымная мгла
Объемлетъ ее... осыпается камень...
Ужъ вотъ на балконѣ... вотъ сына взяла....
Ее пощадили и камень и пламень, —
Спасеніе близко... но — рушится домъ...
Дымъ черный встаетъ погребальнымъ столбомъ.

ПРОСТИ.

Прости! — Какъ много въ этомъ звукѣ
Глубокихъ тайнъ заключено!
Святое слово! Въ мигъ разлуки
Граничитъ съ вѣчностью оно.
Разлука.... Гдѣ ея начало?
Дождемся-ль мы ея конца?
Едва «да будетъ» прозвучало
Изъ устъ божественныхъ Творца —
Мгновенно бездна закипѣла,
Мгновенно творческій глаголъ
Черту великаго раздѣла
Въ хаосѣ дремлющемъ провелъ;
Творецъ расторгнулъ сочетанья,
Стихіи розняль, раздѣлилъ,

И въ самый первый мигъ созданья
Съ землею небо разлучилъ,
И мраку бездны довременной
Велѣлъ отъ свѣта отойти, —
И всюду въ первый день вселенной
Промчалось грустное «прости».
Съ тѣхъ поръ до нынѣ эти звуки
Идутъ, летятъ изъ вѣка въ вѣкъ,
И брошенный въ юдоль разлуки
Повитъ страданьемъ человѣкъ.
Съ тѣхъ поръ, тоскуя, небо ночи
Наводитъ тамъ — въ нѣмой дали
Свои мерцающія очи
На лоно сумрачной земли,
И къ ней объятья простирая
Въ свой свѣтлый край ее манитъ —
Напрасно: узница родная
Въ оковахъ тяжести скорбитъ.
Заря съ востока мечетъ розы,
Росою влажатся поля:
О, это слезы, скорби слёзы,
Въ слезахъ купается земля.
Въ вѣка уходятъ дни и годы
И въ вѣчность катятся вѣка —
Все также льется слезъ природы
Неистощимая рѣка.

Прости! Прости! — Сей звукъ унылый
Дано намъ вторить каждый часъ,
И наконецъ — въ дверяхъ могилы
Его издать въ послѣдній разъ, —
И здѣсь, впервые полонъ свѣта,
Исходитъ онъ, какъ ясный лучъ,
Какъ надъ челомъ разбитыхъ тучъ
Живая радуга завѣта,
И смерть спѣшитъ его умчать,
И этотъ звукъ съ одра кончины,
Здѣсь излетѣвъ до половины,
Уходитъ въ небо дозвучать,
И повторенъ эдемскимъ клиромъ,
И принятъ въ небѣ съ торжествомъ,
Святой глаголъ разлуки съ міромъ —
Глаголъ свиданья съ Божествомъ!

[redacted]

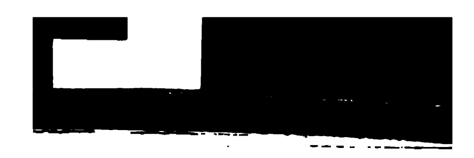
ПОМНИШЬ-ЛИ?

Нина! Помнишь-ли мгновенья,
Какъ поклонникъ вѣрный твой,
Полный страстнаго волненья,
Всюду мчался за тобой?
Въ свѣтозарной, шумной залѣ,
Помнишь, милая, на балѣ —
Въ этомъ общемъ кипяткѣ —
Какъ вносилъ я въ вихрь круженья
Станъ твой, полный обольщенья,
На пылающей рукѣ, —
Какъ рука моя лѣниво
Отдѣлялась отъ огней
Безконечно-прихотливой
Дивной таліи твоей, —
И въ роскошномъ утомленьи
Ты садилась въ отдаленьи,

Словно Нину ураганъ
Бросилъ въ даль своимъ порывомъ
И возвысилъ ей приливомъ
Юныхъ персей океанъ,
И на этомъ океанѣ
Въ пѣнѣ млечной бѣлизны,
Черезъ дымку, какъ въ туманѣ,
Колыхались двѣ волны, —
И слѣдя ихъ колыханье,
И ловя твое дыханье,
Головой къ тебѣ склонясь,
То угрюмъ, то бурно-веселъ,
Я стоялъ у этихъ креселъ,
Гдѣ легко облокотясь
Ты покоилась такъ нѣжно,
Отмахнувъ кудрей извивъ
И мизинца сгибъ небрежно
Къ алымъ губкамъ приложивъ,
И съ дрожащей, страстной рѣчью,
Къ твоему клонясь заплечью, —
Между словъ: прошу! молю! —
Весь проникнутъ обаяньемъ,
Прерывистымъ дыханьемъ
Я вышептывалъ: люблю;
Ты внимала мнѣ привѣтно,
А шалунъ главы твоей —

[redacted]

Рѣзвый локонъ — незамѣтно
По щекѣ скользилъ моей.
Помнишь, гдѣ-то, разъ, мечтами
Невоздержными влекомъ,
Я осмѣлился тайкомъ
Между жадными перстами
Сжать твой пальчикъ съ перстенькомъ,
И почувствовалъ мгновенно,
Какъ руки твоей огонь
Вскользь, незримо, сокровенно,
Весь упалъ мнѣ на ладонь,
Словно сказано: страдалецъ!
Робко ловишь ты слегка
Мой одинъ лишь бѣдный палецъ:
На! вотъ вся моя рука!
Боже! Жизнь готовъ отдать я,
Только-бъ былъ возобновлёнъ
Этотъ мигъ рукопожатья:
Сотни жизней стоитъ онъ.
Помнишь, Нина, въ мигъ разлуки,
Наши, отъ людей вдали,
Словно сросшіяся руки
Разорваться не могли?
Помнишь, разъ, въ уединеньѣ —
Незабвенное мгновенье! —
Я къ ногамъ твоимъ упалъ,
И потомъ въ своемъ пылу я

Что-то въ родѣ поцѣлуя
Съ жаркихъ устъ твоихъ сорвалъ?

Помнишь, Нина?.. Нѣтъ? Забыла?
Для чего-жъ и говорить,
Коль нельзя того, что было
Вновь на дѣлѣ повторить?

НАѢЗДНИЦА.

Люблю я Матильду, когда Амазонкой
Она воцарится надъ дамскимъ сѣдломъ
И дергаетъ поводъ упрямой ручёнкой
И дѣйствуетъ буйно визгливымъ хлыстомъ.
Довольна усѣстомъ красивымъ и плотнымъ,
Аллеей съ конца пролетая въ конецъ,
Она — властелинка надъ статнымъ животнымъ,
И тяжко подъ нею храпитъ жеребецъ,
Скрежещетъ объ сталь сокрушительнымъ зубомъ,
И млечная пѣна свивается клубомъ,
И шея крутится упорнымъ кольцомъ; —
Подъ дѣвою дѣвственникъ топчется, пляшетъ,
И мордой мотаетъ, и гривою машетъ,
И ноги, какъ нѐ-хотя, мечетъ потомъ,

И скучно идетъ прихотливою рысью. —
И въ рѣзныхъ подсвѣчникахъ на знойномъ сѣдлѣ,
Любуясь сама своей граціозною рысью,
Наѣздница въ пыльной рисуется мглѣ:
На губкахъ пунцовыхъ улыбка играетъ,
А ножка-малютка вся въ стремя вплелась.
Матильда въ галопъ бѣгуна поднимаетъ
И зыблется, хитро на немъ избочась,
И носится вихремъ, пока въ утомленьи
На карiе глазки не ляжетъ туманъ....
Матильда спрыгнула въ роскошномъ волненьи
И кинулась бурно на мягкій диванъ.

ДВѢ РѢКИ.

Между свѣтлыми лугами,
Въ тихой дружбѣ съ берегами,
По разсыпчатому дну,
Въ глубину не нарастая,
Влага рѣзвая, блистая,
Раскатилась въ ширину:
Въ искры солнца лучъ дробится
О поверхность этихъ водъ,
И на струйкахъ золотится
Искры въ искру переходъ.
Здѣсь, дитя, тебѣ раздолье!
Здѣсь ты, въ дѣтскомъ своевольѣ,
Можешь кинуться въ рѣку,
И рученку лишь протянешь —
Ты со дна себѣ достанешь
Горсть блестящаго песку.

[illegible] обхваченное хладомъ.
Скорѣй желѣзнымъ назови!
Оно жестокимъ испытаньемъ
Чрезъ горнъ страстей проведено;
Оно прокoвано страданьемъ;
Оно въ бѣдахъ закалено; —
И ни привѣтъ твой благосклонный,
Ни взоръ, при всемъ его огнѣ,
Ни полдень, солнцемъ раскалённый —
Не размягчать его во мнѣ.

Но слушай: временно сей холодъ
Здѣсь — въ сердцѣ царствуетъ моемъ
И спитъ оно желѣзнымъ сномъ.
Постой! — Кузнецъ — судьба свой молотъ
Еще испробуетъ на нёмъ,
Еще въ жару оно потонетъ,
И подъ ударами застонетъ
И брызнетъ кровью и огнёмъ.
Не отшатнись тогда въ испугѣ!
Ко мнѣ поближе подойди!
Вглядись — и послѣ на досугѣ
Скажи мнѣ, что̀ въ моей груди!

СМЕРТЬ РОЗЫ.

Весна прилетѣла; раскинулся зеленью кустъ, —
И ангелъ цвѣтовъ у куста пробужденнаго снова
Коснулся шипка молодаго
Дыханьемъ божественныхъ устъ —
И роза возникла, дохнула, раскрылась, прозрѣла,
Сладчайшій кругомъ ароматъ разлила и зарей заалѣла; -
И ангелъ цвѣтовъ отъ прекрасной нейдетъ,
И пестрое царство свое забывая,
И только надъ милою розой порхая,
Въ святомъ умиленьи поетъ:

«Рдѣй, царица дней прелестныхъ!
Вешней радостью дыша,

Льется слаще струй небесныхъ
Изъ листковъ полу-тѣлесныхъ
Ароматная душа.

Вѣкъ твой красенъ, хоть не дологъ:
Вся ты — прелесть, вся — любовь;
Сладкій сокъ твой — счастье пчёлокъ,
Алый листъ твой — брачный пологъ
Золотистыхъ мотыльковъ.

Утро алую полоску
Только выведетъ — заря
На тебя ронлетъ слёзку,
Какъ со свѣчки каплю воску
Отъ святаго алтаря.

Люди добрые голубятъ,
Любятъ розу, рвутся къ ней.
Ахъ! Они-жь ее и сгубятъ:
Люди губятъ все, что любятъ —
Такъ ведется у людей.»

Сбылось предвѣщаніе: юноша розу сорвалъ
И дѣвѣ украсилъ чело этой пламенной жатвой,
И дѣвы привѣтъ съ обольстительной клятвой
Такъ сладко ему прозвучалъ.

И что-жь? Не поблекъ еще цвѣтъ, отъ роднаго кус
отдѣленной,
Какъ дѣвы вѣнчанное розой чело омрачилось измѣно
И горестный юноша долго потомъ
Страдалъ въ воздаянье за пагубу розы; —
Но вотъ ужь и онъ осушилъ свои слёзы,
А плачущій ангелъ стоялъ, безутѣшный, надъ сиры
кустомъ.

МОРЕ.

Въ вечернемъ утишьи покоятся воды,
Подернуты легкой паровъ пеленой;
Какъ вѣчное зеркало вѣчной природы,
Лазурное море лежитъ предо мной.
О море! Ты дремлешь, ты сладко уснуло
И сны навѣваешь на душу мою;
[illegible] дума въ тебѣ потонула,
[illegible] я цѣлую поверхность твою.
Когда я смотрю на твою безконечность —
[illegible] моимъ взорамъ является вѣчность.
[illegible] твои въ синемъ туманѣ ушли
[illegible] отъ глаза въ дали безотвѣтной:
[illegible]ти также есть край, но — завѣтный,
[illegible], незримый для сына земли.

ı днѣ твоемъ много сокровищъ развито,
› намъ недоступно, безвѣстно оно:
въ вѣчности также, быть можетъ, сокрыто
ıдъ страшною глубью богатое дно;
не дано силы земли этой сыну
дна просквозить роковую пучину:
ть мысль и стремится туда свысока,
грузъ ея легокъ и нить коротка.

Солнце къ морю низпадаетъ,
Западъ пурпуромъ обвитъ,
Море солнца ожидаетъ,
Море золотомъ горитъ,
И отъ облачнаго края
Солнце, будто покидая
Пелену и колыбель,
Въ волны синія спустилось
И младенцемъ погрузилось
Въ необъятную купель, —
И съ волшебной полу–тьмою
Разрумянены слегка
Въ море пышной бахрамою
Окунулись облака.

Настала ночь. Кругомъ она
Небрежно звѣзды разметала,

Иныя въ тучкахъ затеряла
И нѣги тишь ея полна.
И небеса и море дремлютъ,
И ночь, одѣянную мглой,
Какъ дѣву смуглую, объемлютъ
И обнялись между собой.
Прекрасны братскія объятья:
Ѳеиръ и море! Вы-ль не братья?
Не явны-ль очерки родства
Въ васъ, двѣ таинственныя бездны?
Здѣсь эти искры — проблескъ звѣздный;
Тамъ эти тучи — острова, —
И, кажется, въ ночномъ уборѣ
Волшебно опрокинутъ міръ:
Тамъ — горнее простерто море,
Здѣсь, долу — дольній нашъ эѳиръ.

Чу! — Ужь вздохъ свой переводитъ
Утра свѣжій вѣтерокъ.
Глядь! Изъ моря солнце всходитъ
На раскрашенный востокъ,
Будто вышло изъ купальни
И любовію горя
Открываетъ двери спальни,
Гдѣ раскинулась заря, —

[redacted]

И, срывая дымку ночи,
Черезъ радужный туманъ
Міру въ дремлющія очи
Бьетъ лучей его фонтанъ.
Солнце въ безднѣ побывало,
Солнце въ морѣ ночевало,
Встало, пò небу летитъ,
Съ неба нà море глядитъ,
И, средь яркаго разбѣга,
За пріютъ, за сѣнь ночлега,
Отъ избытка своего
Другу-морю щедро платитъ,
Огневой монетой катитъ,
Брызжетъ золотомъ въ него.
Море платы не сбираетъ,
Отшибаетъ блескъ луча,
Море гордо презираетъ
Даръ тщеславный богача,
И хоть сверху влагой зыбкой
Улыбается, блеститъ,
Но подъ ясною улыбкой
Думу темную таитъ:

Іапрасно ты, солнце, блестящею пылью
› высотъ осыпаешь мой вольный просторъ!

Златая одежда отрадна безсилью.
Гиганту не нуженъ роскошный уборъ.
Напрасно, царь свѣта, накидкой жемчужной
И блестками перси мои ты покрылъ:
На что тому блестки и жемчугъ наружный,
Кто дивные перлы въ груди затаилъ?
Ты радуешь, грѣешь предѣлы земные. —
Но что мнѣ, что стрѣлы твои калены?
По мнѣ проскользая, лучи огневые
Не грѣютъ державной моей глубины.»

Продумало море глубокую думу:
Смирна его влага: ни всплеска, ни шуму!
Но тишь его чѣмъ-то грозящимъ полна;
Замѣтно — гиганта томитъ тишина:
Сонъ тяжкій его оковалъ — и тревожитъ,
Смутилъ, уязвилъ — и сдавилъ его грудь:
Онъ мучится сномъ — и проснуться не можетъ,
Готовъ зареветь — и не въ силахъ дохнуть.
Въ зенитѣ трепещетъ дневное свѣтило,
Предвидя его пробужденія мигъ,
И нѣтъ нигдѣ облака — смотритъ уныло,
Гдѣ бы спрятать подернутый блѣдностью ликъ....

Чу! Гремитъ.... Гигантъ проснулся;
Всталъ изъ бездны страшный валъ,
Развернулся, расплеснулся,
Поскакалъ, заклокоталъ;
Какъ боецъ, онъ озираетъ
Поля битвеннаго ширь,
Рыщетъ, пѣнится, сверкаетъ —
Среброглавый богатырь!

Кто—жь идетъ на валъ гремучій
Черезъ молнію небесъ?
Это онъ — корабль могучій,
Бѣлопарусный, пловучій
Волноборецъ — водорѣзъ!
Онъ летитъ, собралъ всѣ силы,
Роетъ моря крутизны;
Верви мощныя, какъ жилы,
У него напряжены,
И средь волнъ, отваги полный,
Гнетъ и ломитъ онъ свой путь,
Давитъ волны, рѣжетъ волны,
Гордо въ верхъ заноситъ грудь,
Споритъ съ влажными горами,
И средь свалки ихъ слѣпой
Онъ, какъ геній надъ толпой,

Торжествуетъ надъ волнами.
Тщетно бьютъ со всѣхъ сторонъ
Водныхъ массъ въ него громады:
Нѣтъ могучему преграды!
Не волнамъ уступитъ онъ —
Нѣтъ! Пусть прежде вихрь небесный,
Молній пламень перекрестный
Мачту, парусъ и канатъ
Изорвутъ, испепелятъ!
Лишь тогда, ставъ блѣдной тѣнью,
Остовъ, призракъ корабля
Волнъ безумному стремленью
Покорится, безъ руля....

Свершилось.... Конченъ бѣгъ свободный,—
И вотъ — при бѣшенствѣ пучинъ
Летитъ на грань скалы подводной
Пустыни влажной бедуинъ.
Ударъ — и схваченъ лютой бездной,
Разбитъ, измятъ полужелѣзный,
И волны съ плескомъ на хребтахъ
Разносятъ бренные обломки,
И съ новымъ плескомъ этотъ прахъ
Отъ волнъ пріемлютъ ихъ потомки.
О чемъ шумитъ мятежный рой
Сихъ чадъ строптивыхъ океана?

Они-ль пловучаго Титана
Разбили въ схваткѣ роковой?
Нѣтъ! Силы неба онъ извѣдалъ
И подъ грозой небесной палъ,
Волнамъ одинъ скелетъ свой предалъ,
А грузъ пучинамъ завѣщалъ,
И море въ безднѣ сокровенной
Тотъ грузъ на вѣки погребло,
И даръ богатый, многоцѣнный
Въ свои кораллы заплело.

Вотъ буря стихаетъ, а шумныя волны
Все мчатся, движенья и ропота полны;
Однѣ исчезаютъ, другимъ уступивъ
Широкое мѣсто на вѣчномъ просторѣ.
Не тотъ-же-ль безчисленныхъ волнъ переливъ
Въ тебѣ, человѣчества шумное море?
Не также-ль надъ зыбкой твоей шириной
Во слѣдъ за явленьемъ восходитъ явленье,
И время торопитъ волну за волной,
И волны мгновенны, а вѣчно волненье?
Взгляните: вы видите эту волну?...
Исчезла! — Нѣтъ, влага ея раскатилась
И шире легла, иль ушла въ глубину,
Иль въ капляхъ на тысячи волнъ раздѣлилась.

[redacted]

… … какъ солнца надъ моремъ возникъ,
… … отраженье въ водахъ зеркало: —
… … жизни ты тоже зерцало,
… … отражаетъ свой огненный ликъ.

О море широкое, вольное море!
Ты шумно, какъ радость, — глубоко, какъ горе,
… твоя буря, свѣтла твоя тишь,
… волненьемъ съ душой говоришь.

И … твою, полную нѣги, люблю я,
… мирное лоно твое
… берега часто смотрю я
… отраднѣе сердце мое: —
… хотѣлъ-бы стекла голубаго
… безпокойной ладьею мутить
… человѣка — скитальца земнаго —
… влагѣ напрасно чертить

… тобою накатятся тучи
… по влагѣ крыломъ,

И валъ твой разгульный, твой витязь могучій,
Серебрянымъ гребнемъ заломитъ шеломъ,
И ты, въ красотѣ своей грозной бушуя,
Встаешь, и стихій роковая вражда
Кипитъ предо мною, — о море, тогда
Застѣнчиво прочь отъ тебя отхожу я;
Мнѣ совѣстно взбѣги валовъ твоихъ зрѣть
Съ недвижной границы земнаго покоя,
И стыдно на бурю твою мнѣ смотрѣть,
Лѣниво на твердомъ подножіи стоя.
Быть можетъ, съ улыбкой завистливой я
Тогда посмотрѣлъ–бы, какъ ты разметалось,
И взбитому страстью тебѣ–бъ показалась
Обидной насмѣшкой улыбка моя, —
И занято съ небомъ торжественнымъ споромъ,
Подъ яркимъ вѣнцомъ громоваго огня,
Ты–бъ мнѣ простонало понятнымъ укоромъ,
Презрительно влагой плеснуло въ меня!

Откуда мнѣ слышится шумъ непрерывный?
Откуда?... Не волны–ль играютъ въ дали?
О море! Я слышу твой голосъ призывный —
И рвусь, и грызу я оковы земли.
О какъ–бы я жадно окинулъ очами
Лазурную зыбь и лазурную твердь!

Какъ я и сроднился-бъ съ твоими волнами
И пламенно бился-бъ съ родными на смерть!
Я понялъ бы музыку бури живую,
Съ тобою сдружилъ бы мой лирный напѣвъ,
Забылъ бы о дѣвахъ, и пѣснь громовую
Настроилъ подъ твой гармоническій ревъ!

НЕ ВѢРЮ.

Нѣтъ, красавица, напрасно
Твой языкъ лепечетъ мнѣ,
Что родилась ты въ ненастной
Нашей хладной сторонѣ;
Нѣтъ, — не вѣрю: издалёка
Вѣтеръ къ намъ тебя завлёкъ;
Ты — жемчужина Востока,
Поля жаркаго цвѣтокъ!
Черный глазъ и черный волосъ —
Все не нашихъ русыхъ дѣвъ,
И въ рѣчи кипитъ твой голосъ,
А не тянется въ распѣвъ;
Вольной зыбью океана
Грудь волнуется твоя,
И извивъ живаго стана —
Азіатская змѣя.
Ты глядишь, очей не жмуря,
И въ очахъ горитъ смола,

И тропическая буря
Дышитъ пламенемъ съ чела.
Фосфоръ — въ бѣшеномъ сверканьѣ —
Взгляды быстрые твои,
И слабѣйшее дыханье
Вѣетъ мускусомъ любви; —
И какой-то силы скрытной
Ты, волшебница, полна,
Притягательно-магнитной
Сферой вся обведена:
Сынъ желѣза — сѣверянинъ,
Этой силой отуманенъ,
На тебя наводитъ взоръ —
И предъ этимъ обаяньемъ,
Ограждаясь разстояньемъ,
Еле держится въ упоръ.
Лишь нарушься только мѣра,
Пол-шага ступи впередъ:
Обаятельная сфера
Такъ и тянетъ, такъ и жжетъ!
Нѣтъ, не вѣрю: ты не близко
Рождена; — твои черты
Говорятъ: султанша ты,
Ты — Зюлейка, одалиска,
Верхъ восточной красоты!

ХОЛОДНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Когда-то я любилъ тебя. Тѣхъ дней
Могу-ль забыть я жаркую тревогу?
Тяжелъ, — тяжелъ былъ бредъ души моей,
И этотъ бредъ оконченъ, слава Богу.
Прошедшихъ мукъ не проклинаю я
И нынѣ встрѣчь съ тобой не избѣгаю,
И кажется, что нынѣ близь тебя
Измученнымъ я сердцемъ отдыхаю.
Съ покорностью смотрю въ глаза судьбѣ,
Еще не старъ, но не безумно-молодъ,
И предъ тобой я чувствую въ себѣ
Одинъ святой, благоговѣйный холодъ.
На сердцѣ—снѣгъ; но то не снѣгъ долинъ
Изтоптанный средь мрака и тумана:

Есть — это снѣгъ заоблачныхъ вершинъ,
Льдяной вѣнецъ погасшаго вулкана.
И весь тебѣ, какъ солнцу, онъ открытъ.
Весь міръ въ тѣни, а онъ тебя встрѣчаетъ
И отблескомъ лучей твоихъ горитъ,
Но отъ огня лучей твоихъ не таетъ.

РОЗА И ДѢВА.

Послѣ бури міозданья
Жизнью свѣжею блестя,
Міръ, въ вѣнкѣ очарованья,
Былъ прекрасенъ, какъ дитя.
Роза бѣлая являла
Чистоты верховный видъ;
Дѣва юная сіяла
Алой краскою ланитъ.
Давъ румянецъ дѣвѣ милой,
Небо розу убѣлило, —
И скрѣпило ихъ союзъ
Чародѣйствомъ тайныхъ узъ; —
И заря лишь выводила
Въ небо свѣтлыхъ дней царя —

Къ бѣлой розѣ прижимаю
Дѣвы грудь такъ [illegible]

Но несчастнаго паденья
Мигъ нежданный наступилъ:
Подъ дыханьемъ обольщенья
Образъ дѣвы побѣлѣлъ.
Молча, держа [illegible]
Ей сказала: „ты блѣдна" —
И грустнѣетъ она [illegible]
Цвѣта живаго лишена.
Вотъ свѣтлыя дни смѣнила
Темной ночи покрывало —
Роза вѣчныя спѣшитъ.
Дѣва въ бѣлой розѣ въ [illegible]
Вотъ подходитъ... вотъ глядитъ.
Роза бѣлая дрожитъ
А надъ [illegible] горитъ.
Предъ [illegible] бѣлой
Стройной [illegible]
И [illegible] бѣлой
Алой [illegible]
Розы цвѣтъ преобразили
Такъ румянецъ [illegible]
Не [illegible] сей — [illegible].
Только розѣ [illegible] весь.

Такъ впервые отлетѣло
Пламя съ юныхъ дѣвы щекъ,
А листочки розы бѣлой
Яркой жизни цвѣтъ облекъ.
Такъ на первомъ жизни пирѣ
Грѣхъ возникъ—всѣхъ золъ посѣвъ —
И досталось жить намъ въ мірѣ
Алыхъ розъ и блѣдныхъ дѣвъ!

[redacted]

НОВОЕ ПРИЗНАНІЕ.

Поэта сердце въ даръ примите!
Вотъ вамъ оно! Въ немъ пышитъ жаръ.
Молчите вы.... Уже-ль хотите
Отринуть цѣнный этотъ даръ?
О, какъ лукаво вы взглянули!
Понятенъ мнѣ языкъ очей:
О прежней вы любви моей
Мнѣ превосходно намекнули.
Вы говорите: «Богъ съ тобой!
Ты передъ дѣвою другой
Все сердце сжегъ, поэтъ безпечный,
И хочешь искру предо мной
Теперь раздуть въ золѣ сердечной.» —
Нѣтъ, — вы ошиблись, говорю,
Не прежнимъ сердцемъ я горю:
Оно давно испепелилось,
Изъ пепла новое родилось —
И я вамъ феникса дарю!

ПОЗВОЛЬ.

Планетой чудной ты, Анета,
Очамъ являешься моимъ.
Позволь мнѣ, милая планета,
Позволь — быть спутникомъ твоимъ —
Твоей луной! — Я не забуду
Моихъ обязанностей: я,
Какъ ни кружись, усердно буду,
Идти, кружась вокругъ тебя.
Днемъ не помѣха я: тутъ очи
Ты можешь къ солнцу обратить;
Я буду радъ хоть въ мракѣ ночи
Тебѣ немножко посвѣтить;
Съ зарей уйду; потомъ обратно
Приду въ лучахъ другой зари, —
Лишь на мои ущербы, пятна
Ты снисходительно смотри!

Съ тобою въ часахъ пиротѣнья
Я буду вмѣстѣ, чрезъ тебя
Воспринимать свои занятѣнья
И просыпаться буду я.
Свершая вкругъ тебя обходы
Я буду — стражъ твоей погоды —
Блюсти, чтобы она была
Несмѣнною вѣдрена, свѣтла.
Покорный твоему капризу,
То поднимусь, то сойду къ низу
Пойду и съ боку иногда
И, свято чтя твои приказы
Свои шкалы я буду разы
Подобно мѣсяцу всегда
По прихоти твоей единой
Съ почтеньемъ стоя предъ тобой
То цѣликомъ, то половиной,
А то хоть четвертью одной.
Довольно близкія сравненья
Я проводить безъ затрудненья
Гораздо дальше былъ бы радъ
Въ чаду забавъ, въ мечтахъ безумья
Но вдругъ меня беретъ раздумье
Вѣдь мысли некуда ручать'

СТЕПЬ.

Мчись, мой конь! Мчись мой конь, молодой, вороной!
Жизни вялой мы сбросили цѣпи.
Ты отъ дѣвъ городскихъ друга къ дѣвѣ степной
Выноси чрезъ родимыя степи!

Конь кипучій бѣжитъ; бѣгъ и ровенъ и скоръ;
Быстрота сѣдоку непримѣтна.
Тщетно хочетъ его опереться тамъ взоръ:
Степь нагая кругомъ безпредметна.

Тамъ надъ шапкой его только солнце горитъ,
Небо душной лежитъ пеленою,
А вокругъ — полный кругъ горизонта открытъ
И цѣлуется небо съ землею.

[redacted]

Къ сходкѣ неба съ землей онъ изъ круга спѣшитъ,
Онъ торопитъ летучаго друга....
Другъ летитъ, онъ летитъ;—а межъ тѣмъ поглядитъ:
Все въ срединѣ онъ этого круга.

Краткій мигъ—ему часъ, длинный часъ—ему мигъ:
Нечѣмъ всаднику время замѣтить;
Изъ груди у него дикій вырвался кликъ,
Но и эхо не хочетъ отвѣтить.

«Ты несешься-ль, мой конь, иль на мѣстѣ стоишь?
Конь молчитъ—и летитъ въ безконечность.
Безграничная даль, безотвѣтная тишь
Отражаютъ, какъ въ зеркалѣ, вѣчность.

«Тамъ *она* ждетъ меня; тамъ очей моихъ свѣтъ» —
Слово чувства въ груди прозвучало.
Онъ у сердца спросилъ: «я несусь или нѣтъ?» —
Ты несешься — оно отвѣчало.

Но и въ сердцѣ обманъ. «Я на срокъ прискачу,
Обниму тебя скоро, невѣста!»
Юный всадникъ мечталъ: «я скачу, я лечу!»
А скакунъ изнемогъ — и ни съ мѣста.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Торжествующая Нина
Видитъ: голубя смирнѣй
Сынъ громовъ, орелъ–мужчина
Бьется въ прахѣ передъ ней.
Нина! Ты его плѣнила,
Обуздала силу ты —
И невольно уступила
Эта царственная сила
Обаянью красоты.

Не гордись, побѣдой, дѣва!
Далеки плоды посѣва.
Дней грядущихъ берегись!
Нина! Нина! Не гордись

Этихъ взоровъ юной прытью!
Не гордись, что ты могла
Нѣги шелковою нитью
Спутать мощнаго орла!
Близки новыя минуты,
Гдѣ сама должна ты снять
Эти розовыя путы
И грозу распеленать.
Дерзкій хищникъ жажду взора,
Жажду чувства утолитъ,
И грудей твоихъ онъ скоро
Жаркій пухъ растеребитъ;
Ты подашь ему, какъ Геба,
Дольній нектаръ, а потомъ
Вдругъ неистовымъ крыломъ
Твой орелъ запроситъ неба:
Чѣмъ сдержать его? Гдѣ цѣпь?
Горе, если предъ собою
Онъ узритъ тогда лишь степь
Съ пересохшею травою!
Онъ отъ сердца твоего
Прянетъ къ тучамъ, къ долѣ скрытн
Если неба пищей сытной
Не прикормишь ты его.

[redacted]

УСЛЫШАННАЯ МОЛИТВА.

При буйствѣ всѣхъ стихійныхъ силъ,
Средь грозной бури завыванья,
Съ любимой дѣвой сочетанья,
Молясь, у неба я просилъ —
И буря стихла, даль блеснула,
Мракъ рѣже, рѣже сталъ — и вотъ
Межъ тучъ отрадно проглянула
Эмаль заоблачныхъ высотъ,
И сталъ эѳиръ открытымъ сводомъ,
И тучь не видно: быстрымъ ходомъ
Прошли служительницы бурь,
И полная дневнаго пыла
Весь ликъ природы обхватила
Одна чистѣйшая лазурь.

[redacted]

Мой другъ! Услышаны моленья:
Вотъ онъ — нашъ край соединенья!
И надо мной и надъ тобой —
Взгляни — одинъ безъ раздѣленья
Навѣсъ раскинутъ голубой!
Взгляни, прекрасная: надъ нами,
Какъ опрокинутый фіалъ,
Онъ, въ землю упершись краями,
Намъ общій домъ образовалъ.
Онъ проченъ, свѣтелъ, чистъ и миренъ....
Но жаль, мой другъ, моя краса,
Что этотъ домъ нашъ такъ обширенъ,
Что такъ просторны небеса!
Влачась по дольнимъ переходамъ,
Быть можетъ, здѣсь — подъ общимъ сводомъ —
Я не найду къ тебѣ слѣда,
И въ грустной жизненной тревогѣ
Въ одномъ лазуревомъ чертогѣ
Мы не сойдемся никогда,
И съ тьмой преградъ въ докучной битвѣ
Мелькнула мнѣ среди борьбы
И здѣсь — въ услышанной молитвѣ —
Насмѣшка новая судьбы.

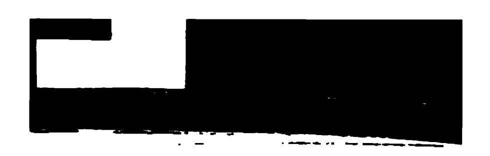
[redacted]

РАДУГА.

За тучами солнце — не видно его,
Но тамъ оно капли нашло дождевыя,
Въ нихъ блескъ преломило луча своего —
И пò небу ленты пошли огневыя.

И ленты тѣ стали цвѣтистой дугой,
И эта дуга въ своемъ яркомъ уборѣ,
Къ зениту подъемля изгибъ свой крутой,
Концы погрузила въ безбрежное море.

И радугой ясной мой взоръ уяснёнъ,
И видъ ея сердцу отраденъ и сладокъ:
Онъ мнѣ обновляетъ минувшаго сонъ —
Тотъ сонъ, опоясанный лентами радугъ.

Мнѣ памятны сумракъ и тучи тѣхъ дней,
Но въ тучахъ тѣхъ крылось блаженства свѣти
Бывало, грустилъ я, но въ грусти моей
Все такъ многоцвѣтно, такъ радужно было.

Какъ въ капляхъ дождя—въ сихъ слезахъ облако
Рисуется пламя лучистаго Ѳеба,
Въ слезахъ моей грусти сіяла любовь
Цвѣтными огнями сердечнаго неба.

СКОРБЬ ПОЭТА.

Нѣтъ, — разгадавъ удѣлъ пѣвца,
Не назовешь его блаженнымъ.
Порой и самый блескъ вѣнца
Тяжелъ бываетъ вдохновеннымъ.
Видали-ль вы, какъ въ скорбный часъ,
Подъ лютымъ бременемъ несчастья,
Тоской затворной истомясь,
Людскаго ищетъ онъ участья?
Движенья сердца своего
Онъ хочетъ раздѣлить съ сердцами —
И скорбь высокая его
Исходитъ звучными волнами,
И люди слушаютъ пѣвца,
Гремятъ ихъ клики одобренья,

Но звуки горестной значенья
Не принимаютъ ихъ сердца
Онъ имъ поетъ свои утраты.
И пламенемъ сердечныхъ мукъ
Онъ, ихъ могуществомъ объятый,
Одушевляетъ каждый звукъ —
И слезъ онъ, слезъ горячихъ проситъ,
Но этихъ слезъ онъ не исторгъ
А вотъ — толпа ему подноситъ
Свой замороженный восторгъ

ЛЕСТНЫЙ ОТКАЗЪ.

Пока я разумомъ страстей не ограничилъ,
Несчастную любовь извѣдалъ я не разъ;
Но кто-жъ, красавицы, изъ васъ,
Меня отвергнувъ, возвеличилъ?
Она — единая! — Я душу ей открылъ:
Любовь мечтателя для ней была не новость;
Но какъ ея отказъ поэту сладокъ былъ!
Какую лестную суровость
Мнѣ милый ликъ изобразилъ!
«Сноснѣй одинъ ударъ, чѣмъ долгое томленье, —
Она сказала мнѣ, — оставь меня, уйди!
Я не хочу напрасно длить волненье
Въ твоей пылающей груди.

Я не хочу, чтобъ въ чаяньи тревожномъ
Подъ тяжестію мной наложенныхъ оковъ
Въ толпѣ ненужныхъ мнѣ рабовъ
Стоялъ ты плѣнникомъ ничтожнымъ.
Другіе — пусть! — Довольно, коль порой,
Когда мнѣ не на чемъ остановить вниманье,
Я имъ, какъ нищимъ подаянье,
Улыбку, взглядъ кидаю мой —
Изъ милости, изъ состраданья.
Тебѣ-ль равняться съ ихъ судьбой?
Рожденному для думъ и жизни небезплодной
Тебѣ-ли принимать богатою душой
Убогіе дары отъ женщины холодной?
Я не хочу обманомъ искушать
Поэта жаръ и стихъ покорной
И полу-нѣжностью притворной
Тебя коварно вдохновлять,
Внушать страдальцу пѣснопѣнья
И звукамъ, вырваннымъ изъ сердца глубины,
Разсѣянно внимать съ улыбкой одобренья
И спрашивать: кому они посвящены?
Завѣтныхъ для меня ты струнъ не потревожишь —
Нѣтъ! Для меня — къ чему таить? —
Необходимъ ты быть не можешь,
А лишній — ты не долженъ быть!» —
И я внималъ словамъ ласкательно-суровымъ;
Ловила ихъ душа плѣненная моя;

Я имъ внималъ — и съ каждымъ словомъ
И крѣпнулъ думою и мужественнѣлъ я; —
И послѣ видѣлъ я прозрѣвшими очами,
Какъ головы другихъ, покорности въ залогъ,
У ногъ красавицы простертыми кудрями
Сметали пыль съ прелестныхъ ногъ.
Пустой надеждою питался каждый данникъ,
А я стоялъ — вдали — отвергнутый избранникъ.

О НЕ ИГРАЙ.

О! не играй веселыхъ пѣсенъ мнѣ.
Мой бѣдный слухъ напрасно раздражая!
Мнѣ блескъ ихъ чуждъ: мнѣ живость ихъ — чужда!
Не для меня плѣнительны онѣ.
Гдѣ прыгаютъ, смѣются, пляшутъ звуки —
Они скользятъ по сердцу моему:
Лишь мощный вопль аккордовъ, полныхъ муки,
Вторгается въ объятія къ нему.

Такъ — вотъ она — вотъ музыка родная!
Она, скорбя, рыдая и стеная,
Святымъ огнемъ всю душу мнѣ прожгла,
И тамъ — на днѣ — на язвахъ замерла.

Играй! Играй! Пусть эти тоны льются!
Пускай въ груди на этотъ внятный зовъ
Всѣ прошлыя страданья отзовутся,
Протекшаго всѣ тѣни встрепенутся
И сонная пробудится любовь!
Божественно! — Дыханья нѣтъ.... нѣтъ слова....
Божественно! — Лей эти звуки — лей!
Еще! еще! — О дай ожить мнѣ снова!
Дай умереть подъ музыкой твоей!

Понятны мнѣ, понятны эти звуки:
Вотъ — вздохъ любви! вотъ — тяжкій стонъ разлуки!
Вотъ — тихая молитва.... вотъ — слеза....
Вотъ — звонкое надежды лепетанье!
Вотъ — ревности глухое клокотанье!
Вотъ — дикаго отчаянья гроза,
И бѣшеныхъ проклятій скрежетанье,
И хохота безумнаго раскатъ,
И вотъ — сверкнулъ кинжалъ самоубійцы....
Чу! — Божій громъ!... Конецъ! — Трещатъ гробницы....
Земля дрожитъ.... Архангелы трубятъ.

Остановись!... Струнами золотыми
Понятно все ты высказала мнѣ,

[redacted]

И звуками исполненъ неземными
Я весь горю въ торжественномъ огнѣ.
Я въ нихъ воскресъ; ихъ силой сталъ могучъ я,
И, слѣдуя внушенью твоему,
Когда нибудь я лиру обойму
И брошу въ міръ ихъ полныя отзвучья!

ПѢСНЬ СОЛОВЬЯ.

Вотъ онъ свиснулъ.... Снова свиснулъ!
Это онъ — знакомый всѣмъ!
Щелкнулъ, щелкнулъ, — дробью прыснулъ,
И пустился въ слѣдъ за тѣмъ
Въ переливы, въ перекаты,
Въ перерывы, въ перехваты,
Бойко-звонко-голосистъ.
Что за трели! Что за грохотъ!
Вздохи, стоны, шопотъ, хохотъ —
И опять знакомый свистъ!

«О милая! Пѣвецъ въ воздушномъ кругѣ
Поетъ любовь и къ нѣгѣ насъ зоветъ.»

[redacted]

Такъ юноша шепталъ своей подругѣ:
«Прислушайся! Не правда-ль?—Слышишь?—Е
Онъ просвисталъ къ своей, конечно, милой:
Какъ счастливъ я! — Вотъ замираетъ онъ
Отъ счастія! Вотъ съ новой, свѣжей силой
Опять поетъ, блаженствомъ упоёнъ!» —
И милая на юношу взглянула,
Къ его устамъ съ улыбкою прильнула
И съ трепетомъ, подъ краскою стыда,
Склонясь главой, ему шепнула: да, —
И локоновъ съ чела ея скатился
Живой потокъ разливомъ темныхъ струй,
И соловья подъ сладкой пѣснью длился
Томительный, протяжный поцѣлуй.

А тамъ — сидѣлъ, оставленъ и унылъ,
Уединенъ, страдалецъ злополучный.
Пѣснь соловья онъ слушалъ и ловилъ
Въ той пѣсни звукъ, съ тоской его созвучный
И грустному казалось: соловей,
Покинутый подругою своей,
Измученный, поетъ свое страданье.
«Вотъ, думалъ онъ, несчастнаго рыданье!
Вотъ горькаго раскаянія стонъ,
Зачѣмъ любви онъ поддавался плѣну!

Вотъ злобный свистъ! — Обманщицы измѣну
Въ отчаяньи освистываетъ онъ.»

Пой, — садовъ, лѣсовъ глашатай!
Изъ конца греми въ конецъ!
Пой, единственный пѣвецъ!
Пѣснью чудной и богатой
Ты счастливому звучишь
Такъ роскошно, пылко, страстно,
А съ несчастнымъ такъ согласно,
Гармонически грустишь.
Пой, греми, дитя свободы!
Этой пѣсни внемлю я —
И душа на кликъ природы
Откликается моя.
Въ часъ безмолвія ночнаго
Слуху жадному звучи,
И въ глуши пѣвца земнаго
Пѣснямъ неба научи!

[redacted]

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

«Люблю тебя» — какъ слабо это слово!
Я, можетъ быть, тебя имъ оскорблю.
Оно звучитъ такъ пошло, такъ не ново,
Ничтожно такъ! Его я истреблю, —
А между тѣмъ не нахожу другаго,
Чтобъ выразить, что я тебя люблю,
Люблю не такъ, какъ тѣ, что лишь полюбятъ —
Твердятъ: «люблю» — и слово это губятъ.

Люблю тебя; — но я не говорю:
«Люблю тебя»; лишь въ мысляхъ это слово,
А самъ безъ словъ я на тебя смотрю.
И выпрыгнуть душа моя готова.
И все молчу, и таю, и горю.
И хочется спросить мнѣ: ты сурова

Ко мнѣ за что? — Ты видишь: я, любя,
Не говорю, что я люблю тебя.

Люблю тебя. — Но, можетъ быть, сердита
Ты на меня, затѣмъ что ты прочла
Ту мысль мою, гдѣ это слово скрыто?
Ее прочесть, конечно, ты могла
Въ глазахъ моихъ.... Но вотъ — она забыта —
Та мысль моя; она ужъ отошла,
Отвергнута. Люблю тебя.... Досада!
И думать такъ, и такъ смотрѣть не надо!

Люблю тебя. — Ты не смотри, молю,
Мнѣ такъ въ глаза, а то еще, пожалуй,
Опять прочтешь, что я тебя люблю,
Разсердишься. — Любовью небывалой
Проникнутъ, я всѣ мысли удалю.
Люблю тебя — что въ этой мысли вялой?
Люблю тебя, но втайнѣ, про себя, —
Не думая, что я люблю тебя.

Я НЕ ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

Я не люблю тебя. Любить уже не можетъ,
Кто выкупалъ въ холодномъ морѣ думъ
Свой сумрачный, тяжелый умъ,
Кого вездѣ, во всемъ сомнѣніе тревожитъ,
Кто въ школѣ опыта давно ужъ перешелъ
Сердечной музыки мучительную гамму,
И въ жизни злую эпиграмму
На все прекрасное прочелъ.
Пусть юноша мечтамъ завѣтнымъ предается!
Я прожилъ ихъ и проклялъ ихъ давно;
Мой умъ давно ужъ тамъ смѣется,
Гдѣ сердцу плакать суждено.

Что-бъ ни сбылось съ душой моею,
Какой-бы ни пылалъ огонь въ моей крови —
Я не люблю тебя: я именемъ любви
Стремленья тайнаго обозначать не смѣю;

Но ты мила моимъ очамъ,
Очамъ души моей мила, какъ день блаженный,
И взора твоего къ божественнымъ лучамъ
Прикованъ взоръ мой упоенный.
Языкъ мой нѣмъ; на немъ звукъ праздный не горитъ,
И слова тщетнаго онъ на̀ вѣтеръ не броситъ,
А сердце внятно говоритъ,
Чего языкъ не произноситъ.

Когда-то, жизни на зарѣ,
Съ душой, отверзтою къ пріятію святыни,
Я разводилъ огонь на алтарѣ
Минувшихъ дней моихъ богини,
И вѣрилъ я мечтамъ несбыточнымъ, и въ нихъ
Повсюду предо мной являлась безконечность,
И въ думахъ дѣвственныхъ своихъ
Я сочеталъ любовь и вѣчность;
Но вскорѣ далъ суровый рокъ
Мнѣ охладительный урокъ:
Открылось мнѣ, что и любовь хранится
Не долѣ милаго цвѣтка,
Что вѣчность цѣлая порой въ нее ложится,
Но эта вѣчность — коротка.
Теперь, открывъ глаза предъ истиной суровой,
Я вѣрить радъ, что грудь моя
На мигъ объята вспышкой новой —
Послѣднимъ взрывомъ бытія.

На строгій свой языкъ мнѣ разумъ переводитъ,
Что втайнѣ чувство создаетъ;
Оно растетъ, оно восходитъ,
А онъ твердитъ: оно пройдетъ.
Но что-жъ? На грудь мою взволнованную — тщетно
Онъ хочетъ наложить свинцовую печать:
Душѣ-ль насильственно изгнать
Что въ душу рвется такъ привѣтно?

Я не люблю тебя.... Но какъ-бы я желалъ
Всегда съ тобою быть, съ тобой душою слиться,
Съ тобою жизни пить фіалъ,
Съ тобой отъ міра отдѣлиться!
И между тѣмъ, какъ рыцарь нашихъ дней
Лепечетъ съ легкостью и рѣзвостью воздушной
Бездушное «люблю» красавицѣ бездушной,
Желалъ-бы, къ головѣ я преклонясь твоей
И руку сжавъ твою рукою дерзновенной
И взоръ твой обративъ отрадный на себя,
Тебѣ шептать: мой другъ безцѣнный!
Мой милый другъ! Я не люблю тебя.

[redacted]

БУРЯ И ТИШЬ.

Надъ моремъ гроза — такъ и брызжетъ огонь!
И валъ, то приляжетъ и пѣну раскатитъ,
То вскинется, вспрянетъ, какъ бѣшеный конь,
И кажется, гривой до неба дохватитъ; —
И вотъ опоясана молній мечемъ
Строптивая влага взлетѣла смерчемъ,
Но небо далеко — и столбъ тотъ сердитый
Упалъ съ дикимъ воплемъ громадой разбитой.

Конченъ ропотъ непогоды;
Улеглись морскія воды:
Гдѣ и слѣдъ минувшихъ бурь?
Зыбь блеститъ и дышитъ ровно —
И глядится въ ней любовно
Неба яснаго лазурь.

Такъ смертный познаньемъ земли недовол
Изъ темнаго міра, изъ сѣни юдольной
Стремится всей бурей ума своего
Допрашивать Небо о тайнахъ его.
Но умъ, изнуривъ свои бурныя крылья,
Во прахъ ниспадаетъ: напрасны усилья!

Стихло гордыхъ думъ волненье;
Сердце въ тихомъ умиленьѣ
Избираетъ вѣры путь.
Смертный къ небу взоръ возво
И оно къ нему низходитъ
Въ успокоенную грудь.

ЗАРЯ.

Утра-ль, вечера-ль порою
Лишь сойдется свѣтъ со тьмою —
Тьма свѣтлѣетъ, меркнетъ свѣтъ,
И по небу полосою
Пролегаетъ алый цвѣтъ.
Это — дня пред-освѣщенье
Иль прощальная заря;
Это всходъ или склоненье
Свѣтоноснаго царя.

Вспыхнутъ ярче розы вешней
Щеки дѣвы молодой:
Это — блескъ зари другой,
Это — встрѣча мысли грѣшной
Съ дѣтскихъ мыслей чистотой.

Казни-жъ, карай меня, о дѣва,
Дыханьемъ ангельскаго гнѣва!
Твоихъ проклятій стою я....
Но — нѣтъ у ангела проклятій, —
Такъ, гнѣвная, сожги меня
Въ живомъ огнѣ своихъ объятій!
Палящій зной мнѣ въ очи вдуй,
И обуздавъ мой страстный трепетъ,
Въ уста мои, сквозь жаркій лепетъ,
Вонзи смертельный поцѣлуй!

РАДОСТЬ И ГОРЕ.

О радость! Тебя захвативъ, какъ добычу,
Люблю я тобою дѣлиться съ людьми.
Тебя не скрывая, собратій я кличу:
Идите — и всякъ свою долю возьми!
Ты сокомъ изъ гроздій любви набѣжала:
О братья! Вотъ нектаръ! Идите на пиръ!
Мнѣ много, хоть капля мнѣ въ чашу упала, —
Хочу угостить я и каплей весь міръ.
Идите сюда, мои юные други!
Къ совѣту: вотъ радость! Куда ее дѣть?
Приди ко мнѣ, старецъ, забудь про недуги!
Тряхни стариною! Давай молодѣть!
Красавица-дѣва, мой змѣй черноокой!
Приди: тебѣ въ очи я радость мою
Въ уста твои, въ перси, глубоко, глубоко
Мятежнымъ лобзаньемъ моимъ перелью!

Но ежели горе мнѣ въ душу запало —
Прочь, люди! Оно нераздѣльно мое.
Вамъ капли не дамъ я тогда изъ фiала,
Въ который несладкое влито питье.
Все выпью одинъ я, — и скрытое горе
Мнѣ сердце уширитъ и грудь разведетъ.
И ляжетъ страданья въ нихъ цѣлое море.
И скорби волна береговъ не найдетъ.
Всѣ скорби снесу я къ предѣлу дороги,
Назначенной смертнымъ, — въ молчаньи свя
Не собственность наша — нѣтъ, это — зал
Я знаю: ихъ выкупитъ небо потомъ.

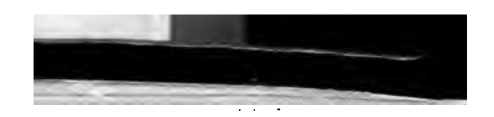
[redacted]

ЧЕРНЫЙ ЦВѢТЪ.

Въ златые дни весеннихъ лѣтъ,
Въ ладу съ судьбою, полной ласки,
Любилъ я радужныя краски:
Теперь люблю я черный цвѣтъ.

Есть дѣва — свѣтъ души моей,
О комъ всѣ пѣсни и разсказы:
Черны очей ея алмазы
И черенъ шелкъ ея кудрей.

Мнѣ Музы сладостный привѣтъ
Волнуетъ грудь во мракѣ ночи,
И чудный свѣтъ мнѣ блещетъ въ очи —
И милъ мнѣ ночи черный цвѣтъ.

Теперь мнѣ скучной жизни дань
Печаль въ удѣлъ мнѣ боги дали —
Не радость. Черенъ цвѣтъ печали.
А я люблю мою печаль.

Иду туда, гдѣ скорби нѣтъ
И скорбь несу душою сильный.
И жизнь моя — цвѣтъ могильный
И цвѣтъ могильный — черный цвѣтъ.

ВОЗВРАТИСЬ.

Въ походъ мы рядились. Всѣ прихоти—въ пламень,
А сабли на отпускъ, коней на зерно; —
О, весело шаркать желѣзомъ о камень
И думать: вотъ скоро взыграетъ оно!
Вотъ скоро при взмахѣ блеснетъ и присвиснетъ!
Гдѣ жизнь твоя, ратникъ? Была такова!
Фонтанами влага багряная прыснетъ,
Расколото сердце; у ногъ — голова!
А кони — а кони — я помню лихаго:
Козацкая прелесть! — глаза — два огня;
Друзья любовались, и чаша Донскаго
Ходила во здравье Донскаго коня.
Онъ — ратный собратъ мой, я мыслилъ порою,
Во всемъ я его къ себѣ въ долю приму:

[illegible] — [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible],
[illegible] [illegible] [illegible] — [illegible] [illegible]!

И вотъ — мы домой, [illegible] въ браняхъ,
Родимыхъ и [illegible] [illegible] примѣтъ.
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible].
[illegible] [illegible] [illegible] — [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible].
[illegible] [illegible], [illegible] — Довольно! Довольно!
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]!

Мы [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] —
Любимыхъ красавицъ родной стороны
И [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].
«Прости!» Я [illegible] [illegible] [illegible].
У ногъ ея бросилъ [illegible] мечъ
[illegible] [illegible] — и [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] — [illegible] [illegible]
И [illegible] [illegible] [illegible] въ устахъ ея [illegible]
Одно только слово одно — «возвратись!»

Чу! Грянули трубы; колоны стѣснились;
Радушно — покорны священному зву,
Торжественно, дружно главы обнажились,
Ружье — на молитву, душа — къ Божеству!
Въ глазахъ просіяла, протеплилась вѣра,
Сердечною влагой намокли глаза,
По длиннымъ, по мшистымъ усамъ гренадера,
Сверкая, скатилась красотка — слеза.

Вломились въ чужбину незваные гости,
Желѣзо копытъ бороздило поля,
Обильнымъ посѣвомъ ложилися кости,
Потоками крови тучнѣла земля, —
И мира блеснули лучи золотые,
И снова мечи потонули въ ножнахъ,
И шумно помчались въ предѣлы родные
Орлы полуночи на рьяныхъ крылахъ.
Обратно летѣлъ я съ мечтою сердечной,
Съ кипучею думой: «тамъ дѣва твоя.»
Друзья выходили толпою навстрѣчной:
Здорово, товарищъ! — «Пустите, друзья!
Меня вы хотѣли зрѣть въ почести бранной,
А я только сердце домой воротилъ.»
Сказалъ — и спѣша къ моей милой, желанной,
Впервые ударомъ коня оскорбилъ;

Но онъ, благородный, обиду прощая,
Примчалъ меня прямо въ тотъ памятный домъ.
Смотрю: все какъ было; пришельца встрѣчая,
Псы съ радостнымъ визгомъ метались кругомъ
И кланялись гостю знакомые слуги,
И узнанный всѣми, и встрѣченъ, какъ свой,
Явленья безцѣнной, сердечной подруги
Я ждалъ съ нетерпѣньемъ души боевой.
И вотъ — она вышла — улыбкой свѣтлѣетъ..
Я кинулся къ милой — и слезы, какъ градъ..
Постой! Не кидайся! Здѣсь холодомъ вѣетъ.
Прочь, глупыя слезы! Вернитесь назадъ!
Все время умчало; душа отстрадалась;
О дѣвѣ-злодѣйкѣ мечты унеслись;
Но въ сумрачномъ сердцѣ донынѣ осталось
Одно ея слово, одно: «возвратись!»

Вѣтра прихотямъ послушный,
Разряженный какъ на пиръ,
Какъ богатъ въ странѣ воздушной
Облаковъ летучій міръ!
Тамъ — въ краяхъ недостижимыхъ
Для мечтателя очей
Сколько формъ неуловимыхъ!
Сколько дымчатыхъ кудрей!
То прозрачны, — то угрюмы,
Какъ сомнительныя думы,
То съ готовою слезой,
То съ небесною грозой,
Эти груды, эти глыбы
Черезъ горній мчатся сводъ.

Мнится, тамъ простеръ изгибы
Дѣвъ туманныхъ хороводъ.
Тамъ — въ степи небесъ обширной
Виденъ арміи эѳирной
Боевой, громадный ходъ:
Растянулась эта сила —
И заря изъ подъ руки
Словно кровью обкатила
Эти грозные полки;
Войско рѣже; — тамъ подъ тучей,
Какъ огни стрѣльбы летучей,
Солнца брызнули лучи —
И легли кругомъ въ обломкахъ,
Въ раззолоченныхъ каёмкахъ,
Шлемы, латы и мечи.

Вотъ, отдѣлясь отъ области волнистой
Тѣхъ облаковъ, идетъ изъ нихъ одно
Могучее, — и съ высоты оно
Царемъ глядитъ: въ опушкѣ золотистой
Сіяетъ верхъ; увѣнчано чело,
А мракъ въ груди, а въ сердцѣ — тяжело,
И капли слезъ съ той вышины престольной,
Въ обитель слезъ — на міръ упали дольный,
А бѣлый паръ, какъ чистый ѳиміамъ,
Клубится въ высь, истаевая тамъ.

Все мрачное мраку, а Фебово — Фебу!
Все дольное — долу, небесное — небу!

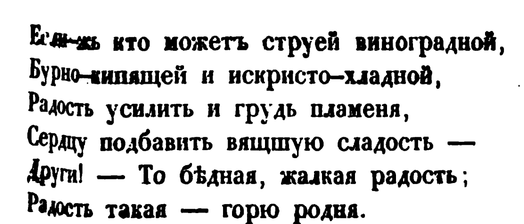
Снова ясно; — вновь блистая
И являя вешній пиръ,
Чаша неба голубая
Опрокинута на міръ.
Разлетаюсь вольнымъ взглядомъ:
Облака! вашъ кругъ исчезъ;
Только тамъ вы мелкимъ стадомъ
Мчитесь къ темени небесъ.
Тѣхъ высотъ не сыщутъ бури;
Агнцамъ неба суждено
Тамъ разсыпать по лазури
Бѣлокудрое руно;
Тамъ роскошна пажить ваша;
Свѣта дивнаго полна
Вамъ небесъ лазурныхъ чаша
Открывается до дна.
Тщетно васъ слѣжу очами:
Васъ ужь нѣтъ въ моихъ очахъ....
Взлетомъ мысли вмѣстѣ съ вами
Я теряюсь въ небесахъ.

ПЕРЕДЪ БОКАЛАМИ.

Кубки наполнены. Пѣна, какъ младость,
Рѣзвится шумно на граняхъ стекла
Други! Какая-жъ нежданная радость
Насъ на вакхическій пиръ собрала?

Радость? — О нѣтъ! Если-бъ съ горняго неба
Лучъ ея въ сердце случайно запалъ —
Прочь всѣ напитки, хотя-бы намъ Геба
Вышла поднесть Олимпійскій фіалъ!
Прочь! Не хотимъ! Оттолкнемъ его дружно!
Радостью духъ нашъ да полнится весь!
Двухъ упоеній сердцу не нужно,
Вкусу обидна преступная смѣсь.

Если-жь кто можетъ струей виноградной,
Бурно-кипящей и искристо-хладной,
Радость усилить и грудь пламеня,
Сердцу подбавить вящшую сладость —
Други! — То бѣдная, жалкая радость;
Радость такая — горю родня.

Кубки высокіе, полны шипѣнья,
Блещутъ, — и кругъ умножается нашъ.
Други! Ужели въ бѣдахъ утѣшенья
Ищемъ мы нынѣ на праздникѣ чашъ?

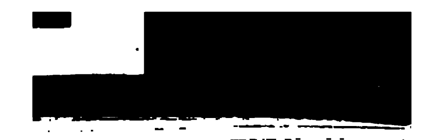
Нѣтъ! — Лютой горести зубъ всегрызущій
Душу терзалъ-бы средь оргіи пуще.
Духа въ печали вино не свѣжитъ:
Злая настигнетъ и глубже укуситъ,
Если кто въ битвѣ съ судьбиною труситъ
И малодушно за чашу бѣжитъ.
Сердцу покоя виномъ не воротишь:
Горе увидишь и въ самомъ винѣ;
Съ каждою каплею горе проглотишь,
Выпьешь до капли, а горе на днѣ.
Если-жь кто въ страхѣ надъ жизненнымъ моремъ
Духъ врачевалъ свой кипучимъ Клико —

Други, повѣрьте, тотъ хвасталъ лишь горемъ,
Скорби не зналъ, не страдалъ глубоко.

Нѣтъ! Мы не въ радости, мы и не въ горѣ
Дѣйствуемъ вѣчно въ семъ дружномъ соборѣ:
Жизнь мы сухую сошлись окропить —
И потому — равнодушно, спокойно,
Такъ какъ нужнымъ средь бесѣды пристойно,
Будемъ степенно, обдуманно пить!

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.

Всѣ занявъ страны земныя,
Съ незапамятной поры
Въ мірѣ ходятъ двѣ родныя,
Но несходныя сестры.
Вся одна изъ нихъ цвѣтами,
Какъ невѣста, убрана,
И коварными сѣтями
Смертныхъ путаетъ она.
На устахъ любви приманка,
Огнь въ очахъ, а въ сердцѣ ледъ,
И какъ бурная Вакханка
Дѣва пляшетъ и поетъ.
Не блеститъ сестра другая;
Черенъ весь ея покровъ;
Взоръ недвижимо суровъ;

Перси — глыба ледяная,
Но въ груди у ней — любовь.
Мнится, вовсе незнакома
И чужда между людей,
Но лишь стукнетъ у дверей,
Но потребуетъ пріёма —
И богачъ недужный дома
Долженъ сказываться ей;
Въ свой чередъ она приходитъ
Къ сыну горя и труда,
И безсонницу отводитъ
Отъ страдальца навсегда.
Та страстей опаснымъ хмѣлемъ
Шаткій разумъ закружитъ,
Обольститъ, обворожитъ,
И, сманивъ къ невѣрнымъ цѣлямъ,
Съ злобнымъ смѣхомъ убѣжитъ.
Эта — въ лютый часъ недуга,
Къ намъ, какъ вѣрная подруга,
Подойдетъ, навѣетъ сонъ,
Сникнетъ къ ложу съ состраданьемъ
И замкнетъ своимъ лобзаньемъ
Нашъ послѣдній тяжкій стонъ.
Та напѣвами соблазна
Увлекаетъ жадный слухъ,
И для чувственности праздной
Стелетъ нѣги жаркій пухъ.

Эта — гаситъ пылъ тѣлесный,
Прахъ съ души, какъ цѣпи, рветъ,
И изъ мрака въ свѣтъ небесный
Вдохновенную зоветъ.
Рухнетъ грустная темница:
Прахъ во прахъ! Душа–орлица
Снова родину узритъ,
И безъ шума, безъ усилья,
Вскинувъ пламенныя крылья,
Въ міръ надзвѣздный воспаритъ.

[redacted]

КАЛИФЪ И РАБЪ.

Умъ свой въ думы погрузивъ,
За столомъ сидѣлъ Калифъ.
Предъ владыкой величавымъ
Рабъ трепещущій его,
Блюдо съ пышущимъ пилавомъ
Опрокинулъ на него.

Грозенъ, страшенъ, какъ судьба,
Посмотрѣлъ онъ на раба:
Тотъ, готовъ разстаться съ свѣтомъ
Прошепталъ полу–живой:
«Рай обѣщанъ Магометомъ
Тѣмъ, кто гнѣвъ смиряетъ свой.» —

Не сержусь — сказалъ Калифъ,
Укрощая свой порывъ. —
Ободряясь, отираетъ
Рабъ холодный потъ съ чела:
«Рай — и тѣмъ» — онъ продолжаетъ —
«Кто не памятуетъ зла.» —

Забываю. — Веселѣй
Сталъ Калифъ, а рабъ смѣлѣй:
«Надо въ свѣтлый рай для входа
И за зло платить добромъ.» —
Рабъ! Дарю тебя свободой
И осыплю серебромъ. —

Отъ восторга рабъ едва
Могъ опомниться сперва,
Пораженный этимъ чудомъ, —
А Калифъ смотрѣлъ, признавъ
Самымъ вкуснымъ сердцу блюдомъ
Опрокинутый пилавъ.

У СТАРѢЛОЙ КРАСАВИЦѢ.

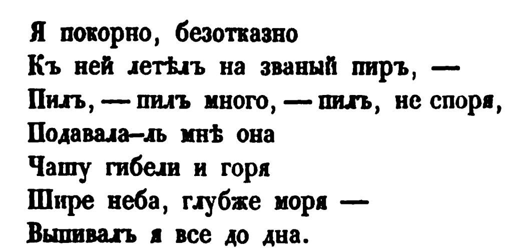
Пережила, Аглая, ты
Младыя, розовыя лѣта, —
Но и теперь цѣла примѣта
Твоей минувшей красоты,
Достойной звучнаго напѣва;
Сгубило время наконецъ
Твой прежній скипетръ и вѣнецъ,
Но и безъ нихъ ты — королева!
И, обходя цвѣтущихъ дѣвъ,
Красѣ ихъ легкой не во гнѣвъ,
Знатокъ изящнаго, глубоко
О дольней бренности скорбя,
Свое задумчивое око
Возводитъ часто на тебя.

Такъ храма славнаго руины
Нашъ останавливаютъ взоръ
Скорѣй, чѣмъ мелкія картины
И зданья легкаго узоръ.
Блескъ отнятъ; краски отлетѣли:
Все-жъ этотъ мраморъ — Партенонъ,
Гдѣ слава спитъ былыхъ временъ,
Гнѣздясь въ кудрявой капители
Между Дорическихъ колонъ.

ЖАЖДА ЛЮБВИ.

Гдѣ вы, вспышки вдохновеній?
Гдѣ вы, страстныя мечты?
Гдѣ ты, праздникъ пѣснопѣній
Въ честь верховной красоты?
Все исчезло: нѣтъ царицы,
Для кого-бъ въ ночной тиши
Стройный звонъ моей цѣвницы
Раздавался отъ души.
Тщетно жадный взоръ мой бродитъ
Между прелестей: на зовъ
Къ сердцу снова не приходитъ
Своенравная любовь.
А когда-то, въ нѣгѣ праздной,
Забывая цѣлый міръ,

Я покорно, безотказно
Къ ней летѣлъ на званый пиръ, —
Пилъ, — пилъ много, — пилъ, не споря,
Подавала-ль мнѣ она
Чашу гибели и горя
Шире неба, глубже моря —
Выпивалъ я все до дна.

Незабвенныя мученья!
Васъ давно-ль я выносилъ,
И у неба охлажденья
Будто милости просилъ,
Посылалъ судьбѣ проклятья,
Ненавидѣлъ свой удѣлъ,
И отъ сердца оторвать я
Цѣпи жгучія хотѣлъ?
Что-жъ? Я снова той-же доли
У судьбы прошу моей,
Я опять хочу неволи,
Я опять ищу цѣпей, —
И, быть можетъ, ихъ найду я,
Ими сердце обверну,
Ихъ къ душѣ моей прижму я —
И опять ихъ прокляну!

МОГИЛА.

Разсыпано много холмовъ полевыхъ
Изъ длани природы обильной;
Холмы тѣ люблю я, — но болѣе ихъ
Мнѣ холмъ полюбился могильный.

Въ тоскѣ не утѣшусь я свѣтлымъ цвѣткомъ;
Мнѣ пышной гирлянды не надо!
Взгляну на могилу: свиваясь клубкомъ,
Прикатится къ сердцу отрада.

Любви-ли сомнѣніе въ грудь залегло?
Къ той насыпи мысль обращу я —
И чище мнѣ кажется милой чело,
И ярче огонь поцѣлуя.

Устану-ли въ тягостной съ рокомъ борьбѣ,
Израненъ, избитъ исполиномъ?
Я вспомню могилу — и въ очи судьбѣ
Взираю съ могуществомъ львинымъ.

Я въ мірѣ боецъ; — да, я биться хочу.
Смотрите: я бросилъ ужъ лиру;
Я мечъ захватилъ и открыто лечу
Навстрѣчу нечистому міру.

И Богъ да поможетъ мнѣ зло поразить
И въ битвѣ глубоко, глубоко
Могучей рукою сталь правды вонзить
Въ шипучее сердце порока!

Не бойтесь, друзья! Не падетъ вашъ пѣвецъ.
Пусть грозно враговъ ополченье:
Какъ левъ, я дерусь; — какъ разумный боецъ,
Упрочилъ себѣ отступленье.

Тотъ холмъ все за мною, какъ ангелъ, стоитъ,
Мою укрѣпляя отвагу:
Когда-же боренье меня истомитъ —
Туда — и въ могилѣ я лягу.

[redacted]

И пламенный духъ изъ темницы своей
Торжественнымъ крыльевъ размахомъ
Къ Отцу возлетитъ, а ползучихъ гостей
Земля угоститъ моимъ прахомъ.

Но съ міромъ не конченъ кровавый расчетъ:
Нѣтъ, — въ бурныя силы природы
Вражда моя въ новой красѣ перейдетъ —
И въ воздухъ, и въ пламя, и въ воды.

На стужу сердецъ я вулканомъ дохну,
Кипящею лавой нахлыну,
Средь водной равнины волною плесну —
Злодѣя ладью опрокину.

Порой ураганомъ взлетѣвъ на просторъ,
Всѣ вихри пустынные скличу,
И прахомъ засыплю грабителя взоръ,
У хищника вырву добычу.

И путь я свободный повсюду найду:
Сквозь стѣны, въ чертогъ бепредѣльный
Я къ злому сатрапу заразой войду
И язвою лягу смертельной.

Утихну, — и къ ангелу-дѣвѣ потомъ
Легко полечу, и надъ нею
Въ день знойный прохладнымъ кружась вѣтеркомъ,
Чело моей милой обвѣю.

И райскимъ довольствомъ и нѣгой полна,
Сіяя улыбкой умильной,
Узнаетъ ли въ этомъ привѣтѣ она,
Что это привѣтъ замогильный?

НОВАЯ ДРУЖБА.

Отвергнувъ страсть мою, ты мнѣ сказала внятно,
Что дружбу мнѣ даришь. Благодарю стократно!
Отнынѣ мы — друзья. Освобожденъ отъ мукъ
Я руку жму твою: благодарю, мой другъ!
И такъ теперь съ тобой въ бесѣдѣ откровенной
Склониться я могу главою утомленной
На дружескую грудь.... Но что я вижу? — Ты
Краснѣешь, — съ робостью стыдливой красоты
Оправить на плечахъ спѣшишь свою косынку —
Зачѣмъ же? — Я въ тебѣ уже не властелинку,
Но друга признаю. Робѣть тебѣ не слѣдъ.
Таиться не къ чему: для друга тайны нѣтъ.
Въ любви остерегись — для ней нужна ограда,
Не должно выходить тамъ изъ подъ строгихъ мѣръ,

Но мы съ тобой — второй неслыханный примѣръ
Ореста вѣрнаго и милаго Пилада —
Должны быть запросто; условій свѣтскихъ грузъ
Не долженъ бременить нашъ искренній союзъ, —
И смѣло дѣйствуя и разсуждая здраво,
Должны любовникамъ мы предоставить право
Смущаться и краснѣть, блѣднѣть и трепетать.
А мы.... Да осѣнитъ насъ дружбы благодать!
Намъ дозволительны — огонь рукопожатій
И крѣпкій сплавъ сердецъ и дружескихъ объятій,
И, какъ-бы ни было, при солнцѣ иль лунѣ,
Бесѣды долгія, въ тиши, наединѣ.

[redacted]

ОТРЫВКИ ИЗЪ КНИГИ ЛЮБВИ.

I.

Опять мятежная проснулась
Давно-ль затихнувшая страсть,
И вновь предъ бурною шатнулась
Разсудка царственная власть.
Въ груди, какъ прежде, сердцу тѣсно,
Опять любовь бушуетъ въ немъ
И подъ грозой ея небесной,
Оно обхвачено огнемъ;
Но обаятельной надеждѣ,
Уразумленное оно
Уже не вѣруетъ, какъ прежде,
Сомнѣній въ мракъ погружено.
Оно предчувствуетъ, предвидитъ
И въ злой тоскѣ предузнаетъ,

Что вновь судьба его обидитъ
И чашей нѣги обойдетъ.
Въ любви невстрѣченный любовью
Еще не разъ паду я вновь
Челомъ горящимъ къ изголовью,
Страдальца слезы брызнутъ кровью
И въ сердце ядомъ хлынетъ кровь.

[redacted]

II.

С кипучей страстію въ томительной борьбѣ
Печалью тайною душа моя томима.
Зачѣмъ меня, друзья, зовете вы къ себѣ?
Зачѣмъ въ свой кругъ зовете нелюдима?
Мнѣ будетъ чуждъ вашъ легкій разговоръ
Разнообразный и шутливый.
Я буду между васъ сидѣть, потупя взоръ —
Недвижный, мрачный, молчаливый.
Хотите-ль вы, чтобъ я въ день пира представл
Собою скучный день похмѣлья
И краски вашего веселья
Своимъ уныньемъ оттѣнялъ?
Хотите-ли вы ту, кого назвать не смѣю,
Съ улыбкой шалости при мнѣ именовать
И дерзкой шуткою своею
Мнѣ сердце сжатое терзать?

Разгульный хохотъ вашъ, о вѣтреные други,
Усилитъ, растравитъ души моей недуги;
Вотще тогда бокалъ вы подадите мнѣ,
Гдѣ звѣзды прыгаютъ въ прозрачной глубинѣ:
На все — и на любезность вашу —
Тогда, обиженный, со злостью я взгляну,
И пирнымъ нектаромъ наполненную чашу
Отъ устъ изсохшихъ оттолкну:
Я не найду въ ней упоенья,
Сердечной жажды я виномъ не утолю,
И чувства вѣчнаго въ себѣ не оскорблю
Призывомъ суетнымъ минутнаго забвенья.
Пируйте-же, друзья! — Мнѣ дорогъ вашъ поминъ,
Но чуждо мнѣ бывалое веселье.
Уйдите отъ меня! Пускай въ пустынной кельѣ
Останусь я — одинъ!

Одинъ!... Одинъ!... Мнѣ милый призракъ блещетъ.
И струны тайныя въ груди моей дрожатъ,
Рука беретъ перо, — перо скользитъ, трепещетъ —
И строки мѣрныя подъ нимъ уже горятъ.

III.

Когда настанетъ оный мигъ,
Когда нарушу я молчанье
И предъ тобою на признанье
Уполномочу мой языкъ,
И отъ тебя, предъ окомъ свѣта,
Я стану требовать отвѣта
На мой вопросъ, и въ словѣ «нѣтъ»
Явиться долженъ твой отвѣтъ —
Прошу тебя: безъ замедленья
Мои надежды разрушай,
И грудь мою безъ сожалѣнья
Прямымъ ударомъ отверженья
Съ возможной силой поражай!
Да разразится тяжкимъ громомъ
Твой приговоръ! Несчастья вѣсть —
Я въ сердцѣ, съ бурями знакомомъ,

Найду способность — перенесть,
И вновь надъ этимъ тщетной страстью
Измятымъ сердцемъ — голова
Спокойно вступитъ съ гордой властью
Въ свои суровыя права.
Но если.... если жизни слово
Я долженъ выслушать тогда,
И будетъ мнѣ въ тотъ мигъ готово
Въ твоихъ устахъ не «нѣтъ», но «да» —
О, пощади больнаго друга!
Не вдругъ открой блаженства дверь,
Но прежде жаръ его недуга
Отрадой легкою умѣрь!
Мнѣ счастье страшно: въ мигъ отвѣта
Не вдругъ, не разомъ ты облей
Лучами радостнаго свѣта
Туманный взглядъ души моей,
Да отъ всегдашняго ненастья
Себя къ живому блеску счастья
Я постепенно пріучу!
Съ судьбой враждебной вѣчно споря,
Я умереть не могъ отъ горя,
А отъ блаженства — не хочу.

III.

Когда настанетъ оный мигъ,
Когда нарушу я молчанье
И вмѣсто тайны и признанья
Уста промолвитъ мой языкъ.
И у тебя предъ окомъ свѣта
Я стану требовать отвѣта
На мой вопросъ и въ словѣ семъ
Явиться долженъ твой отвѣтъ —
Прошу тебя безъ замедленья
Мои надежды разрушай,
И грудь мою безъ сожалѣнья
Привычнымъ ударомъ отверженья
Со всемощной силой поражай
Да разразится тяжкимъ громомъ
Твой приговоръ! Несчастья вѣсть —
И въ сердцѣ, съ бурями знакомомъ.

И, можетъ быть, красавица другая
Прочувствуетъ ее, не понимая,
Она ее безчувственно пойметъ; —
Она пройдетъ, измѣритъ безъ раздумья
Всю глубину поэта тяжкихъ думъ;
Ея живой быстро-летучій умъ
Пойметъ языкъ сердечнаго безумья, —
И гордаго могущества полна
Передъ своимъ поклонникомъ она
На бурный стихъ порой ему укажетъ,
Гдѣ вся душа, вся жизнь его горитъ,
Съ улыбкою: «какъ это мило!» — скажетъ,
И, легкая, къ забавамъ улетитъ,
А ты ступай, мечтатель неизмѣнный,
Вновь расточать безплатныя мечты!
Иди опять красавицѣ надменной
Ковать вѣнецъ, работникъ вдохновенный,
Ремесленникъ во славу красоты!

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] въ словахъ твоихъ изник[illegible]
[illegible]
[illegible]

И [illegible] поетъ. [illegible] въ [illegible] дышитъ
[illegible] въ [illegible] стихъ
Пѣвецъ поетъ — она его не слышитъ.
Онъ слезы льетъ — она не видитъ ихъ.
Когда-жъ молва, всѣ тайны расторгая,
Пѣснь жаркую по свѣту разнесетъ,

[redacted]

Тамъ свѣтскихъ чуждые цѣпей,
Мы знали только братства узы,
И наши маленькія Музы
Ласкали избранныхъ дѣтей;
Отъ прозаической науки
Бѣжали мы — въ мечты играть
И языка роднаго звуки
Игрѣ созвучій покорять.
Тамъ въ упоительной тревогѣ
Мы обнимались на порогѣ
Межъ дѣтства запоздалымъ сномъ
И первымъ юности огнёмъ,
И чувствомъ новымъ закипали,
И, сливъ въ безмолвіи сердца,
Еще чего-то отъ Творца,
Какъ недосозданные ждали —
И жаркой струйкою въ крови
Текло предвкусіе любви,
И сколько плановъ жизни мнимой
Чертила дѣтская душа,
И тамъ — въ дали необозримой
Какъ жизнь, казалось, хороша!
Ударилъ часъ: мы полетѣли
Вдоль разныхъ жизненныхъ дорогъ,
И скоро сердцемъ откипѣли
И юный пылъ нашъ изнемогъ; —

И вотъ, мой другъ, поживъ немного,
Узнавъ людей, вкусивъ любовь,
Уже на міръ мы смотримъ строго,
Какъ пересозданные вновь,
Вздыхаемъ, шлемъ упреки людямъ
И говоримъ, что жизнь плоха,
Что вся она, когда разсудимъ,
Не стòитъ звучнаго стиха,
Что все неправдой, злобой вѣетъ,
Что въ общей стужѣ мерзнетъ кровь,
Что дружба нехотя нѣмѣетъ
Подъ гнетомъ рока, — а любовь?
Въ любви-ль найдемъ еще отраду?
Увы! Напрасныя мечты!
Любовь земная — капля яду
На остромъ жалѣ красоты.

Товарищъ! Гдѣ-же утѣшенье?
Чу! Громъ прошелъ по высотамъ.
Дай руку! Благо Провидѣнье:
Страданье здѣсь, блаженство — тамъ.

II.

Къ Н—му.

Не трать огня напрасныхъ убѣжденій
И не сули мнѣ брачнаго вѣнца!
Не обѣщай семейныхъ наслажденій
И радости и счастья безъ конца!
Вѣнецъ тотъ былъ мечты моей кумиромъ
И былъ готовъ я биться съ цѣлымъ міромъ
За ту мечту. Я въ книгѣ дней своихъ
Тогда читалъ горячую страницу
И пѣлъ ее — любви моей царицу,
Владычицу всѣхъ помысловъ моихъ.
Средь общаго житейскаго ненастья
Небесный свѣтъ ловилъ очами я,
И радостно змѣю-надежду счастья
Носилъ въ груди.... прекрасная змѣя!

[redacted]

Н[illegible] волшебнаго обмана
М[illegible] окончень этотъ путь:
Н[illegible] мучительная рана
И [illegible] грудь.
Не говори, что я не зрѣлъ, что молодъ —
Не говори, что время впереди
Тамъ нѣтъ его — оно въ моей груди
И въ ней стоитъ, закованное въ холодъ,
И для меня не двинется впередъ:
Гдѣ мы нейдемъ, тамъ и оно нейдетъ

Напрасно ты на милое созданье
Укажешь мнѣ, готовое побѣдить
И прошлое души моей страданье
Своей души богатствомъ искупить
Я не хочу при кликахъ «торжествуемъ»
Притворствовать у ангела въ очахъ
И класть клеймо бездушнымъ поцѣлуемъ
На жизнию трепещущихъ устахъ.
Сказки моей протекшей жизни повѣсть
Я долженъ-ли супругѣ разсказать?
Скрываться, лгать? — Меня измучитъ совѣсть
А истина — должна-бъ ее терзать.
Больныхъ страстей сказаніемъ блестящимъ,
Отчетами любви моей къ другой

Я угожу-ль подругѣ молодой,
Желающей упиться настоящимъ?
Одинъ обрядъ — одинъ союзный торгъ —
Замѣнитъ-ли утраченный восторгъ?
Вступивъ во храмъ, въ святую область Божью,
Уже-ль скажу я безъ любви «люблю»
И низкою богопротивной ложью
И этотъ храмъ и Бога оскорблю?
Нѣтъ! Пусть живу и мыслю одиноко!
Пусть одного крушитъ судьбы гроза!
За то я чистъ: ужаснаго упрёка
Меня не жжетъ кровавая слеза.
Пускай мой одръ не обогрѣтъ любовью,
Пусть голову холодную свою
Къ холодному клоню я изголовью
И нектара завѣтныхъ ласкъ не пью:
За то мой сонъ порою такъ прекрасенъ,
Такъ сладостенъ, роскошенъ, живъ и ясенъ,
Что я своимъ то счастіе зову,
Котораго не вижу на яву.

III.

Къ Б—ну.

Мнѣ были дороги мгновенья,
Когда, въ таинственной тиши,
Ты довѣрялъ мнѣ впечатлѣнья
Своей взволнованной души.
Однимъ мы чувствомъ полны и мыслію одною
Ты объ избранницѣ мнѣ говорилъ своей.
И очарованный, со мною
Дѣлился жизнію своихъ кипучихъ дней.
Отжившій сердцемъ, охладѣлый,
Я понималъ любви твоей языкъ:
Мнѣ въ глубину души осиротѣлой
Онъ чѣмъ-то родственнымъ проникъ.

Я этой рѣчи тріумфальной —
Съ какой-то жадностью внималъ,
И пуще чувствовалъ тогда свой хладъ печальный
И бурный твой восторгъ въ душѣ благословлялъ.

Благое небо мнѣ судило
Увидѣть вмѣстѣ наконецъ
Тебя и дней твоихъ свѣтило —
Твою владычицу, души твоей вѣнецъ!
Въ холодномъ обществѣ сіялъ ты предъ собраньемъ
Въ какомъ-то очеркѣ святомъ
Не всѣми видимымъ сіяньемъ,
Не всѣмъ понятнымъ торжествомъ.

Твой видъ тогда издержанную силу
Въ моей груди пустынной обновлялъ,
И въ ней прошедшаго могилу
Съ его блаженствомъ раскрывалъ.
Я мыслилъ: кончены моленья,
Кумиръ мой палъ, разрушенъ храмъ;
Я не молюсь мнѣ чуждымъ божествамъ,
Но въ сердцѣ есть еще хоть тѣнь благоговѣнья, —
И я мой тяжкій рокъ за то благословилъ,
Что онъ меня цѣнить святыню научилъ,

И втайнѣ канули благодаренья слезы.
Что на челѣ моемъ хранятся до конца
Хоть грустные слѣды, гдѣ прикасались розы
Къ шипамъ терноваго вѣнца.

Не требуй отъ меня оцѣнки хладнокровной
Достоинства избранницы твоей!
Гдѣ чувство говоритъ и сердца судъ верховный,
Тамъ жалокъ судъ ума взыскательныхъ судей.
Не спрашивай: замѣтенъ-ли во взорѣ
Ея души твоей душѣ отвѣтъ,
Иль взглядъ ея ласковый и нѣжность въ разговорѣ
Лишь навыкъ свѣтскій и общій всѣмъ привѣтъ?
Мнѣ-ль разгадать?—Но вѣрь, не тщетно преданъ
Ты чувству пылкому. Мы этотъ чистый жаръ,
Который сердцу заповѣданъ,
Должны цѣнить, какъ высшій даръ.
Награду сладкую сулитъ намъ жаръ взаимный;
Но сердца пѣснь — любовь: покорствуя судьбѣ.
Когда-жь за искренніе гимны
Пѣвецъ награды ждетъ себѣ?
Предъ небомъ совершай служеніе святое!
Молись, и не стыдись молитвенной слезы!
Помни, въ небѣ есть и солнце золотое
И полныя крушительной грозы.

Для дня блестящаго, но въ подвигѣ служенья
Не бойся, не страшись и молній отверженья!
Прекрасенъ видъ, когда мечтателя слезой
Лучъ солнца отраженъ торжественно и ясно,
Но и подъ бурею прекрасно
Его чело, обвитое грозой.

IV

К—ну

Бодро выставь грудь младую!
Выдвинь крепость юных плечъ!
Облекись въ броню стальную!
Прицепи булатный мечъ!
Сердцемъ, преданнымъ надежде,
Въ даль грядущаго взгляни,
И о томъ, что было прежде,
Мне собой напомяни!

Да вскипитъ фиалъ заздравный —
И приветъ стране родной,
Нашей Руси православной,
Бранноносице стальной!

Широка она — родная,
Ростомъ — міру по плечо,
Вся одежда ледяная,
Только сердце горячо; —
Чуть зазнала пиръ кровавый —
И разсыпались враги,
Высоко шумитъ Двуглавый,
Землю давятъ Русской славы
Семимильные шаги.

Новый ратникъ! Стань подъ знамя!
Вѣрность въ душу, сталь во длань!
Юной жизни жаръ и пламя
Сладко несть отчизнѣ въ дань.
Да послужитъ въ охраненье
Ей твой мечъ — головосѣкъ!
Ей — сердецъ кипучихъ рвенье
И небесъ благословенье
Нынѣ, присно и во вѣкъ!

СОВЕТЫ.

[illegible]

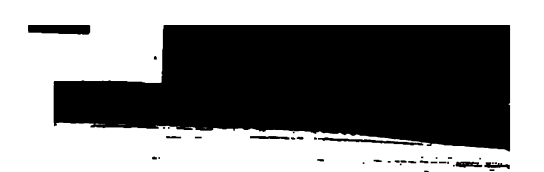
[illegible]

[illegible]

Куда ни оглянись — вездѣ іероглифъ.
На краски радуги лучъ свѣта раздробивъ,
Намъ — что такое свѣтъ? — не высказала призма.

Есть сердце у тебя: пади, благоговѣй,
И бойся исказить догадкою своей
Сокрытое во тьмѣ святаго мистицизма!

III.

КОМЕТА.

Взгляни на небеса: [illegible] стройность вѣковая.
Какъ [illegible] [illegible] [illegible]!
Какъ [illegible] [illegible] [illegible] гармонии полна
И какъ [illegible] [illegible] [illegible] кругомъ!

Но между ними путь особый пролагая,
Комета [illegible] — системамъ не вѣрна,
И носится, грозитъ другимъ мірамъ она,
Какъ [illegible] хвостомъ пол-неба застилая.

Спокоенъ астрономъ: по небу гостья та —
Онъ видитъ — шествуетъ дорогой соразмѣрной,
Но страшенъ новый блескъ для черни суевѣрной.

Такъ мысль блестящая, высокая мечта —
Пугаетъ чернь земли во тьмѣ ея пещерной,
Но яснымъ разумомъ спокойно принята.

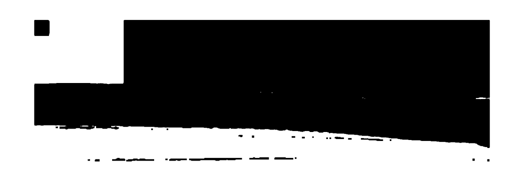
ВУЛКАНЪ.

Нахмуреннымъ челомъ простерся онъ высоко;
Пятою онъ земли утробу придавилъ, —
Курится и молчитъ надменно, одиноко;
Мысль огнеметную онъ въ сердцѣ затаилъ....

Созрѣла—онъ вздохнулъ такъ тяжко, такъ глубоко,
Что землю покачнулъ и небо помрачилъ,
И камни, прахъ и дымъ разметаны широко,
И лавы бурный токъ окрестность обкатилъ.

Онъ — геній естества, — и слѣдъ опустошенья,
Который онъ простеръ, жизнь ярче оцвѣтитъ.
Смирись: ты не постигъ природы назначенья.

Такъ въ человѣчествѣ бичъ-геній зашумитъ —
Толпа его клянетъ средь дикаго смятенья,
А онъ, свирѣпствуя, землѣ благотворитъ.

IV.

ГРОЗА.

Въ тяжеломъ воздухѣ соткалась мгла густая:
Взмахнулъ крылами вѣтръ: зубчатой бороздой
Просѣклась молнія: завыла хлябь морская:
Лѣсъ ощетинился и стонетъ подъ грозой.

Какъ хохотъ сатаны, несется, замирая,
Громовъ глухой раскатъ, и снова надъ землёй
Небесный пляшетъ огнь, по ребрамъ тучъ сверкая,
И грозно падаетъ изломанной чертой.

Толпа пугается и мчится подъ затворы....
Бѣгите! Этотъ блескъ лишь для очей орла.
Творенья робкія! Спѣшите въ ваши норы!

Кто-жь тамъ—на гребнѣ скалъ?—Стопа его смѣла;
Открыта грудь его; стремятся къ небу взоры, —
И молнія — вѣнецъ вокругъ его чела!

V.

ЦВѢТОКЪ.

«Какъ дивно вытканъ онъ изъ красокъ, изъ эѳира!
Откуда милый гость? Не прямо-ль съ неба онъ?
Златистою каймой онъ пышно обведёнъ,
На немъ небесъ лазурь, на немъ зари порфира.»—

Нѣтъ! Это — сынъ земли и гость земнаго пира;
Лугъ — родина ему; изъ праха онъ рождёнъ. —
«Такъ вѣрно чудный перлъ былъ въ землю погруженъ,
Чтобъ произвесть его на украшенье міра?»—

[redacted]

О нѣтъ! Чтобъ вознестись головкой золотой —
Изъ чернаго зерна онъ долженъ былъ родиться
И корень свить въ грязи, во мракѣ, подъ землёй.

Такъ сѣмя горести во грудь пѣвцу ложится,
И въ сердце водрузивъ тяжелый корень свой,
Цвѣтущей пѣснію изъ устъ его стремится.

VI.

СЛЕЗА И УЛЫБКА.

Когда укрытую, невидимую міромъ,
Красавицу томитъ завѣтная тоска —
Слеза въ ея глазахъ—алмазъ въ игрѣ съ сапѳиромъ,
Росинка Божія въ лазури василька.

Когда-жъ ей весело — и за сердечнымъ пиромъ
Улыбка по устамъ продернута слегка —
Сдается: тронуты два розовыхъ листка
Весеннимъ воздухомъ, чуть дышущимъ зеѳиромъ.

[redacted]

Порою вмѣстѣ — дождь — и ясны небеса.
Такъ на живомъ лицѣ ея, моей голубки,
Порой встрѣчаются улыбка и слеза.

Какъ тягостны тогда приличію уступки!
Лобзаньемъ хочется ей осушить глаза;
Лобзаньемъ хочется ей запечатать губки.

VII.

ЖЕМЧУЖИНА.

Летучая ладья надъ влагою мятежной
Неслась, окрылена могуществомъ вѣтрилъ,
И въ даль я уплывалъ, оставивъ край прибрежный,
Гдѣ золото надеждъ завѣтныхъ схоронилъ.

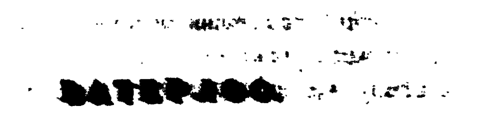
Измѣну испытавъ, съ любовью безнадежной
Надъ пѣной шумныхъ волнъ я голову склонилъ,
И съ горькой думою, глубокой, неизбѣжной
Кипучую слезу я въ воду уронилъ.

[redacted]

Изъ сердца, полнаго тоскою безотрадной
Та скрытная слеза невольно изтекла,
И жаркая влилась въ затворы влаги хладной —

И раковиной тамъ проглоченная жадной,
Быть можетъ, свѣтлый перлъ она произвела
Къ вѣнцу для милаго измѣнницы чела.

ВАТЕРЛОО.

Видали-ль вы, какъ изъ валовъ тумана
Свѣтило дня — восторгъ очей —
Встаетъ надъ бездной океана
Въ кровавой ризѣ безъ лучей?
Недолго на небѣ хранится
Раздумья утренняго видъ!
Туманъ тотъ упадетъ, востокъ озолотится
И огненный гигантъ высоко возлетитъ.

Такъ мужъ судебъ, недавно погруженный
Во мракъ безвластія на островѣ нѣмомъ,
Возникъ туманнымъ божествомъ
Передъ лицемъ Европы утомленной.

Прошли уже тѣ дни, какъ взмахъ его руки,
Одно движеніе нахмуренною бровью
Могло созвать, стянуть и разметать полки,
Измять вѣнцы царей и міръ забрызгать кровью,
Когда такъ пышно и свѣтло
Звѣзда судьбы его сіяла,
И слава жадно цѣловала
Его высокое чело.
Теперь, когда еще не сгладило забвенье
Въ умахъ нарѣзанной черты,
Что и гиганту съ высоты
Возможно страшное паденье, —
Теперь — невольное сомнѣнье
Вползало въ глубину сердецъ; —
Не такъ блисталъ однажды сбитый
И свѣжимъ лавромъ неувитый
Изъ праха поднятый вѣнецъ,
Которымъ вновь, по волѣ рока,
Былъ до невѣдомаго срока
Увѣнчанъ царственный бѣглецъ.
Туманъ минувшаго отъ Эльбы поднимался
И на виновника всѣмъ памятныхъ утратъ
Духъ недовѣрчивыхъ Палатъ
Враждебнымъ словомъ ополчался.
Но мигъ — и новый свѣтъ разсѣкъ пучину мглы:
Орлиный взоръ Вождя сверкнулъ передъ полками —

И звѣрь тотъ цѣпями [illegible]
И бурю двигнули крылами.
[illegible] войнъ [illegible] и царитъ,
Края земли вновь пламенемъ обвиты:
Теперь пускай витійствуютъ Палаты —
Ихъ праздный шумъ побѣда заглушитъ.
[illegible]куйте о судьбѣ! — Ея властитель — Геній,
Вковалась въ мысль его она.
И эта мысль ополчена
Огнемъ гремучихъ вдохновеній.
И движетъ массами полковъ.
И о[illegible]нная славой
Отражена въ игрѣ кровавой
Живыми иглами штыковъ.

Какъ море, арміи разлиты;
Звучатъ [illegible], звенятъ копыта:
Враги сошлись — и вспыхнулъ бой —
Предтеча битвы роковой.
День гаснулъ, бой горѣлъ и длился,
И вотъ затихъ — и надъ землей
Въ багряной ризѣ прокатился
По небу вечеръ золотой.

Уже томился воинъ каждый
Желаньемъ отдыха, а Онъ —

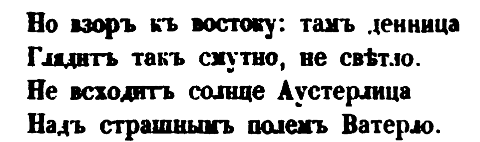
Онъ весь сгаралъ сраженья жаждой,
Ему былъ чуждъ отрадный сонъ.
Какъ онъ желалъ по небу ночи
Провесть огонь, разлить пожаръ,
Обрызнуть молніями очи
И кончить роковой ударъ!
Но видъ героевъ, ихъ усталость....
Впервые тронутъ и унылъ
Дотоль невѣдомую жалость
Онъ въ бурномъ сердцѣ ощутилъ,
И полный тайнаго волненья,
Впервые чувства умиленья
Въ себѣ не властенъ превозмочь,
Взглянулъ на ратниковъ съ любовью —
И отдалъ имъ на отдыхъ съ кровью
Изъ сердца вырванную ночь.

ъ пелена небосклонъ оковала.
къ небу онъ вскинулъ: подъ тяжкою мглой
дняя въ небѣ звѣзда померкала —
ло затьмѣнье звѣзды роковой!
у безсонныя очи склоняя,
юкойствіемъ страшнымъ на блѣдномъ челѣ,
ъ онъ, съ улыбкою взоры вперяя
атниковъ, спящихъ на хладной землѣ.

[illegible] — до утра восхода!
[illegible] дана.
[illegible]
[illegible]

[illegible] двинулъ;
[illegible]
[illegible] хлынулъ
[illegible] на Западъ.
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
И [illegible]
Ждали вызова къ ружью,
Чтобъ согрѣть въ пылу сраженья
Грудь [illegible] свою.

[illegible] герои стояли
[illegible] очамъ
[illegible]
[illegible] по строямъ

Но взоръ къ востоку: тамъ денница
Глядитъ такъ смутно, не свѣтло.
Не всходитъ солнце Аустерлица
Надъ страшнымъ полемъ Ватерлю.

Чу! Эхо вызвано ударомъ —
Взыгралъ неотвратимый бой;
Ряды осыпаны пальбой;
Окрестность вспыхнула пожаромъ: —
И онъ — державный исполинъ —
Уже блеснулъ побѣдными лучами.
Онъ массы войскъ съ дымящихся вершинъ
Окидывалъ орлиными очами,
И мѣтко въ даль направленный имъ взоръ
Своимъ могуществомъ волшебнымъ,
Казалось, подкрѣплялъ полковъ его напоръ
И гибель силамъ несъ враждебнымъ; —
И между тѣмъ, какъ вновь въ бореньи огневомъ
Махало счастіе сомнительнымъ вѣнкомъ
И на державнаго кидало взглядъ разлуки, —
Еще на счастіе надеждой онъ горѣлъ,
И на груди скрестивъ властительныя руки
Еще довѣрчиво смотрѣлъ
На плотные ряды опоръ самодержавья —
На старыхъ воиновъ, готовыхъ подъ конецъ
Изъ самыхъ челюстей безславья
Исхитить славнаго властителя вѣнецъ.

Бой длится; утрата наводитъ утрату;
Смятенье, разстройство — въ усталыхъ рядахъ;
Багровое солнце склонилось къ закату
И дыма и праха въ густыхъ облакахъ.

Взоръ вождя воспламенился,
И по голосу его,
Словно лѣсъ, зашевелился
Сонмъ отважныхъ вкругъ него, —
И за нимъ, какъ за судьбою,
Жаромъ гибельнымъ полна,
Грозно выдвинулась къ бою
Страшной гвардіи стѣна,
То сверкнетъ, то въ дымѣ тонетъ....
Тяжкій гулъ идетъ вдали....
Отъ пальбы дрожитъ и стонетъ,
Ходитъ моремъ грудь земли.
Ободрись, боецъ усталый!
Этотъ гулъ.... друзья, впередъ!
Это — маршалъ запоздалый
Силы свѣжія ведетъ.
Рать туда валитъ каскадомъ,
Но шатнулась вдругъ она
Крупнымъ встрѣченная градомъ
И свинца и чугуна.
Маршъ! Впередъ—на смерть—въ могилы!
Бей! Ломи! Громи! Круши!

[redacted]

Это Блюхеровы силы,
А не Маршала Груши; —
И послѣдній строй героевъ,
Помня славу прошлыхъ лѣтъ,
Легъ на лаврахъ прежнихъ боевъ,
На трофеяхъ ста побѣдъ.

Гдѣ-жъ онъ, гдѣ виновникъ губительной брани?
Чрезъ трупы убитыхъ, сквозь вопли и стонъ,
Сквозь сумракъ, сквозь ядра и громъ восклицаній
На бодромъ конѣ выбивается онъ.
Съ позорища рока, безмолвный, угрюмый,
Онъ ѣхалъ, зарытый въ полночную мглу.
Судьба измѣнила: однѣ только думы
Державному вѣрны остались челу.

И вотъ, утомленный, подъ скипетромъ ночи
Поникъ онъ, какъ данникъ, на ложе челомъ,
И сномъ небывалымъ задернулись очи —
Глубокимъ, желѣзнымъ, рѣшительнымъ сномъ.
Душа его долго со снами боролась
И онъ отражалъ ихъ, какъ волны утесъ, —
Теперь покорился: невѣдомый голосъ
Святое «свершилось» надъ нимъ произнесъ.

Онъ палъ — помазанникъ судьбины, —
И тамъ — на лоскуткѣ земли,
Среди безмѣрной водъ равнины,
Отъ милой Франціи вдали
Влачилъ онъ плѣнъ свой, созерцая
Лишь моря зыбь, да небеса,
И львомъ Европы угасая
Подъ стражей Англійскаго пса.
Не могъ неволею томимый
Унять онъ бурныхъ думъ своихъ:
Не убаюкивали ихъ
Ни ночи миръ ненарушимый,
Ни томный шумъ волны, крушимой
Объ край утесовъ вѣковыхъ.
Не могъ смирить державной страсти
Онъ искусительныхъ тревогъ;
На дребезгахъ разбитой власти
Онъ успокоиться не могъ; —
И въ мигъ, когда къ могильной грани
Жизнь исполина перешла,
Въ послѣдній мигъ земныхъ страданій
Его душа съ мечтой о брани
Въ обитель мира потекла.

Порою тамъ—въ плѣну—развѣнчанный философъ
Пытался отмыкать мышленія ключемъ

[redacted]

лые замкй глубокихъ тѣхъ вопросовъ,
рыхъ не успѣлъ онъ разрѣшить мечемъ.
Судьбу свою обдумывая строго,
Порой онъ самъ себя судилъ:
«Да,— я былъ деспотъ; силъ я много
И много жизни раздавилъ;
: былъ ураганъ; — среди земныхъ твореній
зу видя, я былъ долженъ все крушить,
Чтобъ полный вредныхъ испареній
Европы воздухъ освѣжить.
нье тайныхъ язвъ я видѣлъ въ нѣдрахъ націй:
Ихъ изцѣлить, глазамъ моимъ
Казалось, можно лишь однимъ
Путемъ кровавыхъ операцій —
надъ міромъ сталъ хирургомъ роковымъ, —
И пусть меня въ семъ дѣлѣ судитъ
омство дальнее! Еще не близокъ срокъ,
Когда понятенъ людямъ будетъ
Мной людямъ заданный урокъ.»

ченъ путь его. На немъ лежатъ всѣ виды
роды разныхъ странъ съ обновами границъ,
іады Альповъ, Рейнъ, Каиръ и пирамиды,
Маренго, Іена, Аустерлицъ,
абощенный Римъ и плѣнная тіара,
орныхъ Королей склоненныя главы,

[redacted]

…ли къ Ваграмъ. Смоленскъ и въ пламени пожар
Твердыня пышущей Москвы.
Оконченъ этотъ путь—черезъ горы, черезъ степи,
Черезъ моря, пески и скатерти снѣговъ,
Отъ Корсики до острова Елены,
Отъ береговъ тревожныхъ Сены
До Нѣмана и Нила береговъ.
Отъ первославнаго Тулона
До роковаго Ватерло.
Отъ школьничьей скамьи до трона
Отъ трона до цѣпей и отъ цѣпей до склепа
Къ свободной вѣчности все было и прошло —
Отъ многихъ дѣлъ дивныхъ въ мірѣ слѣдовъ —
Гробницы Генія средь моря на скалѣ
До гроба въ домѣ инвалидовъ
На этой вѣтреной землѣ

[redacted]

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ I ТОМА.

Стран

[redacted]

[redacted]

[redacted]

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. БЕНЕДИКТОВА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петер-
бургъ. 13 Марта 1856 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

Въ типографіи Крыловской.

Томъ II.

(1842 — 1850.)

Da blühte mir der Baum, die Rose,
Mir sang der Quellen Silberfall,
Es fühlte selbst das Seelenlose
Von meines Lebens Widerhall.

Schiller.

ТУЧА.

Темна и громадна, грозна и могуча
По небу несется тяжелая туча.
Порывистый вѣтеръ ей кудри клубитъ,
Врывается въ грудь ей, и полный усилья,
Принявъ ея тяжесть на смѣлыя крылья,
Ее по пространству воздушному мчитъ.

Ничто не смущаетъ разгульнаго хода;
Кругомъ безпредѣльный просторъ и свобода;
Вселенная вся съ высоты ей видна;
Предъ нею открыты лазурныя бездны,
Сады херувимовъ и таинства звѣздны —
И чтоже? — Взгляните на тучу: черна, —

Сурова, угрюма, — съ нахмуреннымъ ликомъ,
На міръ она смотритъ въ молчаніи дикомъ,
И грустно, и душно ей въ небѣ родномъ,
И видъ ея гнѣвный исполненъ угрозы;
Въ свинцовыхъ глазахъ ея замкнуты слёзы;
Межъ ребрами пламя, подъ мышцами громъ.

Скиталица—поэта удѣлъ ей назначенъ:
Высокъ ея путь, и свободенъ, и мраченъ;
До срочной минуты все тихо кругомъ,
Но вдругъ — встрепенулись дозрѣвшія силы:
Браздами просѣклись огнистыя жилы
И въ крупныхъ аккордахъ разсыпался громъ.

И послѣ уснувшей, утихнувшей бури
Живѣе сіянье бездонной лазури,
Свѣжѣе дубравы зеленая сѣнь,
Душистѣй дыханье и розъ и жасминовъ. —
И радугу пышно съ плеча перекинувъ,
Нагнулся на западъ ликующій день.

А туча, изринувъ и громы и пламя,
Уходитъ въ лохмотьяхъ, какъ ветхое знамя,

ь эти святыя хоругви войны
атыя въ схваткѣ послѣдняго боя,
ь честное рубище мужа—героя —
нанника свѣтлой родной стороны.

ютъ, остальнымъ разрѣшаясь ударомъ,
ъемлется туча рѣдѣющимъ паромъ
зрачна, чуть зрима для слабыхъ очей,
ъ небу прильнувъ золотистымъ туманомъ,
і исчезаетъ въ отливѣ багрянымъ
і матовомъ свѣтѣ закатныхъ лучей.

[redacted]

МИРЪ.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] кругомъ.
То, [illegible] на сводъ хрустальный
[illegible] свѣточъ [illegible]

То сверкаетъ вышина
Милліономъ люстръ алмазныхъ,
Моремъ брызгъ огнеобразныхъ,
И средь бездны ихъ одна,
Будто пастырь въ группѣ стада,
Величавая лампада
И слейна, и ясна,
Свѣтомъ матовымъ полна.

Въ блескѣ праздничной одежды
Здѣсь ликуетъ сибаритъ;
Тутъ и бѣдный, чуть прикрытъ
Ветхимъ лоскутомъ надежды, —
Мудрецы, глупцы, невѣжды —
Всѣмъ гостямъ мѣста даны;
Всѣ равно приглашены.
Но не всѣмъ удѣлъ веселья,
Угощенье не одно:
Тѣмъ — отрава злаго зелья,
Тѣмъ — кипящее вино;
Тотъ блестящими глазами
Смотритъ сверху; тотъ — внизу,
И подъ старыми слезами
Прячетъ новую слезу.
Братъ! Мгновенна доля наша:
Пей и пой, пока стоитъ
Предъ тобою жизни чаша! —

[redacted]

[illegible]

[illegible]

И недвижный, и нѣмой,
Онъ отправился домой;
Чашу горькаго веселья
Онъ до капли осушилъ,
И до страшнаго похмѣлья
Сномъ глубокимъ опочилъ; —
И во дни чередовые
Въ слѣдъ за нимъ пошли другіе:
Остаются отъ гостей
Груды тлѣющихъ костей.

Взглянешь: многіе постыдно
На пиру себя ведутъ,
А Хозяина не видно,
А Невидимый — онъ тутъ.
Часъ придетъ — Онъ бурей грянетъ
И отъ пира міръ предстанетъ
Передъ Нимъ на грозный судъ.

ИТАЛІЯ.

[illegible] дивный край [illegible] вмѣстѣ
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] прелесть
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] по [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] волны
[illegible] роскошной сей земли.
[illegible] [illegible] въ [illegible] порывахъ;
[illegible] въ вѣнцѣ красотъ [illegible],
[illegible] [illegible] приняла,
[illegible] мѣсто въ двухъ [illegible]
[illegible] плечъ своихъ [illegible].
[illegible] руки — громадой стройной
[illegible]лись. Генуя спокойно
[illegible] на [illegible] [illegible]ный раздолъ;

Съ другой — въ водахъ своихъ сверкая
Лежитъ Венеція златая
И машетъ веслами гондолъ.

Страна завѣтныхъ идеаловъ!
Страна неслыханныхъ забавъ!
Страна любви! Страна кинжаловъ!
Страна сонетовъ и октавъ!
Тамъ страсть кипитъ; тамъ дышетъ древность,
Блестятъ искуства образцы;
Тамъ рыщетъ месть, скрежещетъ ревность, —
И взявъ у неба сладкопѣвность
Поютъ пѣвицы и пѣвцы.

Красавица въ частяхъ и въ цѣломъ!
Страна, сіявшая вѣкамъ!
Съ водами моря по бокамъ,
На солнопекъ простершись тѣломъ,
Челомъ припала загорѣлымъ
Она къ Альпійскимъ ледникамъ.
И какъ красуются изгибы
Ея потоковъ и озёръ
И къ небу вскинутыя глыбы
И огневыхъ и снѣжныхъ горъ!
Красавица! — Вотъ волны Бренты:
У ней на персяхъ *данъ имъ* бѣгъ;

[redacted]

По этимъ персямъ вьются ленты
Игриво сыплющихся рѣкъ.
Волшебный станъ! — Змѣеобразнымъ
Онъ Тибра поясомъ обвитъ,
И вѣчный Римъ замкомъ алмазнымъ
На этомъ поясѣ горитъ; —
А здѣсь цвѣтущій и прекрасный,
Въ вѣнцѣ садовъ и гордыхъ стѣнъ,
Неаполь — близь ея колѣнъ;
Здѣсь и Везувій сладострастный
То жаръ свой внутренній таитъ,
То рвется, пышетъ и бурлитъ.
А тутъ — у ногъ страны сей чудной —
Раскинутъ островъ изумрудный:
Обильныхъ нивъ дарами полнъ
Предъ ней онъ блещетъ вѣчнымъ храмомъ
Съ куримымъ Этной ѳиміамомъ
Надъ зыбью средиземныхъ волнъ.

Чудесный край! Тобою дышитъ
Сынъ вдохновеннаго труда,
И сердце зовъ привѣтный слышитъ —
Небесный зовъ: туда! туда!

ПАДЕНІЕ.

Въ красотѣ, отъ праха взятой,
Благодатнымъ сномъ объятый,
У разбѣга райскихъ рѣкъ,
Почивалъ нашъ прародитель —
Странъ эдемскихъ юный житель —
Міра первый человѣкъ.
Спитъ; — а творческаго дѣла
Совершается добро:
Вынимается изъ тѣла
Къ сердцу близкое ребро;
Пламень, въ кости сокровенный,
Брызжетъ искрами въ эѳиръ,
И на свѣтъ изъ кости бренной
Рвется къ жизни новый міръ, —

[redacted]

[illegible]

ъ союзницу пріемлетъ
ъ десницы Божества, —
въ небесныхъ обьяньяхъ
блаженна, и чиста —
ся въ цвѣтахъ, въ благоуханьяхъ
Іогруженная чета.
Іужъ, и все, что населяетъ
ая свѣтлую страну,
Экомъ радостнымъ взираетъ
На прекрасную жену.
Къ ней потокъ сребро-волнистый
Струйкой плещущей бѣжитъ;
Плодъ румяно-золотистый
Съ вѣтки ей въ уста глядитъ;
Ей — привѣтъ семьи пернатой;
Ей, среди незлобныхъ игръ,
Лижетъ руки звѣрь косматый
И цѣлуетъ ноги тигръ,
И въ спокойномъ созерцаньѣ
Самъ владычественный левъ,
Видя новое созданье,
Умягчаетъ гордый ревъ,
И предъ этой красотою
Съ Божьимъ свѣтомъ на челѣ,
Онъ, поникнувъ головою,
Стелетъ гриву по землѣ....

Но тайкомъ прижавшись къ древу
Ядовитая змѣя
Смотритъ вкрадчиво на Еву,
Радость злобную тая, —
И віясь кольцеобразно
Подползла.... И прельщена
Сладкимъ яблокомъ соблазна
Пала слабая жена.

И Виновникъ мірозданья,
Грянувъ гнѣвомъ съ высоты,
Возложилъ вѣнецъ страданья
На царицу красоты,
Что-бъ она за грѣхъ паденья,
За вкушенный ею плодъ,
Съ красотою всѣ мученья
Предала въ позднѣйшій родъ; —
И караются потомки:
Дверь небеснаго шатра
Заперта для васъ, обломки
Отъ Адамова ребра!
И за страшный плодъ познанья
Съ горькой участью изгнанья
Долю скорби и трудовъ
Богъ изрекъ въ громовыхъ звукахъ
Для рожденныхъ въ тяжкихъ мукахъ
Вашихъ бѣдственныхъ сыновъ.

Взмахъ руки своей ззноситъ
Смерть надъ нивой нашихъ дней
И серпомъ нещаднымъ коситъ
Родъ людской, какъ злакъ полей.
Мѣрнымъ ходомъ вѣкъ за вѣкомъ
Съ грузомъ горя и заботъ
Надъ страдальцемъ—человѣкомъ
Въ бездну вѣчности идетъ:
На землѣ ряды уступовъ
Прахъ усопшихъ намостилъ;
Сталъ весь міръ громадой труповъ;
Людямъ тѣсно отъ могилъ.

Но и здѣсь — въ краю изгнанья —
Не покинулъ смертныхъ Богъ:
Сердцу свѣточъ упованья
Въ мракѣ скорби онъ возжёгъ,
И на поприщѣ суровомъ,
Гдѣ повсюду рыщетъ зло,
Онъ святитъ вѣнкомъ терновымъ
Падшей женщины чело;
Казнью гнѣвъ свой обнаружа
И смягчая строгій судъ,
Свѣтлый умъ и мышцы мужа
Укрѣпляетъ онъ на трудъ,
И любовью безконечной
Обновляя смертныхъ родъ,

Въ тяжкой смерти къ жизни вѣчной
Указалъ намъ переходъ.
Онъ открылъ намъ въ край небесный
Двери царственныя вновь:
Чей предъ нами образъ крестный
Въ язвахъ казни за любовь?
Это Богъ въ крови распятья
Прекращаетъ смерти пиръ,
Расторгаетъ цѣпь проклятья
И въ кровавыя объятья
Заключаетъ грѣшный міръ!

[redacted]

СЛЕЗЫ И ЗВУКИ.

О дѣва! Покровомъ завистливой мглы
Подернулся взоръ твой — соперникъ денницы;
Ты плачешь — и слезы, какъ капли смолы,
Дрожатъ и сверкаютъ на иглахъ рѣсницы.
И больно, и тяжко отъ слезъ мнѣ твоихъ,
Но если подъ бурей на жизненномъ морѣ
Скорбящей душѣ твоей легче отъ нихъ —
Плачь, милая, чаще: выплакивай горе!
Всегда тебѣ вѣренъ цѣлебный сей ключъ,
Родникъ утѣшенья, источникъ отрады;
Подъ сердцемъ рожденъ и подъ сердцемъ кипучъ —
Сквозь очи онъ ищетъ воздушной прохлады.

А я.... злая мука въ убійственный часъ
Мнѣ сердце зальетъ отравленною кровью,

И грузомъ нависнувъ надъ сдвинутой бровью,
Слезинки не выжметъ изъ сумрачныхъ глазъ.
Порой лишь, въ минуты таинственной муки,
Изъ сердца, гдѣ живы всѣ язвы любви,
Исходятъ и льются согласные звуки,
И въ нихъ мнѣ отрада: тутъ — слезы мои.
Но ключъ сей отрады невѣренъ: докучный
Порой не доходитъ до неба мой кликъ,
Сжимается грудь, и безмолвный, беззвучный
Отъ зноя и жажды сгараетъ языкъ.

КОЗАКУ-ПОЭТУ.

Дни промчались.... много сгибло!
Тяжелѣе съ каждымъ днёмъ;
Горе буйную зашибло
И тоска на ретивòмъ.

Извели пѣвца невзгоды,
Извели и пѣсенъ даръ; —
Эхъ, когда-бы прежни годы,
Да разгулъ, да юный жаръ —

Оживленъ пріязнью братской,
Можетъ быть, умѣлъ-бы я
Пѣснью съ удалью козацкой
Попривѣтствовать тебя.

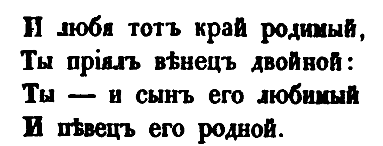
Много зналъ я звуковъ дивныхъ,
Бойкихъ, звонкихъ, разливныхъ,
Молодецки-заунывныхъ,
Богатырски-удалыхъ.

Я изъ нихъ сковалъ-бы слово
Пуще грому и огня —
Про наѣздника лихова,
Да про бурнаго коня, —

Да про Днѣпръ, что сыплетъ воды
Валъ за валомъ въ перевалъ,
Да про свѣтлый садъ природы,
Гдѣ недавно ты гулялъ, —

Гдѣ кругомъ зернистымъ хлѣбомъ
Раззолочены поля,
Гдѣ пируетъ съ яснымъ небомъ
Обрученная земля, —

ѣ сильнѣе солнце грѣетъ,
Маруся иногда
часъ условный пышно рдѣетъ
ской нѣги и стыда.

И любя тотъ край родимый,
Ты пріялъ вѣнецъ двойной:
Ты — и сынъ его любимый
И пѣвецъ его родной.

Что-жь? — Теперь, когда судьбою
Суждено мнѣ пѣть тайкомъ,
Мнѣ-ль бурлить передъ тобою,
Предъ залётнымъ козакомъ?

КЪ ЖЕНЩИНѢ.

Къ тебѣ пишу — Прошло безумье:
Теперь, покорствуя судьбѣ,
Спокойно, въ тихое раздумье
Я погружаюсь о тебѣ.

Неуловимое созданье —
Цвѣтъ міра — женщина — слiянье
Лучей и мрака, благъ и золъ!
Въ тебѣ явила намъ природа
Поставила тайнъ своихъ символъ;
Грань человѣческаго рода
Тобою перстъ ея провёлъ.
Она, готовя жизнь мужчины,
Глубоко мыслила, творя.

[redacted]

Когда себѣ изъ горсти глины
Земнаго вызвала царя; —
Творя тебя, она мечтала,
Начальнымъ звукамъ устъ своихъ
Она созвучья лишь искала
И извлекла волшебный стихъ:
Живой, томительный и гибкой
Сей стихъ — вершина красоты —
Сей стихъ, съ слезою и съ улыбкой,
Съ душой и сердцемъ — это ты!

Въ душѣ ты носишь свѣтъ надзвѣздный,
А въ сердцѣ огненную кровь —
Двѣ дивно-сомкнутыя бездны,
Два моря слитыя въ любовь.
Земля и небо сжали руки
И снова дружно обнялись,
Когда, узнавъ тоску разлуки,
Они въ груди твоей сошлись, —
И снова демонъ расторгаетъ
Въ тебѣ ихъ родственную связь,
И прелесть чистую ввергаетъ
Въ нашъ дольній прахъ, въ земную грязь.

И тамъ, гдѣ тщетныя усилья
Стремишь ты въ высь — къ родной звѣздѣ,

[redacted]

Я мыслю: бѣдный ангелъ! гдѣ
Твои оторванныя крылья?
Я ихъ найду, я ихъ отдамъ
Твоимъ лилейнымъ раменамъ,
Скажу: лети туда! — И, мнится,
Ихъ подаю.... ты смотришь въ даль
Пустыхъ небесъ.... твой взоръ слезится:
Тебѣ покинуть землю жаль, —
И смотришь ты, нельзя-ль съ собою
Туда весь грузъ; каковъ онъ есть,
Тебѣ навязанный судьбою,
На нѣжныхъ персяхъ перенесть;
Ты пристрадалась къ этой цѣпи,
И, укрѣпясь въ быту земномъ,
Необозримыя лишь степи
Ты видишь въ небѣ голубомъ.

О небо, небо голубое —
Очаровательная степь!
Тамъ душъ ристалище святое
Сорвавшихъ бренной жизни цѣпь.
Тамъ блещетъ утра багряница;
Тамъ свѣтъ полярный — исполинъ;
Тамъ мчится солнца колесница;
Тамъ бродитъ мѣсяцъ — бедуинъ;
Тамъ ходятъ звѣзды караваномъ;
Тамъ, кинувъ хвостъ черезъ зенитъ,

[redacted]

Порою вихремъ — ураганомъ
Комета бурная летитъ.
Тамъ, тамъ когда-то, въ хорѣ звѣздномъ,
Неукротимъ, разгульно-дикъ,
Мой юный взглядъ, скользя по безднамъ,
Встрѣчалъ блестящій женскій ликъ;
Тамъ образъ яркаго созданья
Сверкалъ мнѣ въ трепетную ночь;
Тамъ.... Но къ чему воспоминанья?
Прочь, соблазнительныя, прочь!

Широко, ясно небо Божье; —
Но ты, повитая красой,
О женщина! — Тебѣ порой
Милѣй земля — твое подножье,
Чѣмъ этотъ сводъ надъ головой.
Упрека нѣтъ: такая доля
Тебѣ, быть можетъ, суждена;
Твоя младенческая воля
Чертой судебъ обведена.
Должна отъ свѣта ты зависѣть,
Склоняться, падать передъ нимъ,
Чтобъ, можетъ быть, его возвысить
Паденьемъ горестнымъ твоимъ; —
Должна и мучиться, и мучить,

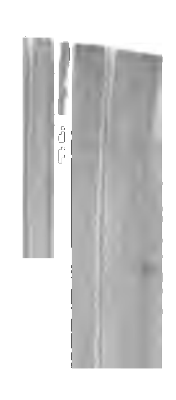
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[redacted]

Ты любишь: нѣтъ тебѣ укора!
Въ насъ сердце, полное чудесъ, —
И нѣтъ земнаго приговора
Тебѣ — посланницѣ небесъ!
Не бѣглой прелестью улыбки
Ты искупать должна порой
Свои невольныя ошибки,
Но мукъ ужасныхъ глубиной,
Томленьемъ, скорбью безнадежной
Души, рожденной для забавъ
И небомъ вложенной такъ нѣжно
Въ тѣлесный, радужный составъ.

Жемчужина въ вѣнцѣ творенiй!
Ты вся — любовь; всѣ дни твои —
Кругомъ извитыя ступени
Высокой лѣствицы любви.
Дитя: ты пьешь святое чувство
На персяхъ матери; оно
Тобой въ глубокое искуство
Нѣжнѣйшихъ ласкъ облечено.
Ты — дѣва юная: любовью,
Быть можетъ, новой ты полна;
Ты шепчешь имя изголовью,
Забывъ другiя имена,
Таишь восторгъ и тайно плачешь,
Отъ свѣта зоркаго въ груди

Огненный пламень робко прячешь
И шепчешь сердцу: «погоди!»
Супруга ты; священнымъ клиромъ
Ты въ этотъ санъ возведена:
Твоя любовь предъ цѣлымъ міромъ
Уже открыта; ты — жена!
Передъ лицомъ друзей и братій
Теперь ты любишь — нѣтъ стыда!
Тебя супругъ кольцомъ объятій
Перековалъ навсегда;
Тебѣ дано его покоить,
Печаль и радость съ нимъ дѣлить,
Его всѣ радости удвоить,
Его печали раздвоить.
И вотъ — ты мать переселенца
Изъ прочныхъ странъ небытія:
Весь міръ твой въ образѣ младенца
Теперь на персяхъ у тебя:
Теперь, какъ въ нѣгѣ безпредѣльной,
Ночами въ думѣ колыбельной,
[illegible] твой:
Ребенка ты стенающаго внемлешь,
Летишь къ нему, и посреди
Полночной тьмы его подъемлешь
Къ своей питательной груди,
И въ этотъ часъ, какъ все въ покоѣ,
Въ пучинѣ сновъ и темноты,

дремлютъ только двое:
іая, да ты!

ій для волненій,
й, среди рожденій,
ратій и свою
благословеній
жденныхъ подаю.

[redacted]

СТИХЪ

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
И [illegible] по міру Божій [illegible]

[illegible] трещать и звенить,
И [illegible] созвучій.
И [illegible] кипучей
И [illegible] страстей пламенить.
И самый [illegible] по сердечнымъ изгибамъ
[illegible] горячо и волосы дыбомъ.

То крѣпкою мыслью, какъ грудью, впередъ
Онъ къ гордому мужу на встрѣчу идетъ
И смѣлою думой на думы отвѣтитъ,
То грустно звуча о протекшемъ: «увы!»
И къ старцу влетѣвъ, на мгновенье освѣтитъ
Предсмертныя грезы сѣдой головы.

О тайнахъ-ли сердца волшебно звучитъ онъ? —
Весь пронятъ любовью и нѣгой напитанъ,
Онъ смотритъ изъ книги, съ листка своего,
Красавицѣ въ очи.... помыслить чуть смѣю....
Онъ въ спальнѣ одинъ, безъ свидѣтелей, съ нею—
И дѣва глотаетъ глазами его.

И вотъ — на уста свѣтлоокой царицы
Стихъ огненный принятъ съ бездушной страницы;
Онъ ею прочитанъ, и вновь, и опять,
И сердце въ ней бьется съ устроеннымъ стукомъ,
И снова живымъ, гармоническимъ звукомъ
Дозволено эти уста цѣловать.
Когда все кругомъ и спокойно, и глухо,
Тотъ стихъ ей и грудь и уста шевелитъ,
И крадется змѣемъ къ святилищу слуха,
Гдѣ локонъ ея, *развиваясь*, дрожитъ.

Потомъ эти звуки, съ участьемъ, съ любовью,
Прелестная шепчетъ, склонясь къ изголовью....
Уснула.... уста не сомкнулись.... на нихъ
Подъ тайной завѣсой, въ роскошномъ затишьи,
Прерванный сномъ на крутомъ полу-стишьи
Уснулъ въ упоеньи восторженный стихъ; —
А трепетный авторъ? — Онъ чуждъ усыпленья;
Не въ силахъ тревожной тоски превозмочь —
Онъ демономъ страсти терзаемъ всю ночь,
Измученный, блѣдный, въ слезахъ вдохновенья.

•

Стихъ вырванный съ кровью изъ жизни пѣвца!
Ты весело рыщешь на поприщѣ свѣта.
Блаженное чадо страдальца-поэта!
Творенье! Зачто ты счастливѣй творца?

Страшись! Пожираемый ревностью къ дѣвѣ
Поэтъ вознегодуетъ, и въ творческомъ гнѣвѣ
Тебя разразитъ безпощадной рукой,
Тебя онъ осудитъ на казнь и на муки,
Онъ громъ твой разсыплетъ на мелкіе звуки
И ихъ онъ развѣетъ въ пустынѣ глухой.

Нѣтъ, дѣтище сердца, не бойся угрозы:
Руки на тебя не подниметъ пѣвецъ;

Пускай на тебя только сыплются розы —
Онъ бодро износитъ терновый вѣнецъ,
Предъ рокомъ не склонитъ главы злополучной —
Ты только будь счастливъ, о стихъ громозвучный!
Готовъ онъ погибнуть — ты только живи,
Души его вѣстникъ, глашатай любви!

МОРОЗЪ.

Чу! Съ двора стучится въ ставни:
Узнаю богатыря.
Здравствуй, другъ, прiятель давнiй!
Здравствуй, чадо Декабря!
Дымъ изъ трубъ ползетъ лѣниво;
Снѣгъ подъ полозомъ визжитъ;
Солнце блѣдное спѣсиво
Сквозь туманъ на мiръ глядитъ.

Я люблю сей благодатный
Острый холодъ зимнихъ дней.
Сани мчатся. Кучеръ статный,
Окрыливъ лихихъ коней,

Бодръ и красенъ; кровь играетъ,
И окладисто-горда
Серебрится и сверкаетъ
Въ снѣжныхъ искрахъ борода.
А лошадки? Сколько прыти!
Дымъ въ ноздряхъ, въ ногахъ мятель!
А она-то? — Посмотрите:
Какъ мила теперь Адель!
Сколько блеску хладъ ей придалъ!
Други! Это ужь не тотъ
Блѣдно-мраморный вашъ идолъ:
Въ этомъ ликѣ жизнь цвѣтетъ;
Членовъ трепетомъ и дрожью
Обличенъ завѣтный жаръ,
И изъ устъ, дышавшихъ ложью,
Бьетъ теперь — чистѣйшій паръ;
Грудь въ движеніи волнистомъ;
Нѣги полное плечо,
Кроясь въ соболѣ пушистомъ,
Шевелится горячо;
Свѣтозарною денницей
Блещутъ, искрятся, глаза;
Противъ вѣтра, по рѣсницѣ
Такъ и катится слеза.

Кто-жь сей мраморъ на досугѣ
Оживилъ? — Таковъ *вопросъ*.

Это онъ — не льститесь, други —
Это онъ — сѣдой морозъ!
Жадно лилій онъ щиплетъ,
И въ лицо, въ замѣнъ ихъ, сыплетъ
Пламя свѣжихъ, алыхъ розъ.
Лишь его гигантской мочи
Эти гибельныя очи
Удалось пронять до слезъ.

РѢКИ.

Игриво поверхность земли разсѣкая,
Волнуясь и пѣнясь, кипя и сверкая,
Хрустальныя рѣки текутъ въ океанъ,
Бѣгутъ, низпадаютъ по склону земному
Въ бездонную пасть къ великану сѣдому
И ихъ поглощаетъ сѣдой великанъ.

О, какъ разновиденъ ихъ бѣгъ своенравный!
Та мчится угрюмо подъ тѣнью дубравной,
А эта — широкой жемчужной стѣной
Отважно слетѣла съ гранитной стремнины
И стелется легкой, веселой волной,
Какъ свѣтлая лента, по персямъ долины.

Здѣсь бурный потокъ, весь — лишь пѣна и прахъ,
Дрожитъ и вздуваетъ хребетъ серебристый,
Упорствуетъ въ схваткѣ съ оградой кремнистой
И мучится сжатый въ крутыхъ берегахъ.
Тамъ рѣчка, безъ битвы напрасной и трудной,
Преграды обходитъ покорной дугой,
И чистаго поля коверъ изумрудный,
Рѣзвясь, обгибаетъ алмазной каймой,
И дальше — спокойно, струею безмолвной,
Втекла въ многоводный, шумливый потокъ:
Взыгралъ многоводный, въ строптивыя волны
Взялъ капли той рѣчки и въ море повлёкъ.

Такъ катятся рѣки, и въ дольнемъ стремленьи
Не общій удѣлъ имъ природою данъ;
Но тамъ — ихъ смыкаетъ одно назначенье:
Ихъ влагу пріемлетъ одинъ океанъ.

Такъ катятся жизни извивы и волны;
Необщая доля твореньямъ дана:
Тѣ — преклонной силы, тѣ — немощи полны, —
Но дальше — связуетъ ихъ вѣчность одна.

И что жъ? — Океанъ испаряетъ могучій
Ту влагу, что взялъ онъ отъ вьющихся рѣкъ,

[redacted]

дождемъ опрокинувъ изъ тучи
опять возвращаетъ ей бѣгъ. —

жизни земной водотечность,
небеснымъ путемъ,
ращаетъ бездонная вѣчность
имъ паромъ и жизни дождемъ.

ЗЕМНАЯ ТЫ.

О нѣтъ, нельзя назвать небесной
Сей ощутимой красоты
И этой прелести тѣлесной:
Красавица! Земная ты.

Такъ что жъ? Лишь въ юности начальной
Мы ищемъ дѣвы идеальной;
Какъ беззакатный, вѣчный день
Намъ блещутъ дѣвственныя очи.
Но вѣчно день, да день.... нѣтъ мочи!
И въ самый день давай намъ тѣнь!
Мы днемъ хотимъ хоть каплю ночи.

Земная ты.... Но кто пойметъ
Небесъ далекихъ гласъ призывный,

Когда хоть лучъ одинъ блеснетъ
Твоей вещественности дивной?
Земная ты.... Но небеса
Творитъ сама твоя краса:
Ея вседвижущая сила
Свои ворочаетъ свѣтила;
Твоя взволнованная грудь
Въ себѣ хранитъ свой млечный путь;
И соразмѣривъ всѣ движенья
Покорныхъ спутниковъ своихъ,
Вокругъ себя ты водишь ихъ
По всѣмъ законамъ тяготѣнья.

Земная ты.... Но небосклонъ
Единымъ солнцемъ озаренъ
И то лишь днёмъ; — а въ лонѣ ночи
Ты, къ изумленью естества,
Едва откроешь ясны очи —
Сейчасъ воспламеняешь два,
И ихъ сіяньемъ превосходишь
Сіянье неба во сто кратъ,
И ихъ съ восхода на закатъ
Въ одно мгновенье переводишь.
Блаженъ, кто видитъ сихъ денницъ,
Любовью вспыхнувшихъ, явленье
И ихъ закатное томленье
Подъ шелкомъ спущенныхъ рѣсницъ,

[redacted]

Когда ланиты пламенѣютъ,
Уста дрожащія нѣмѣютъ,
И въ дерзкой прихоти своей,
Лобзая розы и лилеи,
Текутъ на грудь, віясь вкругъ шеи,
Струи разсыпанныхъ кудрей
И косъ распущенныя змѣи.

ТОСТЪ.

Чаши рдѣютъ словно розы,
И въ развалъ ихъ вновь и вновь
Винограда брызжутъ слёзы,
Нервный сокъ его и кровь.
Эти чаши днесь воздымемъ,
И склонивъ къ устамъ края,
Влагу свѣтлую пріимемъ
Въ честь и славу бытія,
Общей жизни въ честь и славу,
За ея всесвѣтный тронъ
И всемірную державу —
Поглотимъ струю кроваву
До осушки въ чашахъ донъ!

Жизнь.... Она средь прозы чинной
Увядала-бы, какъ злакъ.

[redacted]

И была-бъ суха, пустынна
Безъ поэзіи: и такъ —
Сей фіалъ за Музъ прекрасныхъ,
За богинь сихъ сладко-гласныхъ,
За возвышенныхъ пѣвцовъ —
Сихъ изящнаго жрецовъ,
За присяжниковъ искуства —
Этихъ мучениковъ чувства,
Показавшихъ на землѣ
Свѣтъ небесный въ дольней мглѣ,
Бронзу въ нѣгѣ, мраморъ въ мукахъ,
Умъ въ аккордахъ, сердце въ звукахъ,
Бога въ краскахъ, міръ въ огнѣ,
Жизнь и смерть — на полотнѣ.

Жизнь! Сіяй! — Твой свѣточъ — разумъ.
Да не меркнетъ надъ тобой
Свѣтъ сей, вставленный алмазомъ
Въ перстень вѣчности самой.
Вѣнчанъ лавромъ или миртомъ,
На подобіе сихъ чашъ
Будь налитъ черепъ нашъ
Сокомъ думъ и мысли спиртомъ!
Да на весь подлунный кругъ
И на сѣверъ и на югъ,

Чрезъ вѣка и поколѣнья,
Свѣтитъ солнце просвѣщенья
И созвѣздіе наукъ!

Други! Что же свѣтъ безъ тѣни?
День безъ вечера? — И такъ:
Да не будетъ изгнанъ мракъ
Сердцу милыхъ заблужденій!
Да живетъ, волнуя кровь,
И безумная любовь!
Пьемъ — за милыхъ — вѣстницъ рая,
За красы ихъ, начиная
Съ полныхъ мрака и лучей
Зажигательныхъ очей,
Томныхъ, нѣжныхъ и упорныхъ,
Цвѣтомъ — всячески цвѣтныхъ:
Сѣрыхъ, карихъ, адски-чёрныхъ
И небесно-голубыхъ!
За здоровье устъ румяныхъ,
Устъ малиновыхъ, багряныхъ —
Этихъ движущихся струй,
Гдѣ дыханье пламенѣетъ,
Рѣчь дрожитъ, улыбка млѣетъ,
Замираетъ поцѣлуй!
Въ честь кудрей благоуханныхъ,
Легкихъ, дымчатыхъ, туманныхъ,

Свѣтло-русыхъ, золотыхъ,
Темныхъ, черныхъ, смолистыхъ,
Съ ихъ неистовымъ извивомъ,
Съ искрой, съ отблескомъ, съ отливомъ,
Круто свернутыхъ, какъ сталь,
Въ безконечную спираль!

Такъ — почествуемъ сей чашей
Юныхъ дѣвъ, и добрыхъ женъ,
И виновницъ жизни нашей,
Кѣмъ былъ внятъ нашъ первый стонъ,
Сихъ богинь огнесердечныхъ,
Кѣмъ весь міръ намъ проведенъ
Чрезъ святыню персей млечныхъ,
Колыбели и пеленъ,
Въ чувствѣ полныхъ совершенства
Внѣ размѣровъ и границъ, —
Этихъ горлицъ, сихъ тигрицъ,
Расточительницъ блаженства
И страданія царицъ!

И взлелѣяны любовью
Ихъ питомцы, ихъ сыны
Да кипятъ душой и кровью
Въ честь родимой стороны —

Сей страны, что съ горизонта
Вскинувъ глыбою крутой
Отъ полярныхъ льдовъ до Понта
Мостъ Риѳея золотой,
Какъ слезу любви изъ ока,
Какъ холодный потъ съ чела,
Изъ Тверской земли широко
Волгу въ Каспій пролила!
Безъ усилій въ пол-обхвата
У нея заключено
Все, что Господомъ дано
Съ Финскихъ скалъ до Арарата.
Чудный край! Черезъ Алтай
Бросивъ локоть на Китай,
Темя вспрыснувъ Океаномъ,
Въ Балтъ ребромъ, плечомъ въ Атлантъ,
Въ полюсъ лбомъ, пятой къ Балканамъ —
Мощный тянется гигантъ.

Русь, — живи! — Въ тѣни лавровой
Да паритъ ея орёлъ!
Да цвѣтетъ ея престолъ!
Да стоитъ ея штыковый
Перекрестный частоколъ!
Да сыны ея родные
Идутъ, грудью противъ зла,

На отрадныя дѣла
И на подвиги благіе!

Но чтобъ тостъ нашъ въ мѣру сталъ
Девятнадцаго вѣка —
Человѣки! — сей фіалъ
Пьемъ во здравье человѣка!
За живущихъ и вдали!
За здоровье всей земли —
Всей, съ Камчатки льдяно-рёброй,
Отъ отчаянныхъ краёвъ
До бреговъ Надежды Доброй
И Счастливыхъ острововъ, —
Съ мѣстъ, гдѣ вздернутъ носъ Чукотской,
Съ губъ, мысовъ земли Охотской
До Индѣйскихъ губъ, мысовъ
И невѣдомыхъ носовъ, —
Отъ долинъ глубоко-тёмныхъ
До высотъ, гдѣ горъ огромныхъ
Въ снѣжныхъ шапкахъ блещутъ лбы,
Гдѣ вознесли свои верхушки
Выше тучъ — земли-старушки
Допотопные горбы,
Лавы стылыя громады —
Огнеметные снаряды
Вулканической пальбы.

Да, стара земля: ужь дѣти
Этой матери людей
Слишкомъ семьдесятъ столѣтій
Горе мыкаютъ на ней.
А она? — ей горя мало:
Нынѣ также, какъ бывало,
Мчится въ пляскѣ круговой
Въ парѣ съ вѣрною луной,
Мчитъ съ собой судьбы, законы,
Царства, скипетры и троны
На оси своей крутитъ
И вкругъ солнца ихъ вертитъ, —
Въ стройной пляскѣ не споткнется, —
И въ круженьи не прольется
И не станетъ къ верху дномъ
Ни одинъ бокалъ съ виномъ.

Вознесемъ-же въ полнотѣ мы
Сей заздравный нашъ привѣтъ
Въ славу солнечной системы,
Въ честь и солнца, и планетъ,
И дружинъ огнекрылатыхъ,
Длиннохвостыхъ, бородатыхъ,
Ужь нестрашныхъ намъ кометъ,
Всѣхъ свѣтилъ, всѣхъ массъ небесныхъ, —
Въ честь и жителей безвѣстныхъ
Свѣтоносныхъ сихъ шаровъ, —

Пьемъ въ сей часъ благословенный
За здоровье всей вселенной,
Въ честь и славу всѣхъ міровъ —
До предѣловъ, гдѣ созвѣздья
Щедро сыплютъ безъ возмездья
Свѣта вѣчнаго дары,
Гдѣ горитъ сей огнь всемірный,
Будто люстры въ залѣ широй,
Гдѣ танцуютъ всѣ міры,
Намъ неслышнымъ внемля хоромъ,
Гдѣ роскошнымъ бѣлымъ шарфомъ
Вдвое, небу черезъ грудь,
Перекинутъ млечный путь,
Гдѣ послѣдней искрой своды
Замкнутъ дивный сей чертогъ,
Гдѣ ликуетъ вся природа,
Гдѣ владычествуетъ Богъ —
Жизнедавецъ, свѣтодержецъ,
Тученосецъ, громовержецъ,
Кто призвалъ насъ въ этотъ міръ
На великій жизни пиръ,
И въ дѣлахъ себя прославилъ
И торжественно поставилъ
Надъ землей, какъ надъ столомъ,
Чашу неба къ верху дномъ.

[redacted]

ПОРЫВЪ.

Какъ въ кованой клѣткѣ дубравная птица,
Все жажду я въ узахъ свободнаго дня.
Напрасно мнѣ блещутъ привѣтныя лица
И добрые люди ласкаютъ меня:
Мнѣ тяжко встрѣчаться съ улыбкою ясной;
Грущу я, на міръ суетливый смотря.
Нѣтъ, милые люди, напрасно, напрасно
Хотите вы сдѣлать ручнымъ дикаря!
Вы сами видали, какъ странно и тщетно,
Стараясь быть веселъ, притворствовалъ я,
Какъ въ обществѣ чинномъ и стройномъ замѣтна
Глухая, лѣсная природа моя.
Природа была мнѣ въ притворствѣ уликой:
Вшиваясь въ ея вѣковую красу,

Я росъ на раздольи Кареліи дикой,
Надъ озеромъ шумнымъ, въ дремучемъ лѣсу.
Съ мной вы расстались, деревья родныя!
Я помню, въ минуты прощальной поры
Какъ слезы катились у васъ смоляныя
Живымъ янтаремъ изъ подъ темной коры, —
Какъ вы мнѣ уныло вѣтвями кивали,
Даря свой послѣдній, прощальный привѣтъ, —
Какъ листья мнѣ ваши по вѣтру шептали:
«Куда ты уходишь? — Тамъ счастія нѣтъ.»

О, я разорвалъ-бы печали завѣсу,
Минувшею жизнью дохнулъ-бы вполнѣ —
Лишь дайте мнѣ лѣсу, дремучаго лѣсу!
Отдайте лишь волю широкую мнѣ,
Гдѣ-бъ могъ я по своему горе размыкать,
Объятья природѣ опять развернуть,
И праздно-бродящую радость закликать
На часъ перепутья въ отверстую грудь!

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

(въ Крыму.)

1.

На морѣ.

Ударилъ вѣтръ. Валы Евксина
Шумятъ и блещутъ подо мной,
И гордо вздулся парусъ мой
На гордыхъ персяхъ исполина.
Мой міръ, оторванъ отъ земли,
Летитъ. Отъ берега вдали
Теряетъ власть земная сила;
Здѣсь только небо шлетъ грозу;
Кругомъ лишь небо, а внизу —
Одна широкая могила.

[redacted]

И лежа я, раздумья полнъ,
Съ размашистой качели волнъ —
Отъ корня мачты — къ небу очи
Приподнималъ, и мнилось мнѣ:
Надъ зыбью моря звѣзды ночи
Качались въ темной вышинѣ;
Все небо мѣрно колыхалось,
И неподвижную доселѣ
Персть Божій зыблетъ, мнѣ казалось,
Міровъ несмѣтныхъ колыбель, —
И тихо къ горизонту падалъ
Мой взоръ: тамъ валъ разгульный прядалъ
И изъ за края корабля
Пучина грудь приподнимала,
И глухо вздохъ свой разрѣшала,
Сѣдыя кудри шевеля.

2.

Близъ береговъ.

Въ широкомъ пурпурѣ Авроры
Восходитъ солнце. Предо мной

Тавриды радужныя горы
Волшебной строются стѣной.
Плывемъ. Все ближе берегъ чудный
И рядъ заоблачныхъ вершинъ —
Все ближе. У кормы дельфинъ
Волной играетъ изумрудной
И прыщетъ искрами вокругъ.
Вотъ пристань! — Зноемъ дышитъ югъ.

Здѣсь жарко-сладокъ воздухъ чистый,
Огнемъ и нѣгой разведёнъ,
И какъ напитокъ золотистый
Изъ чаши неба пролитъ онъ. —
Тамъ — въ раззолоченномъ уборѣ
Границъ незнающее море
Съ небесной твердью сведено,
А тутъ — къ брегамъ прижаться радо,
И только именемъ черно
Слилось лазурное оно
Съ зеленымъ моремъ винограда.
Къ громадамъ скалъ приникъ заливъ,
И воды трепетныя млѣютъ,
И рощи лавровъ отразивъ,
Густыя волны зеленѣютъ.

3.

На южномъ берегу.

Природа здѣшняя свѣтла,
Пышна, кудрява, лучезарна,
Какъ прелесть женская — мила,
И какъ прелестница — коварна;
Полна красотъ со всѣхъ сторонъ
Блистаетъ и язвитъ — злодѣйка;
Въ руинахъ дремлетъ скорпіонъ;
Въ роскошныхъ злакахъ вьется змѣйка;
Въ зеленыхъ локонахъ кустовъ
Шипы таятся, иглы скрыты,
И между стеблями цвѣтовъ
Пропущенъ стебель ядовитый.
А знойный воздухъ сей, огнемъ
Въ уста втекающій, какъ лава?...
Невидимо разлита въ немъ
Соблазна тайнаго отрава:
Вдыхая въ грудь его струи,
Я вспомнилъ сонъ моей любви —
Тяжелый сонъ! — Зачѣмъ любовью
Здѣсь дышитъ все? — Зайдетъ ли день:

Край неба весь нальется кровью,
И соблазнительная тѣнь
На хо̀лмы ляжетъ; изъ за Понта,
Округлена, раскалена,
Возставъ, огромная луна
Раздвинетъ обручъ горизонта,
И выплыветъ, и разомкнетъ
Свои прельстительныя очи....
Она, бывало, перечтетъ
Мнѣ всѣ недо̀спанныя ночи,
Напомнитъ старыя мечты,
Страстей изломанныхъ картину
И все, за что̀-бы отдалъ ты,
Скиталецъ, жизни половину.
Какой томительный упрёкъ,
Бывало, мнѣ на сердце ляжетъ,
Когда луна мнѣ томно скажетъ:
Страдай! Томись! Ты одинокъ.

4.

Между скалъ.

Бѣлѣло море млечной пѣной.
Татарскій конь по брегу мчалъ

Меня къ обрывамъ страшныхъ скалъ
Межъ Симейсомъ и Лименой, —
И вотъ — онѣ передо мной
Ужасной высится преградой;
На камнѣ камень вѣковой;
Стѣна задвинута стѣной;
Громада стиснута громадой;
Скала задавлена скалой.
Нагромоздившіяся глыбы
Висятъ, опираясь надъ челомъ,
И дико брошены кругомъ
Куски, обломки и отшибы;
А время, ставъ на ихъ углы,
Ихъ медленно грызетъ и рѣжетъ:
Здѣсь слышенъ визгъ его пилы;
Его зубовъ здѣсь слышенъ скрежетъ.
Здѣсь Богъ, когда живую власть
Свою творсньемъ онъ прославилъ,
Хаоса дремлющаго часть
На память смертному оставилъ.
Зіяютъ челюсти громадъ;
Ихъ ребра высунулись дико,
А тамъ — подъ ними — вѣчный адъ,
Гдѣ мракъ — единственный владыко, —
И въ этой тьмѣ радъ–радъ ѣздокъ.
Коль чрезъ прорывъ между–утесный

Кой-гдѣ мелькаетъ свѣтоносный
Хоть скудный неба лоскутокъ.
А между тѣмъ растутъ преграды,
Все жмутся къ морю скалъ громады,
И поперекъ путь узкій мой
Вдругъ перехваченъ: нѣтъ дороги!
Свернись, мой конь, ползи змѣёй,
Стели раскидистыя ноги,
Иль въ камень ихъ вонзай! — Нѣтъ;
Подковы даромъ не изтупитъ;
Опасный встрѣтивъ переходъ,
Онъ станетъ — окомъ поведетъ —
Подумаетъ — и переступитъ, —
И по осколкамъ роковымъ,
Въ скалахъ, чрезъ ихъ нависшій куполъ,
Копытомъ чуткимъ онъ своимъ
Дорогу вѣрную нащупалъ.
Уже я скалы миновалъ;
Съ конемъ разумнымъ мы летѣли;
Ревѣлъ Евксинъ, валы бѣлѣли,
И громъ надъ бездной рокоталъ.

Средь яркихъ прелестей созданья
Взгрустнулось сердцу моему:
Оно тамъ жаждетъ сочетанья;
Тамъ тяжко, больно одному.

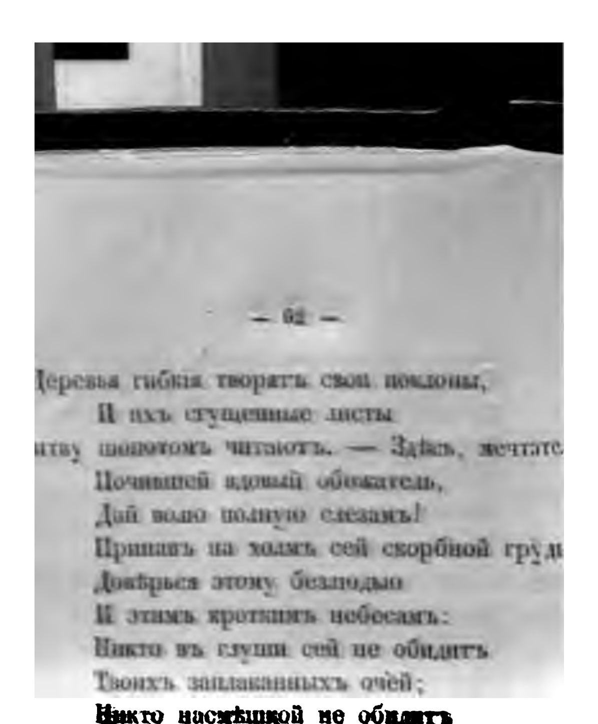
Но, путникъ, ежели порою
Въ сей край обрывовъ и стремнинъ
Закинутъ будешь ты судьбою —
Здѣсь — прочь людей! Здѣсь будь одинъ!
Бѣги сопутствующихъ прочь,
Оставь избранницу любви,
Оставь наперсника и друга,
Отъ сердца сердце оторви!
Съ священнымъ трепетомъ ты внидешь
Въ сей новый міръ, въ сей дивный свѣтъ:
Громады, бездны здѣсь увидишь,
Но нѣтъ земли и неба нѣтъ;
Благоговѣніе грозящее
Въ тебя вольется съ высоты,
И коль тогда здѣсь будутъ двое,
То будутъ только — Богъ и ты.

5

Могила въ Марселіи

Я знаю рощу. Божій храмъ
Въ древесной чащѣ скрытъ глубоко.

Изъ моря зелени высоко
Крестъ яркій выдвинутъ; къ стѣнамъ
Кусты прижались; рдѣютъ розы;
Подъ алтаремъ кипятъ, журча,
Неизсякающія слёзы
Животворящаго ключа.
Вблизи — могильный холмъ; два сумрачныя древа
Надъ нимъ сплели таинственный покровъ:
Подъ тѣмъ холмомъ почила дѣва —
Твоя, о юноша, любовь.
Своей здѣсь милой прахъ. Въ цвѣтахъ ея могила.
Быть можетъ, стебли сихъ цвѣтовъ
Идутъ изъ сердца, гдѣ любовь
Святыя корни сохранила.
Въ живыя чаши этихъ розъ,
Какъ въ ароматныя слезницы,
И на закатѣ дня, и съ выходомъ денницы,
Заря хоронитъ тайну слёзъ.
Въ возглавьи стройный тополь выросъ
И въ небо врѣзался стрѣлой,
Какъ мысль. А тамъ, какъ звучный клиросъ
Великой храмины земной,
Заливъ въ одеждѣ свѣтоносной
Гремитъ волною под-утёсной;
Кадятъ душистые цвѣты, —
И предъ часовнею съ лампадой у иконы,

Деревья гибкія творятъ свои поклоны,
И ихъ сгущенные листы
итву шопотомъ читаютъ. — Здѣсь, мечтате
Почившей вдовый обожатель,
Дай волю полную слезамъ!
Прижать на холмъ сей скорбной груд
Довѣрься этому безлюдью
И этимъ кроткимъ небесамъ:
Никто въ глуши сей не обидитъ
Твоихъ заплаканныхъ очей;
Никто насмѣшкой не обидитъ
Завѣтной горести твоей;
Никто холоднымъ утѣшеньемъ
Иль бездушнымъ сожалѣньемъ
Твоей тоски не оскорбитъ,
И ересь мнимаго участья
На мѣстѣ семъ не осквернитъ
Святыню гордаго несчастья.
Здѣсь слезъ не прячь: тутъ нѣтъ люде
Одинъ передъ лицемъ природы
Дай чувству весь разгулъ свободы!
Упейся горестью своей!

Несчастливъ ты; — но знай: судьбою
Иной безжалостнѣй убитъ,

И на печаль твою порою
Съ невольной завистью глядитъ.
Твою невѣсту, въ цвѣтѣ вѣка
Схвативъ, отъ міра увлекли
Объятья матери-земли,
Но не объятья человѣка.
Ее ты съ миромъ уступилъ
Священной области могилъ,
Землѣ ты предалъ персть земную:
Стократъ несчастливъ, кто живую
Подругу сердца схоронилъ,
Когда, на вѣкъ отъ взоровъ скрыта,
Она не въ грудь земли зарыта,
А на землѣ къ кому нибудь
Случайно кинута на грудь.

6.

Домъ въ цвѣтахъ. — Алупка.

Въ рощахъ ненаглядныхъ
Здѣсь чертогъ предъ вами.

Камень стѣнъ громадныхъ
Весь увитъ цвѣтами:
По столбамъ взбѣгаютъ,
По карнизамъ віются,
Мраморъ обнимаютъ,
Къ позолотѣ жмутся,
Разстилаясь тканью,
Съединя всѣ краски,
Расточаютъ зданью
Женственныя ласки.
Ласки, павъ на камень,
Пропадаютъ даромъ:
Изъ него жаръ—пламень
Выбьешь лишь ударомъ.
Такъ—то и на свѣтѣ
Межъ людьми ведется:
Прелесть въ пышномъ цвѣтѣ
Часто къ камню жмется;
Цвѣтъ, что всѣхъ милѣе,
Нѣженъ къ истукану;
Ластится лилея
Къ пню или чурбану.
Тутъ хоть камень глаже
Щеголя причесанъ:
Тамъ — посмотришь — даже
Пень тотъ неотесанъ.

[redacted]

7.

Оріанда.

Прелесть и прелесть! Вглядитесь:
Сколько ея на землѣ!
Шапку долой! Поклонитесь
Этой чудесной скалѣ!
Зеленью затканъ богатой
Что за роскошный утесъ,
Ставъ здѣсь твердыней зубчатой,
Плечи подъ небо занесъ!
Но извините: съ почтеньемъ
Сколько ни кланяйтесь вы —
Онъ не воздастъ вамъ склоненьемъ
Гордой своей головы —
Нѣтъ! — но услужитъ вамъ втрое
Пышнымъ въ подножье ковромъ,
Тѣнью прохладной при зноѣ,
Водныхъ ключей серебромъ.
Гордая стать — не обида:
Пусть-же, при благости твёрдъ,
Дивный утесъ твой, Таврида,
Кажется смертному гордъ!

Вспомнишь: средь залъ благовонныхъ,
Въ свѣтѣ, надъ лоскомъ половъ,
Мало-ль пустыхъ, безпоклонныхъ,
Вздернутыхъ къ верху головъ?
Тщетно-бы тѣни и крова
Ближній отъ нихъ тутъ искалъ;
Блещутъ, но блещутъ сурово
Выси [illegible] этихъ скалъ.

8.

Потоки.

Не широки, не глубоки
Крыма водные потоки.
Но за то ихъ шумный рой
Огражденъ гранитною стѣной. —
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Смотришь: вотъ — земля вогнулась
Въ глубину глухимъ котломъ,
И растительность кругомъ
Густо, пышно развернулась.
Чу! Ключи, ручьи кипятъ, —
И потоковъ быстрыхъ змѣйки
Сквозь подземныя лазейки
Пробираются, шипятъ;
Подъ кустарниковъ кудрями
То скрываются въ тѣни,
То блестящими снурами
Межъ зелеными коврами
Передернуты они,
И, открыты лишь частями,
Шелковистый рѣжутъ долъ,
И жемчужными кистями
Низвергаются въ котёлъ.

И порой сѣдыхъ утёсовъ
Расплываются глаза,
И изъ щелей ихъ съ откосовъ
Брызжетъ хладная слеза;
По уступамъ въ перехватку,
Въ пересыпку, въ перекатку,
Слезы тѣ бѣгутъ, летятъ,
И снопами водопадъ,

То въ припрыжку, то въ присядку,
Бьетъ съ раската на раскатъ;
То висить жемчужной нитью,
То ударитъ съ новой прытью,
Въ перегибъ и въ переломъ,
Онъ клубами млечной пѣны
Мылитъ скалъ крутыя стѣны,
Скачетъ въ воздухъ серебромъ,
На мгновенье въ безднахъ вязнетъ
И опять летитъ впередъ,
Пышетъ, отпрысками бьетъ,
Небо радугами дразнитъ,
Самъ себя на части рветъ.

Вамъ случалось-ли отъ жажды
Умирать, и шелестъ каждый
Шепотливаго листка,
Трепетанье мотылька,
Шумъ шаговъ своихъ тоскливыхъ
Принимать за шумъ въ извивахъ
Родника иль ручейка?
Нѣтъ воды! Нѣтъ мѣръ страданью;
Смерть въ глазахъ, а ты иди
Съ пересохшею гортанью,
Съ адскимъ пламенемъ въ груди!

Пыльно, — душно, — зной, — усталость!
Мать-природа! Гдѣ-же жалость?
Дай воды! Хоть каплю! — Нѣтъ!
Словно высохъ цѣлый свѣтъ.
Нѣтъ, повѣрьте, нетерпѣньемъ
Вы не мучились такимъ,
Ожидая, чтобъ явленьемъ
Васъ утѣшила своимъ
Ваша милая: какъ слабы
Тѣ мученья! — И когда-бы
Въ мигъ подобный вамъ она
Вдругъ явилась, вся полна
Красоты и обаянья,
Нѣги, страсти и желанья,
Вся готовая любить, —
Въ мигъ сей мыслью, можетъ быть,
Вы-бъ исполнились единой:
О, когда-бъ она Ундиной
Или нимфой водяной
Здѣсь явилась предо мной!
И ручьями-бъ разбѣжалась
Шелковистая коса,
И на струйки-бы распалась
Влажныхъ локоновъ краса,
И струи тѣ, пробѣгая
Черезъ сводъ ея чела

Слоемъ воднаго стекла,
И чрезъ очи ниспадая,
Повлекли бъ и изъ очей
Охлажденныхъ слезъ ручей,
И потомъ двѣ водныхъ течи
Съ права, съ лѣва, и кругомъ
На окатистыя плечи
Ей низверглись, — и потомъ
Съ плечъ, гдѣ скрытъ огонь подъ снѣгомъ,
Тая съ каждаго плеча,
Снѣгъ тотъ вдругъ хрустальнымъ бѣгомъ
Покатился-бы, журча,
Влагой чистаго ключа, —
И къ объятіямъ отверзты
Двѣ лилейныя руки
Стали сгибами рѣки,
Растеклись въ фонтанахъ персты, —
И — не съ жаркой глубиной,
Но съ святымъ безстрастья хладомъ —
Грудь разсыпалась каскадомъ
И расхлынулась волной!
Какъ-бы я втянулъ отрадно
Эти прелести въ себя!
Ангелъ-дѣва! Какъ-бы жадно
Вмигъ я выпилъ всю тебя!

9.

Обвалы.

Что за громъ? — То грозные обвалы.
Тяготѣнья вервь напряжена
Непрерывно тянетъ съ верху скалы
Въ глубь долинъ и валитъ ихъ она.
Вотъ и здѣсь — кругомъ онѣ нависли
И готовы, кажется, упасть.
Я подъ ними: роковая власть
Тяжести мои смущаетъ мысли.
Можетъ быть, сдается мнѣ, сейчасъ —
Въ этотъ мигъ — сорвется этихъ массъ
Надо мной висящая громада
Съ грохотомъ и скрежетаньемъ ада,
И моей вѣнчая жизни блажь
Здѣсь меня раздавитъ этотъ кряжъ,
И почетъ соединивъ съ обидой
Надо мной онъ станетъ пирамидой,
Сложенной изъ каменныхъ пластовъ.
Лишь мелькнетъ послѣднее мгновенье —

[redacted]

Въ тотъ-же мигъ свершится погребенье,
Въ тотъ-же мигъ и памятникъ готовъ.
Похоронъ торжественныхъ расходы,
Памятникъ — громаднѣе, чѣмъ своды
Всѣхъ гробницъ,—и залпъ громовъ, и трескъ
Пѣвчій — вѣтръ, а факелъ — солнца блескъ,
Слезы — дождь, все, все на счетъ природы,
Все отъ ней — и гдѣ? въ какомъ краю? —
За любовь къ ней страстную мою!

10.

Пещеры. Кизиль-Коба.

Гдѣ я? — Въ какой-то мглѣ сырой;
Тяжелый сводъ надъ головой:
Я въ мрачной области пещеръ,
Которымъ нѣтъ числа и мѣръ;
Съ семьею спутниковъ моихъ
Погрязъ я въ пропастяхъ земныхъ.
Но вотъ — въ утробѣ мы земли
Свои свѣтильники зажгли —

И озаренъ подземный домъ.
Гляжу: сокровища кругомъ;
Въ роскошныхъ формахъ сталактитъ
Холодной накипью блеститъ;
Тамъ въ тяжкихъ массахъ вывелъ онъ
Рядъ фантастическихъ колонъ;
Здѣсь облачный накинулъ сводъ;
Тутъ пышнымъ пологомъ идётъ,
И забранъ въ складкахъ надо мной
Виситъ широкой бахромой,
И ма̀нитъ путника прилечь,
Заботы жизни сбросить съ плечь,
Явленья грустныя забыть,
На камень голову склонить,
На камень сердце опереть,
И съ нимъ слiясь — окаменѣть.

То — узкій ходъ, то — цѣлый храмъ —
И перлы, перлы по стѣнамъ.
Волшебный блескъ! Вся глубина
Алмазами окроплена:
Коснитесь — влага! — Капли слезъ,
Скажите, кто сюда занесъ?
Не слезы-ль то жильцовъ земли
Сюда съ лица ея втекли,

[redacted]

Въ сердцахъ глубоко рождены
И въ глубину изъ глубины
Со всѣхъ сторонъ проведены?

Идемъ впередъ — полземъ — скользимъ.
Подземный ходъ неистощимъ.
Сводъ каждый, каждая стѣна
Хранитъ здѣсь бывшихъ имена,
И силой хищной ихъ руки
Отъ стѣнъ отшибены куски;
Рубцы и язвы сихъ громадъ
Слѣдъ ихъ грабительства хранятъ, —
И сами собственной рукой
Они здѣсь чертятъ вензель свой,
И въ сихъ чертахъ заповѣдныхъ —
Печать подземной славы ихъ.
И кто здѣсь имя не вписалъ?
И кто отъ этихъ чудныхъ скалъ
Куска на память не отсѣкъ?
Таковъ тщеславный человѣкъ!
Созданьемъ, дѣломъ ли благимъ,
Иль разрушеньемъ роковымъ,
Бѣдой-ли свой означивъ путь,
Чертой-ли слабой — чѣмъ нибудь —
Онъ любитъ слѣдъ оставить свой
И на землѣ и подъ землёй.

11.

Чатырдагъ.

Онъ здѣсь! — Въ средину цѣпи горной
Вступилъ, и давъ ему просторъ
Вокругъ почтительно, покорно
Раздвинулись громады горъ.
Своимъ величьемъ имъ неравный,
Онъ сталъ — одинъ, и въ небосклонъ
Вперя свой взоръ полу-державный,
Сановникъ горъ — изъ Крыма онъ,
Какъ изъ роскошнаго чертога,
Оставивъ міръ дремать въ пыли,
Приподнялся — и въ царство Бога
Пошелъ посланникомъ земли.
Подъ исполинскими пятами
Раскинувъ армію холмовъ,
Повитъ широкими крылами
Орловъ парящихъ, онъ съ орлами
Прошибъ затворы облаковъ, —
Зеленый плащъ вкругъ плечъ расправилъ,
И, выся темя на голо,
Подъ громъ и молнію подставилъ

Свое открытое чело,
И тамъ — воинственный, могучій,
За Крымъ онъ ратуетъ съ грозой,
Подъ мышцы схватываетъ тучи
И блещетъ свѣтлой головой.

И вотъ — я стою на холодной вершинѣ.
Все тихо, и глухо, и тёмно въ долинѣ.
Лежитъ подо мною во мракѣ земля,
А съ солнцемъ давно перевѣдался я:
Мнѣ первому лучъ его утренній выпалъ,
И выказалъ пурпуръ и злато разсыпалъ.

Таврида — красавица вся предо мной.
Стыдливо къ ней крадется лучъ золотой
И гонитъ слегка ея сонъ чародѣйный,
Завѣсу тумана, какъ пологъ кисейный,
Отдернулъ, и перлы восточныя ей
Роняетъ на пряди зеленыхъ кудрей.

Вздохнула — проснулась красавица міра,
Свой станъ опоясала лентой Салгира,
Цвѣтами украсилась, грудь подняла
И въ зеркало моря глядится: мила!

Прекрасна! — Полна ей низпосланнымъ благомъ
смотритъ невѣстой, а мы съ Чатырдагомъ,
ядимъ на нее изъ отчизны громовъ,
держимъ надъ нею вѣнецъ облаковъ.

12.

Чатырдагскіе ледники.

Разомъ здѣсь изъ жаркой сферы
Въ рѣзкій холодъ я вошёлъ.
Здѣсь на днѣ полу-пещеры —
Снѣга вѣчнаго престолъ;
А надъ нимъ нѣмыя стѣны,
Плотно затканныя мхомъ,
Вѣчной стражею безъ смѣны
Возвышаются кругомъ.
Чрезъ отверзтый зѣвъ утёсовъ
Съ верху въ сей заклепъ земной
Робко входитъ свѣтъ дневной,
Будто-бъ онъ лишь для распросовъ:
Что творится подъ землёй? —
Посланъ твердью свѣтовой.

Будто ринувшись съ разбѣга
По стѣнамъ на бездну снѣга,
Мохъ развѣсился надъ ней
Цѣлой рощей нисходящей,
Опрокинутою чащей
Нитей, прядей и кистей.
Что жъ? До сердца-ль здѣсь расколотъ
Чатырдагъ? — Сказать-ли: вотъ
Это сердце — снѣгъ и лёдъ?
Нѣтъ, безстрастный этотъ холодъ
Сдержанъ Крымскою горой
Подъ наружной лишь корой.
Но и здѣсь не безъ участья
Къ вамъ природа, и безстрастья
Въ ней законченнаго нѣтъ:
Здѣсь на тяжкій стонъ несчастья
Эхо стонетъ вамъ въ отвѣтъ,
Словно другомъ быть вамъ хочетъ,
Съ вашимъ смѣхомъ захохочетъ,
Съ вашимъ крикомъ закричитъ,
Вмѣстѣ съ вами замолчитъ,
Сердцу въ мукахъ злополучья
Шлетъ отзвучья и созвучья:
Вздохъ вашъ скажетъ — охъ, бѣда! —
И оно вамъ скажетъ — да —
Такъ [illegible] такъ сердечно!
[illegible]

[redacted]

Прохладитъ такъ человѣчно
Жгучій жаръ въ груди больной;
Онъ дыханье ваше схватитъ
И надъ этимъ ледникомъ
Тихо, бережно покатитъ
Пара дымчатымъ клубкомъ.
Этотъ мохъ цвѣсти не станетъ, —
До цвѣтовъ ему куда?
Да за то онъ и не вянетъ
И не блекнетъ никогда.

А къ тому-жь въ иные годы
Здѣсь, подъ солнечнымъ огнемъ,
Балъ Таврической природы
Слишкомъ жарокъ: чтобъ на немъ
Сладко грудь свѣжилась ваша,
Здѣсь мороженаго чаша
Для гостей припасена
И природой подана.
И запасъ другаго блага
Скрытъ здѣсь — въ ребрахъ Чатырдага:
Тѣхъ ключей, потоковъ, рѣкъ
Не отсюда-ль прыщетъ влага?
Пей во здравье, человѣкъ!
Въ этой грудѣ снѣжныхъ складовъ
Лишь до времени тверда

Тѣхъ клокочущихъ каскадовъ
Серебристая руда;
Но тепло ее затронетъ,
Перетретъ между тѣснинъ,
Умягчитъ, и со стремнинъ
Подтолкнетъ ее, уронитъ
И струистую погонитъ
Въ область дремлющихъ долинъ.

13.

Коса. Древности Керчи.

Я видѣлъ: бережно, за рамой и стекломъ
Хранились древности остатки дорогіе —
Вѣнцы блестящіе, запястья золотыя
И вазы чудныя, стоящія кругомъ,
И все, что отдали курганы и гробницы —
Амфоры пирныя, и кольца, и слезницы,
И все была свѣжа ихъ древняя краса;
Но средь вѣнцовъ и чашъ, въ богатомъ ихъ собр
Влекла къ себѣ мое несытое вниманье

ь женской головы отпавшая коса,
стойная любви восторговъ и стенаній,
стая, черная, сплетенная въ три граня,
ъ вѣчной тьмы могилъ изшедшая на свѣтъ
неизмятая подъ тысячами лѣтъ,
ежь тѣмъ, какъ столько косъ съ ихъ царственной красою
сѣклось времени нещадною косою.
етлѣнный блескъ вѣнцовъ меня не удивлялъ;
е дивно было мнѣ, что эти діадимы
рошли ряды вѣковъ, все въ цѣлости хранимы:
ь нихъ рдѣло золото — прельстительный металлъ!
нъ время соблазнитъ, и вѣчность онъ подкупитъ —
та ему удѣлъ безсмертія уступитъ; —
о — эта прядь волосъ.... уже-ли и она
севластной прелестью надъ временемъ сильна —
око вѣчности на этотъ даръ прекрасный
лядѣло издали — съ улыбкой сладострастной?
дѣ-жь свѣтлые глаза той дивной головы,
ъ которой волосы остались намъ?... Увы!
лаза.... они весь міръ, быть можетъ, сокрушали,
јиктаторовъ, царей и консуловъ смущали,
)гни кровавыхъ войнъ вздувая и туша, —
'лаза, гдѣ было все: свѣтъ, жизнь, любовь, душа,
'дѣ лучъ небесъ сіялъ, безсмертье ликовало —
), дайте, говорю, мнѣ видѣть ихъ привѣтъ! —
I, мнится, вижу я, какъ выставилъ скелетъ
Іа желтомъ черепѣ два страшные провала.

14.

Прости.

Прости, волшебный край, прости!
На краткомъ жизненномъ пути
Едва-ль тебя я снова встрѣчу;
Да и зачѣмъ?... Я не замѣчу
И не найду въ тебѣ тогда
Того, что нынѣ видѣлъ — да!
Ты будешь цвѣсть, ты вѣчно молодъ,
А мнѣ — вторично не цвѣсти:
Тогда въ тебя я внесъ-бы холодъ....
Прости, волшебный край, прости!

ЮЖНАЯ НОЧЬ.

(*Писано въ Одессѣ.*)

Легкій сумракъ. Сѣнь акацій.
Берегъ моря; плескъ волны,
И съ лазурной вышины
Свѣтъ лампады Музъ и Грацій —
Упоительной луны.

Тамъ, чернѣя надъ заливомъ,
Мачтъ подъемлются лѣса;
На землѣ-жъ — земли краса —
Тополь ростомъ горделивымъ
Измѣряетъ небеса.

[redacted]

Горячій дыханья дѣвы,
Межь землей и небомъ сжатъ,
Сладкій воздухъ; въ немъ дрожатъ
Итальянскіе напѣвы;
Въ немъ развѣянъ ароматъ.

А луна? — Луна здѣсь грѣетъ —
Хочетъ солнцемъ быть луна;
Соблазнительно-пышна
Нѣжитъ грудь и чары дѣетъ
Блескомъ стадостнымъ она.

Злая ночь златаго юга!
Блещешь лютой ты красой:
Ты смѣнила холодъ мой
Жаромъ страшнаго недуга —
Одиночества тоской.

Сердце, вспомнивъ сонъ завѣтный,
Жаждетъ вновь — кого нибудь....
Тщетно! Нѐ о комъ вздохнуть!
И любовью безпредметной
Высокò вздыбалась грудь.

Прочь, томительная нѣга!
Тамъ — цѣлебный сѣверъ мой
Возвратитъ душѣ больной
Въ лонѣ вьюгъ, на глыбахъ снѣга,
Силу мысли и покой.

Къ А—ѣ П—ѣ Г—гъ.

(По возвращеніи изъ Крыма.)

Въ странѣ, гдѣ ясными лучами
Живѣе блещутъ небеса,
Есть между моремъ и горами
Земли роскошной полоса.
Я тамъ бродилъ, и думъ порывы
Невольно къ вамъ я устремлялъ,
Когда подъ лавры и оливы
Главу тревожную склонялъ.
Тамъ часто я, въ раздумьѣ дикомъ,
Широко плавалъ въ мечтахъ,
И призывалъ безумнымъ кликомъ —
И эхо вторило въ горахъ.

[redacted]

О васъ я думалъ тамъ, гдѣ влага
Фонтановъ сладостныхъ шумитъ,
Тамъ, гдѣ гиганта—Чатырдага
Глава надъ тучами паритъ,
Тамъ, гдѣ по яхонту эѳира
Гуляютъ вольные орлы,
Гдѣ путь себѣ хрусталь Салгира
Прошибъ изъ мраморной скалы. —
Тамъ, средь природы колоссальной,
На высяхъ горъ, на ребрахъ скалъ,
Оставилъ я мой слѣдъ печальный
И ваше имя начерталъ, —
И послѣ — изъ долинъ метались
Мои глаза на высоты,
Гдѣ мною врѣзаны остались
Тѣ драгоцѣнныя черты:
Онѣ въ лазури утопали,
А я смотрѣлъ издалека,
Какъ солнца тамъ лучи играли
Или свивались облака.

Блеснетъ весна инаго года,
И, можетъ быть, въ счастливый часъ,
Тавриды свѣтлая природа
Въ свои объятья приметъ васъ.
Привычный къ высямъ и оврагамъ
Надъ дольней бездной, въ свой чередъ,

Татарскій конь надежнымъ шагомъ
Васъ въ область молній вознесётъ —
И вы найдете тѣ скрижали,
Гдѣ, [illegible] свой удѣлъ
И сердца тайныя печали,
Я ваше имя запечатлѣлъ.
Быть можетъ — это начертанье —
Скаламъ мной ввѣренный залогъ —
Пробудитъ въ васъ воспоминанье
О томъ, кто васъ забыть не могъ....

Но я боюсь: тѣхъ высей темя
Обваломъ въ бездну упадетъ,
Или завистливое время
Черты завѣтныя сотретъ,
Иль, кроя мракомъ сводъ лазури
И раздирая облака,
Изгладитъ ихъ ревнивой бури
Неотразимая рука, —
И не избѣгну я забвенья,
И скрыта въ прахѣ разрушенья,
Завѣтной надписи лишась,
[illegible] подъ вашими стопами
[illegible] неузнанная вами
[illegible] [illegible] моихъ объ васъ.

Е. Н. Ш—вой.

при доставленіи гербаріума Крымской флоры.)

Являясь къ вамъ изъ отдаленья,
Обѣтъ мой выполнить спѣшу,
И юга свѣтлаго растенья
Я вамъ усердно приношу.
Тамъ флора пышная предстала
Мнѣ въ блескѣ дивной красоты;
Я рвалъ цвѣты — рука дрожала
И ихъ застѣнчиво срывала:
Я не привыкъ срывать цвѣты.
Они предъ вами, Гдѣ-жь привѣтный
Чудесный запахъ южныхъ розъ?
Увы! Безжизненный, безцвѣтный

Я только прахъ ихъ вамъ привёзъ:
Отрывъ отъ почвы имъ смертеленъ,
И вотъ — изъ флоры той даровъ
Лишь мохъ остался свѣжъ и зеленъ
Отъ Чатырдагскихъ ледниковъ —
За тѣмъ, что съ нимъ не зналась нѣга;
Гдѣ солнца лучъ не забѣгалъ
Онъ тамъ надъ бездной льдовъ и снѣга
Утесовъ ребра пеленалъ, —
Да моря темныя растенья,
Какъ вживѣ, странный образъ свой
Хранятъ — за тѣмъ, что съ дня рожденья
Они средь влаги и волненья
Знакомы съ мрачной глубиной.

[redacted]

ЕЩЕ ЧЕРНЫЯ.

О какъ быстра твоихъ очей
Огнемъ напитанная влага!
Въ нихъ все — и тысячи смертей
И море жизненнаго блага.
Они, одѣтыя черно,
Горятъ во мракѣ сей одежды;
Сей трауръ имъ носить дано
По тѣхъ, которымъ суждено
Отъ нихъ погибнуть безъ надежды.
Быть можетъ—въ сумракѣ земномъ
Ихъ пламя для того явилось,
Чтобъ небо звѣздъ своихъ огнемъ
Передъ землею не гордилось, —
Или оттоль, гдѣ звѣздъ ряды

Креститъ эфиръ лучей браздами,
Узами бѣлыхъ двѣ звѣзды
И столь черными звѣздами.
Порой, въ таинственной тѣни,
Слегка склоненные, они,
Роняя трепетные взгляды,
Слившись трепещутся свиданьемъ,
Какъ двѣ глубокія лампады,
Блеснутъ полныя сустьемъ, —
И укротитъ желаній битву
И бурю помысловъ земныхъ,
Поклонникъ въ трепетѣ при нихъ
Становитъ сердце на молитву.
Порой въ нихъ страсть отражена
Двойными искрами рѣчными.
Они на міръ нападаютъ
И смотрятъ ужасомъ темницы.
Гдѣ черезъ нихъ два окна
Чернѣютъ странныя глубины, —
И поклонникъ міръ цѣлый мечетъ
Въ всеобъемлющія жерла.
И тамъ химера клокочетъ
Пустая черная сила.
Таковъ адъ, — но души роковыя
Рады каждый взять себѣ на часть,
Чтобы только въ этотъ адъ попасть.

Проникнуть въ бездны огневыя,
Отдаться демонамъ во власть,
Истратить разомъ жизни силы,
Перекипѣть, перегорѣть,
Кончаясь, трепетать и млѣть,
И, какъ въ бездонныхъ двѣ могилы,
Все въ тѣ глаза смотрѣть — смотрѣть.

ВОТЪ КАКЪ ЭТО БЫЛО.

[illegible]

[illegible]

Крючья и гибкія трости — орудія ловли —
Возлѣ покоились. Тутъ его юныя чада
Одаль недвижно стояли и удили рыбу,
Окомъ прилежнымъ слѣдя въ созерцаньи глубокомъ
Легкую дрожь поплавка и движеніе зыби.
Зналъ я ихъ: всѣ они въ прежнее время, бывало,
Съ высшимъ художествомъ знались, талантливы были,
Вѣдали книжное дѣло и всякую мудрость, —
Бросили все — и забавы, и жизнь городскую,
Утро и полдень и вечеръ проводятъ на ловлѣ.
Странное дѣло! — помыслилъ я — что за причина?
Только помыслилъ — челнокъ, погляжу, ужь отчалилъ,
Влажнымъ лобзаньемъ цѣлуются съ озеромъ вёсла:
Самъ я не вѣдаю, какъ въ челнокѣ очутился.
Стали на якорѣ; дали мнѣ уду; закинулъ:
Бичъ власяной расхлеснулъ рябоватыя струйки,
Грузъ побѣжалъ въ глубину, поплавокъ закачался,
Словно малютка въ люлькѣ хрустальной; невольно
Я заглядѣлся на влагу струистую: сверху
Искры, а глубже — такъ мрачно, таинственно, чудно,
Точно какъ въ очи красавицы смотришь, и взору
Взоромъ любви глубина отвѣчаетъ, скрывая
Уды коварное жало въ загадочныхъ персяхъ.
Вдругъ — задрожала рука — поплавокъ окунулся,
Стукнуло сердце и замерло.... Выдернулъ: окунь!
Бьется, трепещетъ на вѣрномъ крючкѣ, и, сверкая,
Брызжетъ въ лицо мнѣ студеными перлами влаги.

Снова закинулъ.... Ужъ солнце давно закатилось,
Лѣсъ потемнѣлъ, и затеплились Божьи лампады —
Звѣзды небесныя — ловля еще продолжалась.
«Вотъ я отнынѣ, — сказалъ рыбакамъ я любезнымъ, —
Брошу невѣрную лиру и дѣву забуду —
Пѣтую мной темнокудрую милую дѣву,
Богъ съ ней! скажу я, довольно страдалъ я напрасно, —
Или.... быть можетъ.... еще остается надежда:
Удой моей изловлю я измѣнницы сердце,
Если она изъ огня его бросила въ воду.

МАЛЕНЬКОЙ ЖЕННИ.

Вмѣсто куклы въ модномъ платьѣ,
Женни, вотъ тебѣ занятье:
Я принесъ мои стишки.
Ждать-ли мнѣ за это ласки?
Рада-ль ты? Горятъ-ли глазки?
Шевелятся-ли ушки?
Лепечи, пока малютка,
Риѳмы легкія шутя!
Скоро будешь институтка,
Скоро выростешь, дитя,
Разцвѣтешь, какъ цвѣтъ махровый,
И къ тебѣ — не знаю кто —
Ужь поэтъ напишетъ новый,
И напишетъ ужь не то.

Ты успѣешь въ той долинѣ
Тайну милую постичь;
Вспомни, Женни, въ это время
Я ужъ буду старый хрычъ,
Иль какой саженью глубже
Буду спать въ землѣ сырой:
Не забудь-же — приголубь-же
Хоть могильный камень мой!
Пусть надъ нимъ соломку сломитъ
Женни рѣзвая слегка,
И привѣтная рука
Вѣтку зелени уронитъ
На могилу старика!

МОГИЛА ЛЮБВИ.

Въ груди у юноши есть гибельный вулканъ.
Онъ пышетъ. Міръ любви подъ пламенемъ построе
Потомъ — прошли года: Везувій успокоенъ,
И въ пеплѣ погребенъ сердечный Геркуланъ;
Подъ грудой лавы спятъ мечты, любовь и ревность;
Кипѣвшій жизнью міръ теперь — сѣдая древность. —
И память наконецъ, какъ хладный рудокопъ,
Врываясь въ глубину, средь тѣхъ развалинъ бродитъ:
Могилу шевелитъ, откапываетъ гробъ
И мумію любви нетлѣнную находитъ:
У мертвой на челѣ оттѣнки грезъ лежатъ;
Есть прелести еще въ чертахъ оцѣпенѣлыхъ;
Въ очахъ угаснувшихъ блестятъ
Остатки слезъ окаменѣлыхъ.

Изъ двухъ вѣнковъ, ей брошенныхъ въ удѣлъ
Одинъ давно исчезъ, другой все свѣжъ, какъ новый:
Вѣнокъ изъ розъ давно истлѣлъ,
И лишь одинъ вѣнокъ терновый
На вѣчныхъ язвахъ уцѣлѣлъ.
Вотще и ласки дѣвъ и пламенныя пѣсни
Почившей говорятъ: возстань! изыдь! воскресни!
Ее не оживятъ ни силы женскихъ чаръ,
Ни взоръ прельстительный, ни устъ румяныхъ лепетъ,
И электрическій ударъ
Въ ней возбудитъ не огнь, не жаръ,
А только судорожный трепетъ.
Кругомъ есть надписи; но тщетно хитрый умъ
Покрывшую ихъ пыль сметаетъ и тревожитъ,
Напрасно ихъ грызетъ и гложетъ
Желѣзный зубъ голодныхъ думъ,
Когда и сердце ихъ прочесть уже не можетъ; —
И факелъ уронивъ, и весь обхваченъ мглой,
Кривляясь въ бѣшенствѣ предъ спящею богиней,
Въ безсильи жалкомъ разумъ злой
Кощунствуетъ надъ древнею святыней.

О ЕСЛИ-БЪ.

О, если-бъ зналъ я напередъ,
Когда мой смертный часъ придетъ,
И зналъ, что тихо, безъ терзанья,
Я кончу путь существованья —
Я жилъ-бы легче и смѣлѣй,
Страдалъ и плакалъ веселѣй,
Не столько-бъ жизнь мою злословилъ,
И постепенно-бы готовилъ
Я душу слабую къ концу,
Какъ дѣву къ брачному вѣнцу, —
И каждый годъ, въ тотъ день извѣстный,
Собравъ кружокъ знакомства тѣсный
И пѣня дружескій бокалъ,
Себѣ я самъ-бы отправлялъ

Среди отрадной вечеринки,
Въ зачетъ грядущаго, поминки,
Чтобы потомъ не заставлять
Себя по смерти поминать. —
Въ послѣдній годъ, въ концѣ дороги,
Я свелъ-бы всѣ свои итоги,
Провѣрилъ всѣ мои грѣхи,
Мою любовь, мои стихи,
Что я слагалъ въ тоскѣ по милой
(Прости мнѣ, Боже, и помилуй!),
И, можетъ быть, еще-бы разъ
Припомнилъ пару черныхъ глазъ,
Да злыя кудри дѣвы дальной,
Ей брякнулъ рифмою прощальной.
Потомъ — всему и всѣмъ поклонъ!
И, осмотрясь со всѣхъ сторонъ,
Въ послѣдній разъ-бы въ Божьемъ мірѣ
Раскланялся на всѣ четыре,
Окинулъ взоромъ небо синь,
Роднымъ, друзьямъ, въ раздумьи тихомъ
Сказалъ: не поминайте лихомъ!
Глаза сомкнулъ-бы — и аминь!

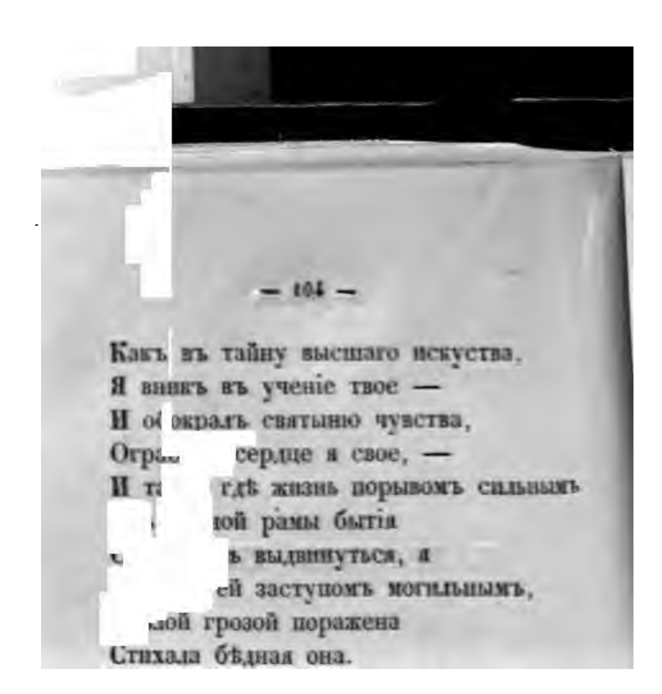

[redacted]

НАПРАСНЫЯ ЖЕРТВЫ.

іныхъ мудрецовъ уроки затвердивъ,
Какъ вредны пламенныя страсти,
усиліемъ я каждый ихъ порывъ
іся покорить разсудка грозной власти;
чтой сердечною вступая въ тяжкій споръ,
Я чувству шелъ наперекоръ,
кетъ быть, порой чистѣйшее участье
ій, милыхъ мнѣ, враждебно отвергалъ,
И гдѣ меня искало счастье —
Я самъ отъ счастья убѣгалъ.

Разсудокъ хладный! — Долго, строго
Я, не безъ горя, не безъ слезъ,
Тебѣ служилъ, и много, много
Кровавыхъ жертвъ тебѣ принесъ;

— 104 —

Какъ въ тайну высшаго искуства,
Я вникъ въ ученіе твое —
И о[illegible]кралъ святыню чувства,
Огр[illegible] сердце я свое, —
И т[illegible] гдѣ жизнь порывомъ сильнымъ
[illegible]ой рамы бытія
[illegible]ь выдвинуться, а
[illegible]ей заступомъ могильнымъ,
[illegible]мой грозой поражена
Стихала бѣдная она.

За жертвы трудныя, за горькія лишенья
Ты чѣмъ мнѣ заплатилъ, холодный, жалкій умъ?
Зажегъ ли мнѣ во тьмѣ свѣтильникъ утѣшенья
И много-ли мнѣ далъ отрадныхъ, свѣтлыхъ думъ?
Я съ рокомъ бился: что-жъ?—Что вынесъ я изъ боя?
Я жизнь ввѣрялъ тебѣ — и нѣ жилъ я вполнѣ:
За жизнь мою ты далъ-ли мнѣ
Хотя безжизненность покоя?
Нѣтъ, — дни туманные мои
Полны, при проблескахъ минутныхъ,
Печальныхъ грезъ, видѣній смутныхъ
И блѣдныхъ призраковъ любви.

[redacted]

ОТВѢТЪ

на доставшійся автору въ игрѣ вопросъ: какой цвѣтокъ желалъ-бы онъ воспѣть?

Есть цвѣтокъ: его на лирѣ
Вѣчно-бъ славить я готовъ.
Есть цвѣтокъ: онъ въ этомъ мірѣ
Краше всѣхъ другихъ цвѣтовъ.
То цвѣтокъ не однолѣтній:
Все милѣе, все привѣтнѣй
Онъ растетъ изъ году въ годъ,
И, плѣняя всю природу,
По восьмнадцатому году
Дивной прелестью цвѣтётъ.
Поднимается онъ статно,
Шейка гибкая бѣла,

А стебелекъ хрупокъ,
И кудрявъ, и [illegible].
Онъ цвѣтетъ въ свѣтѣ горячемъ,
И мечтательно-синій
Онъ не сходенъ травами, корнемъ
Съ нашей бѣдною землей.
Не на стеблѣ при корняхъ
Неподвижно-одинокъ —
Нѣтъ, на другъ [illegible]
Вьется длинный [illegible] цвѣтокъ.
Отъ [illegible] жилы упругой
Жизнь его сохранена:
За любимой цвѣтной рукой
Оттолкнулъ онъ —
И безпечный онъ не слышитъ
Будь застигнутъ въ холодной мглѣ.
Онъ въ свѣтломъ небѣ дышитъ,
Рдѣетъ въ [illegible] теплѣ.
Что за чудное растенье!
Тонокъ, хрупокъ каждый стебель.
Лишь одно прикосновенье —
И прекрасный цвѣтъ погибъ.
Увидавъ ваши взоры
Слабый ищетъ онъ опоры...
Но — смотрите какъ онъ нѣженъ,
Нѣжный, розово-[illegible].

[redacted]

Дышитъ силой чародѣйной,
Колдовствомъ и ворожбой;
Полный прелестей, онъ разомъ
Сердце ядомъ напоитъ,
Отуманитъ бѣдный разумъ,
И прельститъ, и улетитъ.

СТАРОЙ ЗНАКОМКѢ.

Я васъ знавалъ, когда мечтами
Вамъ окрылялся каждый часъ,
И жизнь волшебными цвѣтами,
Шутя, закидывала васъ.
О, въ тѣ лѣта вамъ было ясно,
Что можно въ счастье заглянуть,
Что не вотще холмится грудь
И сердце бьется не напрасно.
Я былъ при васъ. Меня ничто
Не веселило; я терзался;
Одними вами любовался —
И только былъ терпимъ за то.
Очами ясными встрѣчали
Мое вы грустное чело,
И вашихъ радостей число

На немъ — на сей живой скрижали —
Летучимъ взоромъ отмѣчали.

Теперь, когда вы жизнь свою
Сдружили съ горемъ и бѣдами,
Я, вамъ не чуждый, передъ вами,
Какъ хладный памятникъ, стою.
Я вамъ могу, какъ свитокъ пыльный,
Напоминать былые дни:
На мнѣ, какъ на плитѣ могильной,
Глубоко врѣзаны они.
Мнѣ жаль васъ видѣть въ этой долѣ:
Васъ мучитъ явная тоска; —
Но я полезенъ вамъ не болѣ,
Какъ листъ бездушный дневника.

Мой жребій съ вашимъ все несходенъ.
Донынѣ дороги вы мнѣ —
Я вамъ для памяти лишь годенъ;
Мы оба вѣрны старинѣ.
Я, на плечахъ таская бремя
Моей все грустной головы,

[illegible]
[illegible]
[illegible]

ЖЕЛАНІЕ БЫТЬ ВАЯТЕЛЕМЪ.

, милые друзья, предъ этой дѣвой стройной
цаемъ не былъ я мечтою безпокойной,
і то въ очи ей застѣнчиво взиралъ,
ерзостный мой взоръ на грудь ея склонялъ,
іясь красотой сей выси благодатной,
рачной, трепетной, двухолмной, двураскатной:
ошный этотъ видъ и гордость на челѣ
ли мнѣ тогда Діану на землѣ.
съ не понималъ. Мнѣ чуждъ былъ и несроденъ
› чувственный восторгъ. Отъ низкихъ думъ сво-
боденъ,
вство свѣтлое въ душѣ своей питалъ;
онникъ чистыхъ Музъ — желаньемъ не сгоралъ
а кольцами вкругъ дѣвы обвиваться,
ями ястреба въ пухъ лебедя впиваться....
! — Жрецъ изящнаго — я мыслилъ: въ этотъ мигъ
ему мнѣ звуковъ даръ, гремучій мой языкъ?
али-бы теперь, симъ видомъ упоенный,

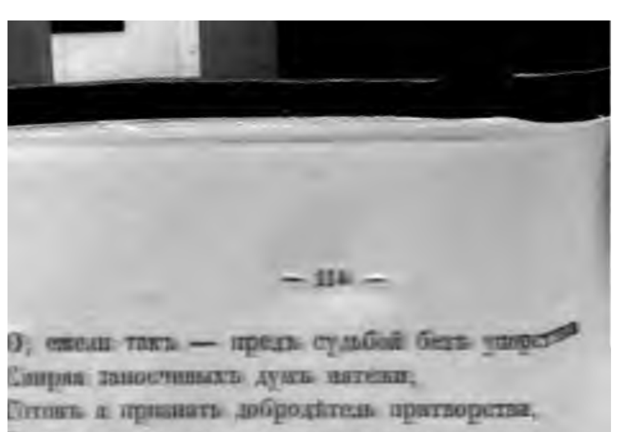
[redacted]

Я былъ сынъ древности — ваятель вдохновенный,
Блеснулъ-бы въ этотъ мигъ мнѣ Фидія вѣнецъ,
Лучъ яркій творчества во грудь мою проникнулъ,
«Вотъ перси дивныя!» — тогда-бы я воскликнулъ, —
«Подайте мраморъ мнѣ! Подайте мнѣ рѣзецъ!»

И съ мраморной скалы я-бъ грубый черепъ скинулъ
И перси изъ нея торжественныя вынулъ
Во всей ихъ прелести; — казалось-бы, онѣ,
Скрывая страстный жаръ въ бездонной глубинѣ,
И вдругъ оцѣпенѣвъ подъ искусомъ желанья,
Наполнились волной мятежнаго дыханья,
И бурный вздохъ въ себѣ стараясь удержать,
Готовы — закипѣть, хотятъ — затрепетать, —
И все, что въ нихъ влекло-бъ къ земному обольщенью,
Разметанныхъ власовъ полу-завѣсивъ тѣнью,
Богини гордый ликъ я вывелъ-бы свѣтло,
И думу строгую ей бросилъ на чело,
Чтобъ смертный, подходя, вдругъ вспыхивалъ, какъ пламень,
И, дерзкій, мнилъ обнять богоподобный камень,
Но взоры возведя на свѣтоносный ликъ,
Мгновенно-бъ головой преступною поникъ,
Молитву произнесъ въ ограду отъ волненій
И, блѣдный, преклонилъ дрожащія колѣни.

БЫТЬ МОЖЕТЪ.

Когда ты такъ мило лепечешь: «люблю» —
Волшебное слово я жадно ловлю;
Оно мнѣ такъ ново, такъ странно, такъ чудно!
Не вѣрить — мнѣ страшно, а вѣрить мнѣ трудно.
Быть можетъ, ты сердца слѣдя моего
Одни безпредметно—слѣпыя стремленья
И сжалясь надъ долей его запустѣнья,
Подумала: «дай, я наполню его!
Онъ милъ быть не можетъ, но тихо, безстрастно
Я буду питать его чувства порывъ,
Не болѣ, чѣмъ прежде, я буду несчастна,
А онъ.... онъ, быть можетъ, и будетъ счастливъ!»
И съ ангельской лаской, съ небеснымъ привѣтомъ
Ко мнѣ обратила ты дружескій взглядъ
И въ сердцѣ моемъ благодатно—согрѣтомъ
Всѣ радости жизни воскресли съ тѣхъ поръ.

О, если такъ — предъ судьбой безъ упорства
Смиряя заносчивыхъ думъ затѣи,
Готовъ я признать добродѣтель притворства,
Заслугу неправды, достоинство лжи,
Чрезъ добрую цѣль оправданіе средства,
Безгрѣшность коварства и благость кокетства.
Не зная, какъ сладить съ судьбой и людьми,
И жить безотрадно, а ты изъ участья
Несчастному кинувъ данные счастья
Съ радушной улыбкой сказала: возьми!

О, если такъ — для меня ненавистенъ
Ядъ правды несносной и тягостныхъ истинъ,
Съ которыми свѣтъ мнѣ былъ мраченъ и пустъ,
Когда я, блаженства проникнутый дрожью,
До глупости счастливъ прелестною ложью
Твоихъ обаяньемъ помазанныхъ устъ.

МОСКВА.

Близко.... Сердце встрепенулось;
Ближе.... ближе.... Вотъ видна!
Вотъ раскрылась, развернулась, —
Храмы блещутъ: вотъ она!
Такъ — она! — Давно-ль изъ пепла?
А взгляните: какова!
Встала, выросла, окрѣпла,
И по прежнему жива!
И кресты церквей далече,
Въ радость сердцу и очамъ,
Идутъ въ золотѣ на встрѣчу
Золотымъ небесъ лучамъ, —
И спокойный, величавый,
Бодрый сторожъ Русской славы —

Кремль — и красенъ, и великъ, —
И свѣтла, златовѣнчанна
Колокольня Іоанна
Движетъ звучный свой языкъ;
Только съ бурей поборолясь —
Глядь! Опять въ лучахъ горитъ
И во весь свой мѣдный голосъ
Съ Божьимъ небомъ говоритъ.

Городъ — досыта простору!
Городъ — есть на что взглянуть!
Городъ — подъ гору, да въ гору!
Такъ и эдакъ повернуть!
Онъ не въ вытяжку, не стройно,
Но широко, но спокойно
На холмахъ по-барски лёгъ,
Далъ разгулъ своимъ палатамъ,
И разсыпался по скатамъ,
И раскинулся, какъ могъ.
Много прожилъ онъ на свѣтѣ,
Помнитъ предковъ времена,
И въ живомъ его привѣтѣ
На распашку Русь видна.

Русь.... Блестящій въ чинномъ строѣ
Ея Петрополь — голова;

Ты ей — сердце ретивое,
Благодатная Москва!
Хладный, строгій, многодумный
Онъ, воспитанникъ Петра,
Полнъ заботою разумной
О стяжаніи добра.
Онъ — питомецъ полуночи —
Къ морю Финскому приникъ;
У него Россіи очи,
Слухъ, и дума, и языкъ.
А она — Москва родная —
Въ грудь Россіи залегла
И въ себѣ роднаго края
Жилы жаркія сплела,
И богата Русской кровью,
И кипучею любовью
Къ славѣ Царской горяча,
Исполиновъ коронуетъ,
И трезвонитъ, и ликуетъ,
Бьетъ по всѣмъ струнамъ съ плеча;
Но когда ей угрожаетъ
Силы вражеской напоръ,
Для себя сама слагаетъ
Славный жертвенный костёръ,
И враговъ завидя знамя,
Къ древней близкое стѣнѣ,

Повергается во пламя
И красуется въ огнѣ,
И, какъ фениксъ, вылетая
Изъ трескучаго огня,
Снова блещетъ золотая,
Съ шликомъ: Русь! цѣлуй меня!

КІЕВЪ.

Въ ризѣ святости и славы,
Опоясанъ стариной,
Старецъ-Кіевъ предо мной
Возблисталъ золотоглавый.
Здравствуй, старецъ величавый!
Здравствуй, труженикъ святой!

Здравствуй, Днѣпръ — поитель дивный
Незабвенной старины!
Чу! На звонъ моей струны
Сердце слышитъ плескъ отзывный
Удалой, многоразливной
Святославовской волны.

[redacted]

Здѣсь Владиміръ кругомъ тѣснымъ
Сыновей своихъ сомкнулъ,
И хоругви развернулъ,
И, нап полнъ небеснымъ,
Въ Д іемъ крестнымъ,
Русь-младе ок

Днѣпръ — Перуна гробъ кровавый,
Путь нашъ къ Грекамъ! Не въ тебѣ-ль
Русской силы колыбель?
Ты — истокъ родной державы,
Водный поясъ нашей славы,
Наша крестная купель.

Ты спѣшишь въ порывѣ смѣломъ,
Краю сѣверному въ честь,
О дѣлахъ его дать вѣсть
Юга знойнаго предѣламъ,
И молву о царствѣ бѣломъ
Къ морю Черному принесть.

Божьей милостью обильный
Кіевъ! Много тѣлъ святыхъ
Въ глубинѣ пещеръ твоихъ
Полны жизни безмогильной,

И является Всесильный
Въ чудотворной силѣ ихъ.

Процвѣтай-же, чуждъ гордынѣ,
Помня были и молясь!
Да въ вѣка переносясь
Не слабѣетъ, какъ донынѣ,
Русской славы со святыней
Небомъ скованная связь!

РЕВНОСТЬ.

Есть чувство адское: оно вскипитъ въ крови —
И вызвавъ демоновъ, вселитъ ихъ въ рай любви,
Лобзанья отравитъ, оледенитъ объятья,
Вздохъ нѣги превратитъ въ хрипящій вопль проклятья,
Отниметъ все — и свѣтъ, и слезы у очей,
Въ прельстительныхъ кудряхъ укажетъ свитыхъ змѣй,
Въ улыбкѣ алыхъ устъ — геенны осклабленье
И въ легкомъ шопотѣ — эхиднино шипѣнье.

Вотъ — вотъ прелестница! — Усмѣшка по устамъ
Ползетъ, какъ свѣтлый червь по розовымъ листамъ.
Она — съ другимъ — нѣжна! Увлажена рѣсница; —
И наглый взоръ его сверкаетъ, какъ зарница,

[redacted]

естямъ ея, — какъ молнія, скользитъ
ямъ трепетнымъ, впивается, язвитъ,
дкамъ бархата стремительно струится
кры адскія у ногъ ея дробится,
жетъ ей въ лицо, то лижетъ милый слѣдъ.
- руку подала!... Измѣнницы браслетъ
нулъ ей руки.... Ужь вотъ ея мизинца
я этотъ левъ изъ моднаго звѣринца —
атой гривою! — Зачѣмъ на ней надѣтъ
тло-розовый мнѣ ненавистный цвѣтъ?
нѣтъ-ли здѣсь? Въ васъ тайныхъ знаковъ нѣтъ-ли,
нныхъ кудрей предательныя пѣтли?
, пряди черныхъ косъ, подернутыя мглой?
, верви адскія, залитыя смолой,
и демоновъ закрученные свитки,
колдовства, орудья вѣчной пытки?

НАПРАСНО.

Напрасно, дѣва, бурю спрятать
Въ мятежномъ сердцѣ хочешь ты
И тайну пламенной мечты
Молчаньемъ вѣчнымъ запечатать:
Завѣтныхъ думъ твоихъ въ тайникъ
Давно взоръ опытный проникъ.
Признайся: мучима любовью
И въ ночь безсонницей томясь,
Младую голову не разъ
Метала ты по изголовью;
Не зная, гдѣ ее склонить,
Ты въ страстномъ трепетѣ хотѣла
Ее отъ огненнаго тѣла
Совсѣмъ отбросить, отдѣлить,

Себя отъ разума избавить
И только сердце лишь оставить
И только этимъ сердцемъ жить;
Слеза съ рѣсницъ твоихъ срывалась,
И ночь — наперсница любви —
Въ глаза лазурные твои
Своими черными впивалась,
Гордяся тѣмъ, что возрасло
Подъ темными ея крылами
Двумя лазурными звѣздами
Несмѣтныхъ звѣздъ ея число.
Едва уснувъ, ты пробуждалась,
Румянца заревомъ горя —
И ночь блѣднѣла и пугалась,
Спѣша къ отлету: ей казалось,
Что утра вспыхнула заря.

ВЪ АЛЬБОМЫ.

1.

(*Написано на первой страницѣ непочатаго еще альбома.*)

Давно альбомъ уподобляютъ храму,
Куда текутъ поклонники толпой,
Гдѣ есть просторъ мольбамъ и ѳиміаму,
Зажженному усердною рукой,
Куда порой и хладное невѣрье
Вторгается въ обманчивой тиши....
Нѣтъ! Онъ не храмъ, — но, можетъ быть, преддверье
Къ завѣтной храминѣ души.

И первый я на чистыя ступени
Таинственной обители вхожу.

:тану здѣсь. Довольно, что моленій
пущенъ я къ святому рубежу!
слѣдъ за мной, по свѣтлому призванью,
да придутъ съ обильной чувства данью
перваго пришельца обойдутъ:
бранники торжественно и прямо
ойдутъ въ алтарь доступнаго имъ храма,
ѣ, можетъ быть, послѣдніе найдутъ
ижайшій путь къ святынѣ сокровенной;
кроется служенья стройный чинъ
гимны раздадутся: я одинъ
паперти останусь, оглашенный!

2.

(А. А. И—ой.)

Въ разлукѣ съ рѣзвыми мечтами
Давно часы я провожу,
И здѣсь — надъ свѣтлыми листами —
Я съ темной думою сижу.

Что жизнь? я мыслю: листъ альбомный,
Который небо намъ даетъ;

Весь міръ — одинъ альбомъ огромный,
Гдѣ каждый впишетъ и уйдетъ.

Блаженъ, кто весь свою веригу,
Свой крестъ, — и, полный правоты,
Внесъ въ эту памятную книгу
Однѣ безгрѣшныя черты.

Блаженъ, кто, низходя въ гробницу,
На память о своей судьбѣ
Безъ пятенъ легкую страницу
Умѣлъ оставить по себѣ.

Въ день оный книга разогнется
И станутъ надписи судить....
При этой мысли сердце бьется;
Я трепещу: мнѣ страшно жить.

И въ страхѣ-бъ, съ трепетной душою
Входилъ я нынѣ въ вашъ альбомъ,
Когда-бъ я зналъ, что надо мною
Вашъ грянетъ судъ и судный громъ.

Заранѣ впалъ-бы я въ унылость....
Но — нѣтъ, — предчувствіе не лжетъ:
За грѣшный стихъ меня ждетъ милость,
Меня прощенье ваше ждетъ.

3.

(Л. Е. Ф.)

Есть два альбома. Предъ толпою
Всегда одинъ изъ нихъ открытъ,
И всякъ обычною тропою
Туда ползетъ, идетъ, летитъ.
Толпа несетъ туда дѣвицѣ —
Альбома свѣтлаго царицѣ —
Желаній нѣжные цвѣты,
И лести розовой водицей
Кропитъ альбомные листы.
Тамъ есть мечты, стихи, напѣвы
И всякій вздоръ.... Но есть другой
Альбомъ у дѣвы молодой:
Альбомъ тотъ — сердце юной дѣвы.
Сперва онъ весь, какъ небо, чистъ;
Вы въ немъ ни строчки не найдете;
Не тронутъ ни единый листъ
Въ его багряномъ переплетѣ.

Онъ — тайна вѣчная для насъ;
Толпа сей книжки не коснется:
Для одного лишь въ нѣкій часъ
Она украдкой развернется, —
И счастливъ тотъ, кто вензель свой,
Угодный ангелу-дѣвицѣ,
Нарѣжетъ огненной чертой
На первой розовой страницѣ!

4.

(Е. Н. Ш—ой.)

Тонетъ въ сумракѣ тумана
Утра Божьяго краса.
Тѣни облачныя! Рано
Вы мрачите небеса.

Рано, въ утренніе годы,
Оградясь щитомъ мольбы,
Ты ужь вѣдаешь невзгоды
*Испыт*ующей судьбы, —

И младенческія руки,
Пробѣгая по струнамъ,
Рвутъ съ нихъ огненные звуки, —
И, вѣщательница, намъ
Въ этихъ звукахъ, въ ихъ раскатахъ,
Не успѣвъ еще разцвѣсть,
Ты приносишь объ утратахъ
Сокрушительную вѣсть.

Пой, пѣвица! — Путь твой тѣсенъ,
Но просторна жизни даль.
Лейся въ звукахъ стройныхъ пѣсенъ,
Вдохновенная печаль!
Даръ нетщетный, неслучайный,
Данъ душѣ твоей: она
Въ гармоническія тайны
Отъ небесъ посвящена, —
И вкушая пѣсенъ сладость
Полныхъ грустію твоей,
Позавидуетъ имъ радость:
Не пѣвать такъ сладко ей!

Вѣрь: страданью срокъ наступитъ.
Пой, *лелѣй небесный* даръ!

Вѣрь: судьба сама искупитъ
Свой ош[illegible]очный ударъ.
Небо утре[illegible]о
Для того [illegible]тѣнь,
Чтобъ изъ[illegible]на
Вывесть [illegible].

ВАЛЬСЪ.

Все блеститъ: цвѣты, кенкеты,
И алмазъ, и бирюза,
Люстры, звѣзды, эполеты,
Серги, перстни и браслеты,
Кудри, фразы и глаза.
Все въ движеньи: воздухъ, люди,
Ленты, блонды, плечи, груди,
И достойныя вѣнца
Ножки съ тайнымъ ихъ обѣтомъ,
И страстями и корсетомъ
Изнуренныя сердца.

Бурей вальса утомленный
Кругъ, рѣдѣя постепенно,

Много блеска своего
Ужъ утратилъ. Средь разгара
Откружась, за парой пара
Отпадаетъ отъ него.
Это — вихремъ относимый
Прахъ съ алмазнаго кольца,
Пыль съ жемчужной діадимы,
Осыпь съ царскаго вѣнца; —
Это — искры звѣздъ падучихъ,
Что порой въ кругахъ летучихъ
Просѣкая небеса,
Брызжутъ въ области земныя; —
Это — блестки отсыпныя
Переливчато-цвѣтныя
Съ огневаго колеса.

Вотъ осталась только пара,
Лишь *она* и *онъ*. На ней
Бѣлый газъ — подобье пара;
Онъ — весь въ черномъ — тучъ чернѣй!
Геній тьмы и духъ эдема,
Мнится, рѣютъ въ облакахъ,
И Коперника система
Торжествуетъ въ ихъ глазахъ:
Очевидно міръ вертится,
Все вращается кругомъ

[redacted]

Все въ предѣлахъ естества —
Вѣчный вальсъ. — Смычки живѣе
Сыплютъ громъ; чета быстрѣе
Въ новомъ блескѣ торжества
Вьется рѣзвыми кругами,
И плотнѣй свились крылами
Два летучихъ существа.
Тщетно хочетъ чернокрылый
Удержать полетъ свой: силой
Непонятною влекомъ,
Какъ надъ бездной океана,
Онъ летитъ въ слояхъ тумана
Весь обхваченный огнемъ.
Въ сферѣ радужнаго свѣта
Сквозь хаосъ и огнь и дымъ
Онъ несется, какъ планета,
Съ яснымъ спутникомъ своимъ.
Тщетно бѣлый херувимъ
Ищетъ силы иль заклятій
Разломить кольцо объятій;
Грудь томится, рвется рѣчь,
Мрутъ безплодныя усилья,
Надъ огнемъ открытыхъ плечь
Вѣютъ блондовыя крылья,
Брызжетъ локоновъ рѣка,
Въ персяхъ мѣста нѣтъ дыханью,

Воспаленная рука
Крѣпко сжата адской длапью,
А другою — горячо
Ангелъ, въ ужасѣ паденья,
Держитъ демона круженья
За желѣзное плечо.

КАКЪ ХОРОША!

Передъ *нею* умиленьемъ
Свято теплилась душа,
И, проникнутъ упоеньемъ,
Я шепталъ съ благоговѣньемъ:
Боже мой! Какъ хороша!

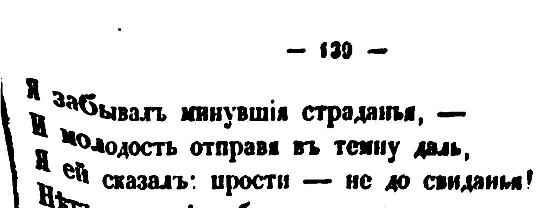
Но чрезъ мигъ, предъ милымъ ликомъ
Страстнымъ пламенемъ дыша,
Задрожавъ въ восторгѣ дикомъ,
Палъ я ницъ съ безумнымъ крикомъ:
Чортъ возьми! Какъ хороша!

И ТЩЕТНО ВСЕ.

Казалось мнѣ: довольно я томился.
Довольно мнѣ, сказалъ я, милыхъ пѣть!
Мой день любви на вѣки закатился —
И — Богъ съ нимъ! Пусть! Чего о немъ жалѣть?

Пришла пора степеннаго раздумья;
Довольно мнѣ струной любви бренчать
И титуломъ торжественнымъ безумья
Ребяческую глупость величать!

Завѣтныхъ ласкъ вовѣкъ неудостоенъ,
Я началъ жить безъ тайныхъ сердца смутъ,
Безстрастно-твердъ, безрадостно-спокоенъ....
Что счастье? — Вздоръ! — Безъ счастія живутъ.

Я забывалъ минувшія страданья, —
И молодость отправя въ темну даль,
Я ей сказалъ: прости — не до свиданья!
Нѣтъ, — мнѣ тебя, напрасная, не жаль.

Я оцѣнилъ и тишь уединенья,
Отрадный сонъ и благодатный трудъ,
И въ тайный часъ слезами вдохновенья
Я доливалъ мой жизненный сосудъ.

Безъ бурнаго, мучительнаго пылу
Я созерцалъ всѣ міра красоты,
И тихую высматривалъ могилу,
Вѣнокъ и крестъ.... И вдругъ явилась ты!

И долго я упорствовалъ безмолвно,
Предъ чувствами разсудка ставилъ грань,
И къ сердцу я взывалъ: ну, полно, полно!
Не стыдно-ли? — Уймись-же! Перестань!

И холодомъ притворнаго безстрастья
Я отвѣчалъ вниманью твоему;

И [illegible]
[illegible]
И тщетно все [illegible]
[illegible]

[redacted]

УЖИНЪ У КАРДИНАЛА РИШЕЛЬЕ.

мната въ гостинницѣ на дорогѣ изъ Парижа въ Рюэль, гдѣ одится загородный домъ Кардинала-Министра. Въ каминѣ веденъ огонь. Пожилой человѣкъ сидитъ у камина и просушиъ измокшую свою одежду. Это — Гоше, незначительный Паскій ремесленникъ изъ улицы Сен-Дени. Отъ времени до ремени видны проблески молніи и слышны раскаты грома.)

Гоше. (*одинъ*)

Какая буря! Чортъ возьми!
Досадно! Вотъ и остановка!
Вотъ такъ-то съ бѣдными людьми
Всегда бываетъ: все неловко,
Все не подъ стать, вездѣ бѣда.
Самъ Богъ немилостивъ къ нимъ — да!
Гдѣ нужно вёдро — шлетъ имъ бурю.
Знать не для бѣдныхъ созданъ свѣтъ!

(*молнія и громъ*)

Ишь — какъ блеститъ, гремитъ! — Да нѣтъ!
Ужь я глаза себѣ зажмурю
И уши наглухо заткну,
А до Рюэля донырну,
Хоть въ море обратись дорога!
Чай, мулъ мой отдохнулъ немного
Теперь въ конюшнѣ — свѣжихъ силъ
Себѣ подбавилъ. Въ самомъ дѣлѣ
Къ чему-жь заранѣ я унылъ?
Вѣдь къ сроку буду-жь я въ Рюэлѣ!

(*входитъ проѣзжій въ мокрой одеждѣ*)

НЕЗНАКОМЕЦЪ. (*не видя Гош*

Э! Время терпитъ. Отдохну
Въ гостинницѣ.

(*подойдя къ камину и увидя Гоше*)

Ахъ, извините!
Я думалъ: я одинъ здѣсь....

ГОШЕ.

Ну,
Такъ что-жь такое? — Стулъ берите,
И сядемъ вмѣстѣ у огня.
Вѣдь вы проѣзжій здѣсь, я — тоже.
Вы не помѣха для меня.
Притомъ, я тотчасъ ѣду....

[redacted]

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Боже!
Въ такую бурю?
(*въ сторону*)
Какъ онъ милъ
И простъ и вѣжливъ въ обращеньѣ!

Гоше.

Что-жъ дѣлать? Я-бы не спѣшилъ,
Когда-бъ не крайность. Приглашенье
Такое важное! Вовѣкъ
Не ожидалъ.... да вотъ — поди-же!
Да придвигайте стулъ поближе!

НЕЗНАКОМЕЦЪ (*въ сторону*)

Уже-ли знатный человѣкъ?
Въ немъ вовсе нѣтъ дворянской спѣси.
Я думалъ — онъ изъ нашей смѣси
Простонародной.

Гоше.

Я спѣшу
Въ Рюэль, — и васъ сказать прошу:
Куда вашъ путь?

Незнакомецъ.

Да я — туда-же —
Въ Рюэль. Притомъ скажу вамъ даже —
И я по крайности почти.

Гоше.

Такъ вотъ — намъ вмѣстѣ-бъ по пути!
Я — человѣкъ нецеремонный, —
И если вы такъ благосклонны....

Незнакомецъ (*въ сторону*)
Когда-бъ онъ зналъ, кто я!

(*въ слухъ*)

Весьма
Пріятно ваше предложенье;
Но — этой бури кутерьма
Меня пугаетъ. Приглашенье,
Сказали вы, торопитъ васъ.
Меня-жъ въ Рюэль влечетъ приказъ.
Я тороплюсь по тяжкой службѣ,
Которой силъ нѣтъ выносить.
А вы?... Могу-ли васъ спросить?...

Гоше.

Да какъ сказать-то вамъ? — По дружбѣ
Недавней, новой для меня.

[redacted]

Въ Рюэлѣ, съ нынѣшняго дня,
Какимъ-то случаемъ, мнѣ тёмнымъ,
Попасть я долженъ въ знатный кругъ.

Незнакомецъ.

Позвольте.... Быть боюсь нескромнымъ
Черезъ такой вопросъ.... Вашъ другъ....
Онъ кто такой?

Гоше.

Не бойтесь! — Тайны
Тутъ нѣту. Это такъ — случайно
Все вышло. Переходъ мой быстръ.

Незнакомецъ.

Такъ кто-же?...

Гоше.

Кардиналъ-Министръ,
Самъ Ришелье. Да.

Незнакомецъ (*встаетъ*)

Извините!
А я такъ *запросто*....

Гош е.

Сидите!
Все вздоръ! Не лѣзть-же мнѣ въ Князья
Иль Графы! — Выслушайте: я
Мѣщанъ лишь знаю — нашу братью,
И не якшался вѣкъ со знатью.
Куда мнѣ? — Боже упаси!
У Герцоговъ Монморанси
Служили, правда, поварами
Отецъ и дѣдъ мой: вотъ вся связь
Моя со знатными домами —
И та злой казнью прервалась
Надъ Герцогомъ. — Я просто — скудный
Ремесленникъ Парижскій. Тутъ,
Я говорю вамъ, случай чудный —
И только. Вдругъ мнѣ подаютъ
Записку. Развернулъ: зовутъ
Меня.... не знаю — видно нуженъ
Я Кардиналу сталъ.... на ужинъ
Къ нему сегодня. Боже мой!
Все закружилось въ околодкѣ;
Кричатъ, разинулись всѣ глотки:
«Смотрите! Экой вѣдь какой
Гоше — счастливецъ-то на свѣтѣ!»
Я одурѣлъ. Жена и дѣти
Засуетились, и сейчасъ

Давай мнѣ туалетъ мой ладить,
Скоблить и чистить, мыть и гладить;
Все приготовили какъ разъ.
Гляжу: ну просто — чародѣйство!
Вы понимаете? У васъ,
Быть можетъ, также есть семейство,
Которое васъ любитъ, ждетъ....

Незнакомецъ.

Жена и дѣти есть.

Гоше.

Ну вотъ —
Какъ насъ судьба во всемъ сближаетъ!
Такъ ваше сердце понимаетъ,
Что чувствуетъ теперь мое!
Да, — быть кому Господь назначилъ
Отцемъ.... Позвольте — какъ я началъ
Разсказъ-то? — Да! Мой фракъ, бѣльё —
Все приготовлено, и стёкла
Очковъ протерты — ну взглянуть,
Такъ любо! — Снарядился въ путь —
И вотъ — извольте! — все промокло
Насквозь. Чай, бѣдная жена
И дочери теперь въ тревогѣ.
Но я не стану *на дорогѣ* —

Нѣтъ, я до цѣли доберусь,
Хоть мокрой курицей явлюсь
На приглашенье Кардинала
Съ нимъ ужинать. Такая честь,
Вы согласитесь, вѣдь не мало
И пользы можетъ мнѣ принесть
Существенной: мои дѣлишки
Поправятся, теперь нужда
И недостатки, — а тогда,
Надѣюсь, будутъ и излишки.
Тогда и ближнимъ услужу,
Жену, дѣтей принаряжу; —
Гордиться — право, я не буду,
И васъ, повѣрьте, не забуду
При случаѣ.

(*подаетъ незнакомцу руку*)

Коль у Двора
Упрочу я себѣ мѣстечко —
Въ виду имѣйте человѣчка!
Однако мнѣ пора, пора!
Прощайте! Продолжать бесѣду
Мнѣ больше некогда. Я ѣду.

(*Гоше надѣваетъ на себя верхнюю одежду, беретъ шляпу, встряхивается и оправляется, а между тѣмъ незнакомецъ разсуждаетъ самъ съ собою*)

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Мнѣ жаль его. Какой добрякъ!
За что погибнетъ онъ? — Конечно —
За вздоръ! И какъ безчеловѣчно
Смѣются! — Ужинать бѣднякъ
Готовится и ожидаетъ
Великихъ милостей; семья
Его съ восторгомъ провожаетъ
Въ дорогу.... Боже мой! И я
Быть долженъ гибельнымъ орудьемъ
Подобныхъ дѣлъ! И правосудьемъ
Зовутъ ихъ! — Нѣтъ, — не потерплю!
Нѣтъ! Я его остановлю.

(*громко, къ уходящему Гоше*)

Послушайте! эй, воротитесь!

ГОШЕ (*остановясь въ дверяхъ*

Но.... я спѣшу.

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Не торопитесь!
Два слова выслушайте!

ГОШЕ (*возвращаясь*)

Я
Васъ слушаю.

Незнакомецъ.

Душа моя
Полна невольнымъ къ вамъ участьемъ.
Не думайте, что васъ за счастьемъ
Зовутъ въ Рюэль! На ужинъ тамъ
Людскою кровью хлѣбы мѣсятъ.
Туда опасно ѣхать вамъ.

Гоше.

Что-жъ мнѣ тамъ будетъ?

Незнакомецъ.

Васъ — повѣсятъ.

Гоше.

О, это слишкомъ ужь.... За что?

Незнакомецъ.

Да такъ. Быть можетъ и за то,
Что вы Монморанси жалѣли
Казненнаго.

Гоше.

О, слова нѣтъ!
Жалѣлъ. Вѣдь мой отецъ и дѣдъ
При кухнѣ Герцоговъ имѣли

Мѣста и должность, и всегда
Превозносили ихъ. О, да!
Какъ не жалѣть? Притомъ казнённый
Такой былъ добрый, благосклонный
Къ намъ-бѣднякамъ.

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Быть можетъ, въ слухъ
Вы сожалѣли, хоть невольно!

Гоше.

Да, помнится, — но лишь при двухъ
Иль трехъ пріятеляхъ.

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Довольно —
И даже слишкомъ.

Гоше.

Не уже-ль
Изъ этаго весь случай вышелъ?
Я говорилъ тайкомъ.

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Онъ слышалъ.

Гош е.

Издалека....

Незнакомецъ.

Дошло въ Рюэль.

Гош е.

Помилуйте! Вѣдь каждый дышитъ,
Вздыхаетъ....

Незнакомецъ.

Кардиналъ все слышитъ.

Гош е.

Да развѣ страшенъ я ему?
Что мой ему ничтожный говоръ?
Я говорилъ лишь потому,
Что мой отецъ — любимый поваръ
Былъ Герцога. Поплакалъ я,
Ручей изъ глазъ невольно вытекъ.
А то мнѣ что? — Я не политикъ
И дѣлъ ихъ хитрыхъ не судья.
Что мнѣ политика? Да рухни
Она совсѣмъ!

Незнакомецъ.

А иногда

[redacted]

У Кардинала не чужда
Она ни поваровъ, ни кухни.
Онъ зорко смотритъ и туда,
И тамъ все чуетъ, слышитъ, видитъ.
Вы плакали: онъ ненавидитъ
И смѣхъ, и слезы. Ни того,
Ни этаго, и ничего —
Не нужно.

Гоше.

Знаете его,
Какъ видно, вы весьма подробно.

Незнакомецъ.

Да. Мнѣ разсматривать удобно
Его съ изрядной высоты
При зрѣлищахъ его любимыхъ.
Его трудовъ неутомимыхъ
Я вникнулъ въ красныя черты.

Гоше.

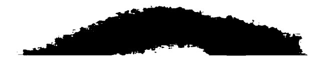
Но кто-жь вы? Мнѣ понять васъ трудно.
Все это странно мнѣ и чудно.
Я столько вижу тутъ задачъ
Мудреныхъ. Боже мой! — Откройтесь!
Скажите: кто вы?

Незнакомецъ.

Я — палачъ.

(*Гоше въ ужасѣ отступаетъ*)

Нѣтъ, это ничего, не бойтесь.
За откровенность вашу я
Вамъ заплачу теперь своею.
Дѣйствительно, судьба меня
Сближаетъ съ вами. Я имѣю,
Какъ вы, призваніе въ Рюэль.
Въ одну и туже мѣтя цѣль,
Отъ общей бури мы укрылись
Въ одной гостинницѣ, — и вотъ —
Мы здѣсь сошлись, разговорились,
И — сердце сердцу вѣсть даетъ.
Скажу, откинувъ лицемѣрье,
Мнѣ кажется, я вамъ довѣрье
Къ себѣ внушилъ, и вы мнѣ то-жъ.
При первомъ взглядѣ узнаешь
Инаго, и готовъ до гроба
Ему служить. Семейны оба
Мы съ вами, счастливы въ семьяхъ,
И въ небольшихъ живемъ кругахъ —
Въ простонародьи, — но со знатью
Подъ-часъ знакомятъ нашу братью.
Вотъ вы на ужинъ собрались
Блестящій, гдѣ межъ господами

[redacted]

Слѣдъ предполагали сами;
Но — вы мечтою увлеклись,
И были-бъ жертвой вѣроломства;
Мои-жъ со знатными знакомства
Извѣстны всѣмъ. Кровавый путь
Назначенъ мнѣ судьбой моею;
Предъ ними всѣ сгибаютъ шею —
Я-жъ долженъ самъ имъ шеи гнуть
Моими рабскими руками.
Мы оба съ челядью въ смѣси:
Отецъ и дѣдъ нашъ поварами
У Герцоговъ Монморанси
Служили; самъ я былъ въ работѣ
При Герцогѣ, на эшафотѣ
Ему служа въ послѣдній разъ.
Теперь въ Рюэль — вы все сравните —
Вы быть повѣшеннымъ спѣшите;
Туда-жъ я призванъ вѣшать васъ.
Но — нѣтъ! Я лучше самъ въ удавку
Пойду! Ужь я давно хотѣлъ
Проситься въ чистую отставку
Отъ множества нечистыхъ дѣлъ.
Злодѣевъ истинныхъ не мало:
Пусть ихъ-бы!... Обществу служить
Вѣдь надо-жъ чѣмъ нибудь — и жить
Съ семействомъ; но у Кардинала

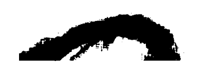
Такія прихоти порой,
Что я не въ силахъ.... Онъ игрой
Считаетъ это!... Поѣзжайте
Скорѣй въ Парижъ — въ обратный путь,
А тамъ и дальше какъ нибудь,
И никому не открывайте,
Что здѣсь вы видѣлись со мной,
Ни даже искреннему другу, —
Иль я погибну за услугу.
Кадошъ-палачь.

Гошъ.

(*съ чувствомъ пожимая ему руку*)

Спаситель мой!

(*поспѣшно удаляется*)

[redacted]

ДВА КЛАДА.

Старый Янъ имѣлъ два клада
Недоступныхъ никому,
И одна была отрада
Въ нихъ на старости ему.

Первый кладъ, что рыцарь въ латахъ,
Былъ — окованный сундукъ,
Гдѣ чистѣйшее въ дукатахъ
Береглось отъ хищныхъ рукъ.

Кладъ второй была младая
Свѣтлоликая жена,
Чистотою — ангелъ рая,
Обольщеньемъ — сатана.

Два Голкондскіе алмаза —
Глазки, глазки — у! — бѣда!
Грудь — фарфоровая ваза;
Зубы — перлы въ два ряда.

И цѣня такія блага,
И не вѣдая утратъ,
Посвятилъ имъ старый скряга
Хилыхъ дней своихъ закатъ.

Заберется-ль въ кладовую —
Онъ цѣлуетъ всѣ мѣста,
Пыль глотаетъ золотую,
Золотитъ свои уста.

Все сочтетъ, — сундукъ завѣтный
Закрѣпитъ тройнымъ замкомъ,
Подрожитъ — и, незамѣтный,
Ускользаетъ вонъ тайкомъ.

Послѣ старческія ласки
Онъ женѣ своей даритъ,
Подойдетъ, ей взглянетъ въ глазки
И угрюмо погрозитъ.

То, какъ цѣнный самородокъ,
Кудри взвѣситъ на рукѣ,
То возьметъ за подбородокъ
Иль погладитъ по щекѣ.

Кладъ и этотъ цѣлъ — онъ видитъ,
И старикъ безмѣрно радъ,
Подрожитъ, и скорчась выдетъ,
Но замкнетъ и этотъ кладъ.

Между тѣмъ проходятъ годы,
Онъ дряхлѣетъ каждый мигъ,
И могильный зовъ природы
Слышитъ трепетный старикъ.

Жалко старому два клада
Бросить въ мірѣ, — пріунылъ.
Первый кладъ онъ въ уголъ сада
Ночью снесъ и тамъ зарылъ.

Не ходи въ людскую руку!
Спи тутъ! Дѣло рѣшено....
Но — куда другую штуку
Скроешь? — Вотъ что мудрено.

Какъ бы женку-то припрятать?
Какъ бы эту запереть
И замкнуть и запечатать,
А потомъ ужъ умереть?

Вотъ давай ее онъ кликать:
«Душка! Эй, поди сюда!
Жаль мнѣ — будешь горе мыкать;
Я умру — тебѣ бѣда!

Попадешь въ чужіе люди:
Вѣдь тебя не сберегутъ;
Пухъ твоей лебяжьей груди
Изомнутъ и изорвутъ.

Ты слыхала-ль отъ сосѣдокъ?
Вѣдь другіе-то мужья
Женъ своихъ и такъ, и здакъ...
Ужъ совсѣмъ не то, что я!

Ты была мнѣ что невѣста
Отъ вѣнца до этихъ поръ:
И тебѣ и честь, и мѣсто,
Да и двери на запоръ.

А умру: подобной чести
Не дождешься никогда.
Знаешь что? — Умремъ-ка вмѣстѣ!
Смерть вѣдь, право, не бѣда.

Согласись, мой розанъ алый!
Средство мной ужь найдено.» —
Та въ отвѣтъ ему: пожалуй!
Хоть умремъ — мнѣ все равно. —

«Ну, такъ — завтра. Ты покайся
Прежде мнѣ, открой себя:
Вѣдь сосѣдъ-то нашъ, признайся,
Подговаривалъ тебя?» —

Что таить, коль дѣло къ смерти?
Я не отопрусь никакъ. —
«Ишь сосѣди! Эки черти!
Я ужь зналъ, что это такъ.

Онъ хотѣлъ тебя, какъ видно,
Увезти: скажи, мой свѣтъ!» —
Да: но мнѣ казалось стыдно....
У него-жь деньжонокъ нѣтъ;

Самъ раздумаетъ, бывало,
Да и скажетъ: подождемъ!
Вѣдь у скряги-то немало
Кой-чего — мы все возьмемъ.

«Ахъ, бездѣльникъ голопёрый!
Ишь — такъ вотъ онъ до чего!
Человѣкъ-то старъ и хворый,
А не то — ужь я-бъ его!» —

Успокойся-же, папаша! —
Яну молвила жена.
Вспомни: завтра участь наша
Будетъ смертью рѣшена.

Ты и самъ, быть можетъ, грѣшенъ.
Какъ меня ты запиралъ
И замокъ тутъ былъ привѣшенъ —
Ты куда ходилъ? — «Въ подвалъ.» —

Можетъ, душенька какая
Тамъ была.... признайся, хрычъ!
Тяжкій грѣхъ такой скрывая,
Адской муки не накличь!

Вѣдь изъ аду ужь не выдешь!
Что-жь тамъ было? — «Ну.... дитя»....
Незаконное! — вотъ видишь!
Говори-ка не шутя!

Грѣшникъ! Богъ тебя накажетъ. —
«Что̀ ты, дурочка? — Мой сынъ
Мной не прижитъ былъ, а нажитъ —
Не отъ эдакихъ причинъ.»

Призадумалась въ кручинѣ
Женка Яна; а супругъ
Продолжалъ ей рѣчь о сынѣ,
Разумѣя свой сундукъ.

«Мой сынокъ въ пыли валялся,
Былъ въ оковахъ, мерзъ зимой;
Часомъ звонко отзывался,
Желтоглазый былъ такой;

Не гульбу имѣлъ въ предметѣ,
На подъемъ не лёгокъ былъ, —
И — ужь нѣтъ его на свѣтѣ:
Я его похоронилъ.

Тутъ порывъ невольный взгляда
При улыбкѣ старика
Обратился въ уголъ сада
На могилу сундука. —

Что туда ты смотришь зорко?
Подхватила вдругъ жена.
Тамъ — въ углу какъ будто горка;
Не могилка-ль тамъ видна?

Не сынокъ-ли твой положенъ
Тамъ, куда ты такъ взглянулъ? —
Янъ замялся — и встревоженъ,
Помолчавъ, рукой махнулъ.

«Все земля возьметъ. — И сами
Мы съ нею въ нее пойдемъ.
Послѣ всѣ пойдутъ за нами:
Тѣ всѣ порознь, мы — вдвоемъ.

Завтра кончимъ!» — Но настало
Божье утро, Янъ глядитъ:
Женки словно не бывало,
Уголъ сада весь разрытъ.

[redacted]

Что-то хуже смерти хлада
Онъ почуялъ и дрожитъ.
Вдругъ пропали оба клада.
На столѣ письмо лежитъ.

Ужасъ кровь ему морозитъ....
То рука жены его:
«Твой сосѣдъ меня увозитъ
Съ прахомъ сына твоего.»

КОКЕТКА.

Съ какой смиренною искусной
Она, вздыхая тяжело,
Какъ-бы въ задумчивости грустной,
Склоняла томное чело,
И прислонясь къ рукѣ уныло
Головкой хитрою своей,
Прозрачны персты пропустила
Сквозь волны дремлющихъ кудрей,
Храня средь бальнаго сіянья
Видъ соблазнительный страданья!...
Но вихремъ вдругъ увлечена,
Стрѣляя молніями взгляда,
Съ нѣжнымъ отчаяньемъ она
Летитъ въ Харибду галопада,

[redacted]

Змѣею гнется въ пол-кольца,
Блеститъ, скользитъ, мелькаетъ, вьется
И звонко, бѣшено смѣется,
Глотая взорами сердца, —
И вьются въ ловкомъ безпорядкѣ
И шепчутъ шорохомъ надеждъ
Глубокомысленныя складки
Ея взволнованныхъ одеждъ.

За что-жь прелестницу злословью
Ты предаешь, о злобный свѣтъ?
Добытъ трудомъ и купленъ кровью
Вѣнокъ нелегкихъ ей побѣдъ.
Въ сей жизни горестной и скудной
Она свершаетъ подвигъ трудной:
Здѣсь блѣдность ей нужна была —
И вотъ — она себя терзала,
Лишалась пищи, сна не знала
И оцетъ съ жадностью пила.
Тамъ — въ силу новаго условья.
Цвѣтъ яркой жизни и здоровья
Ей былъ потребенъ, — между тѣмъ
Она поблекла ужь совсѣмъ:
Тогда, съ заботой безкорыстной
За трудъ хватаясь живописный,
Она всѣ розы прошлыхъ лѣтъ

На бѣдный образъ свой бросала,
И на самой себѣ писала
Возлюбленный свой портретъ, —
И херувима новой вѣры.
Потомъ являлась вдругъ свѣжей,
Съ умѣньемъ ловкимъ скрывъ ущербы
Убогой палитры своей. —
Ей нѣтъ наградъ въ святыхъ чувствахъ:
Ей предназначено въ удѣлъ —
Жить не для счастья — для искусства
И для художественныхъ дѣлъ;
Влюбленныхъ душъ восторгъ и муку
Прилежно разлагать въ науку;
Какъ книгу, — зеркало читать,
Въ немъ терпѣливо изучать
Природы каждую ошибку,
Къ устамъ примѣривать улыбку,
И ясно видѣть надъ собой
Грабежъ годовъ, временъ разбой.

Что-жъ? — Погруженный въ созерцанье
Своихъ безжизненныхъ суетъ,
Ты понялъ-ли, холодный свѣтъ,
Кокетки тяжкое призванье
И оцѣнилъ-ли ты его,
Когда — страдалица — порою

Играла мерзлою корою
Пустаго сердца твоего,
И этотъ ледъ насквозь пронзала,
Его дробила, какъ гроза,
И эти дребезги бросала
Тебѣ-жь въ нечистые глаза?
И ты-ль дашь мѣсто укоризнѣ,
Что колдовствомъ коварныхъ силъ
Она хоть тѣнь, хоть призракъ жизни
Старалась вызвать изъ могилъ
Хоть чѣмъ нибудь—соблазномъ, ложью,
Поддѣльной въ этихъ персяхъ дрожью,
Притворнымъ пламенемъ въ крови,
Притравой жгучей сладострастья,
Личиной муки, маской счастья,
Каррикатурою любви?

ОНА БЫЛА ДОБРА.

Она была добра. Она казалась, [illegible] [illegible],
И вкралась въ глубину больной души моей
А всё-жъ была добра [illegible] [illegible] [illegible].
И я [illegible] любилъ и благодаренъ ей.
Мою задумчивость она переносила.
Мое присутствие терпѣла: даже грусть.
Грусть тайную мою, глуб—

тѣлъ — и между тѣмъ, какъ съ моего пера
чился жаркій стихъ, излитый въ мукѣ сладкой,
а, лукавая, смѣялась.... но украдкой; —
такъ — не правда-ли? — она была добра?

ОБВИНЕНІЕ.

И твой мнѣ милый ликъ запечатленъ виной.
Неотразимое готово обвиненье.
Да, — ты виновна предо мной
Въ невольномъ, страшномъ похищеньи.
Однимъ сокровищемъ я въ мірѣ обладалъ,
Гордился имъ, надъ нимъ рыдалъ,
Его таилъ отъ взоровъ свѣта
Въ непроницаемой глуши,
Таилъ — подъ рубищемъ поэта
На днѣ измученной души.
Ты унесла его лукаво;
На лоно счастія мнѣ голову склоня,
Ты отняла на вѣки у меня
Мое великое, единственное право:

[redacted]

Но право — нѣкогда, кончая жизни путь,
Съ усмѣшкой горькою на прошлое взглянуть,
На все, что рокъ мнѣ въ мірѣ заповѣдалъ,
На все, что зналъ и проклялъ я,
И съ торжествомъ сказать друзьямъ моимъ: друзья!
Вотъ жизнь моя! Я счастія не вѣдалъ.
Теперь — застѣнчиво я буду умирать.
Начавъ минувшаго черты перебирать,
Блаженства образъ я увижу
Среди моихъ предсмертныхъ грезъ
И мой послѣдній часъ унижу
До сожалѣнья и до слезъ, —
И въ совѣсти упрекъ родится безпокойный:
Зачѣмъ я, счастья недостойный,
Сосудъ его къ устамъ горящимъ приближалъ?
Зачѣмъ не умеръ я, въ тоскѣ перегарая?
Зачѣмъ у неба похищалъ
Частицы божескаго рая?
И боязливо я взгляну на небеса,
И остывающей рукою
Съ послѣднимъ трепетомъ прикрою
Слезами полные глаза.

ЮНОЙ МЕЧТАТЕЛЬНИЦѢ.

Милое созданіе! Мечтая,
Вѣруешь ты въ счастье. Каждый шагъ
Для тебя — надежда золотая.
Думаешь: вотъ это будетъ такъ,
Это — здѣсь; думаешь: природа
Заодно съ тобою [illegible]: жданья,
Что чаешь, гдѣ чудно, обманетъ [illegible].
День [illegible], если [illegible] [illegible];
Ну, куда [illegible] [illegible]? [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]! А ужъ [illegible] и [illegible],
И [illegible] [illegible] [illegible].
[illegible] [illegible], что въ себѣ [illegible];
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible].
[illegible] и [illegible] [illegible] [illegible].
И [illegible] [illegible] [illegible] я — [illegible] [illegible]

Я–бы медлилъ какъ тебѣ угодно,
Или шелъ скорѣй ужь заодно,
Для меня–же это все равно:
И спѣшу и медлю я безплодно.
Не свожу я глазъ съ очей твоихъ,
Слушая твоихъ мечтаній сказки;
Кажется, съ устами вмѣстѣ, глазки
Мнѣ твои разсказываютъ ихъ;
Кажется, я слушаю глазами,
Понимая этотъ милый бредъ
Не умомъ, но сердцемъ прошлыхъ лѣтъ,
И подъ–часъ расхлынулся–бъ слезами.
Но — довольно! Ихъ давно ужь нѣтъ.
Понимаю этотъ лепетъ странный:
Онъ проникнутъ нѣгой и огнемъ;
Понимаю — рѣчь идетъ о *немъ*....
Имени не нужно.... без–имянный!
Онъ — да, *онъ*.... кого, твой ищетъ взоръ
Тамъ и здѣсь. Всѣ свойства неземныя
Ты ему приписываешь.... Вздоръ!
Все пустое! — За мечты златыя,
Можетъ быть, заплатишь ты потомъ
Горькою существенностью.... «Что–же?
Не открыть–ли истину ей?» — Боже!
Нѣтъ! Мнѣ жаль. Пускай хоть райскимъ сномъ
Насладится! — Нѣтъ! — И между прочимъ

Думаю: храни ее, Творецъ!
Что-же я такое? — Не отецъ
Для нея, — однако-жь и не вотчимъ,
И не бичъ. — Въ развитьи этихъ лѣтъ
Надъ кипучимъ жизненнымъ истокомъ
Ощипать очарованья цвѣтъ
Ледянымъ, убійственнымъ урокомъ!
И урокъ подѣйствуетъ-ли? Нѣтъ!
Онъ ее напрасно лишь помучитъ.
Осени повѣритъ-ли весна?
Мнѣ-ль учить? — Есть мачиха: она
Жизнію зовется — та научитъ; —
И кивая головой тогда,
Я разсказъ мечтательницы милой
Слушаю, и шопотомъ: да, да —
Говорю, — а та съ растущей силой
Продолжаетъ — дальше, дальше всё....
Слышится, какъ сердце у неё
Разбиваетъ юныхъ персей крѣпость,
И изъ устъ разказчицы блажной
Чудная, прекрасная нелѣпость
Неудержной катится волной.

КЪ БЫВШИМЪ СО-УЧЕНИКАМЪ.

(*по случаю пріѣзда стараго наставника.*)

Есть край, гдѣ природа свой ликъ величавый
Вѣнчаетъ суровымъ, сосновымъ вѣнцомъ,
И снѣгомъ напудривъ столѣтнія дубравы,
Льдомъ землю скрѣпляетъ, а небо свинцомъ; —
Есть край, гдѣ касаясь твореній начала,
Разсѣвшійся камень, прохваченный мхомъ,
Торчитъ надъ разинутой пастью провала
Оскаленнымъ зубомъ иль голымъ ребромъ, —
Гдѣ въ скудной оправѣ, во впадинѣ тёмной,
Средь камней сѣдыхъ и нахмуренныхъ горъ,
Сверкаетъ нашъ яхонтъ прозрачный, огромный —
Одно изъ великихъ, родимыхъ озёръ,
Гдѣ лирой Державинъ бряцалъ златострунной,
Гдѣ воетъ Кивача «алмазна гора»,

Гдѣ вызваны громы работы чугунной,
Какъ молотомъ Божьимъ, десницей Петра,
Гдѣ слѣдъ свой онъ врѣзалъ межъ дубомъ и сосной,
Когда онъ Россію плотилъ и ковалъ —
Державный нашъ плотникъ, кузнецъ вѣнценосный,
Что въ дѣлѣ творенья Творцу помогалъ.
Въ краю томъ, по волѣ святой Провидѣнья,
Намъ было блаженное дѣтство дано,
И въ душу намъ пало зерно просвѣщенья
И правды сердечной живое зерно.

Съ тѣхъ поръ не однажды весна распахнулась
И снова зима пролегла на Руси;
Не разъ вокругъ солнца земля повернулась, —
А сколько вращалась кругомъ на оси! —
И много мы съ ней и на ней перемчались
Въ сугубомъ движеньи — по жизни — впередъ:
Иные ужъ съ пылкими днями разстались,
И къ осени дѣло, и жатва идетъ.
Представимъ-же колосъ отъ нивы янтарной,
Который дороже весеннихъ цвѣтовъ!
Признательность, други, души благодарной —
Одинъ изъ прекрасныхъ, чистѣйшихъ плодовъ
Предъ нами единый изъ сѣявшихъ сѣмя;
На мигъ предъ своими потомцами онъ:
Созрѣвшія дѣти! Захватимъ же время
Воздать ему вкупѣ усердный поклонъ,

[redacted]

вмѣстѣ съ глубокимъ привѣтомъ разсудка
[у нашъ сердечный привѣтъ принести
ь златую минуту сего промежутка
жъ радостнымъ «здравствуй» и тихимъ «прости

родинѣ нашей поклонъ и почтенье,
[ѣ нынѣ, по стройному ходу годовъ,
нами другое встаетъ поколѣнье
свѣжая спѣетъ семья земляковъ!
здравствуетъ сѣвера уголъ суровой,
ока въ немъ Онѣжскія волны шумятъ,
отомками вторится имя Петрово
дивно воспѣтый реветъ водопадъ.

НЕТАЙНОЕ ПРИЗНАНІЕ.

Давно сроднивъ съ судьбой моей печальной
Поэзіи заносчивую блажь,
Всегда былъ радъ свой стихъ многострадальный
Вамъ посвящать усердный чтитель вашъ.

И признаюсь: я былъ небезкорыстенъ; —
Тутъ былъ разсчетъ: я этимъ украшалъ
Непышный складъ мной выраженныхъ истинъ,
И, славя васъ, себя я возвышалъ.

Что та, кого я славилъ, не уронитъ
Моей мечты — я въ томъ былъ убѣжденъ,
И какъ поэтъ — всегда былъ вами понятъ,
И тѣмъ всегда съ избыткомъ награжденъ.

[redacted]

Да! И на ту, кому самолюбиво
Часть лучшихъ думъ моихъ посвящена,
Всегда могу я указать нелживо
И съ гордостью воскликнуть: вотъ она!

Достоинство умѣлъ я безъ ошибки
Въ васъ оцѣнить, — къ тому-жь — сказать-ли? — да!
Умѣлъ цѣнить и прелесть той улыбки,
Что съ вашихъ устъ слетала иногда.

И голосу сознанія послушенъ
Я чту въ себѣ санъ вашего пѣвца.
Скажу при всѣхъ: я къ вамъ неравнодушенъ
И былъ, и есмь, и буду до конца.

Нельщу себѣ: могу-ль я тутъ невидѣть,
Что я стою со всѣми наравнѣ?
Васъ любятъ всѣ. Холодностью обидѣть
Васъ можно-ли?... Но нѣтъ.... хотѣлось мнѣ

Не то сказать.... Съ вниманьемъ постояннымъ
Вамъ преданный и нынѣ, такъ какъ встарь,
Проникнутъ я къ вамъ чувствомъ без-имяннымъ,
И потому невставленнымъ въ словарь.

О немъ смолчать я могъ-бы.... Но къ чему-же
То чувство мнѣ, какъ плодъ запретный крыть,
Когда при всѣхъ, и при ревнивомъ мужѣ,
О немъ могу я смѣло говорить?

Оно не такъ безсмысленно, какъ служба
Поклонниковъ, ласкателей, рабовъ;
Оно не такъ безтрепетно, какъ дружба;
Оно не такъ опасно, какъ любовь.

Оно милѣй и братскаго сближенья
И узъ родства, заложенныхъ въ крови;
Оно теплѣй, нѣжнѣе уваженья
И — можетъ быть — возвышеннѣй любви.

[redacted]

ТОСКА.

Порою внезапно темнѣетъ душа, —
Тоска! — А Богъ знаетъ — откуда?
Осмотришь кругомъ свою жизнь: — хороша;
А къ сердцу воротишься: худо!

Все хочется плакать. Слезами средь бѣдъ
Мы сердце недужное лѣчимъ.
Горючія, гдѣ вы? — Горючихъ ужь нѣтъ!
И радъ-бы поплакать, да не-чѣмъ.

Уже-ли пророческій сердца языкъ
Сулитъ мнѣ ударъ иль потерю?
Нѣтъ, я отъ мечты суевѣрной отвыкъ,
Предчувствіямъ темнымъ не вѣрю.

Нѣтъ! — Это — не будущихъ бѣдствій залогъ,
Не скорби грядущей задатокъ,
Не тайный на новое горе намёкъ,
А старой печали остатокъ.

Причина ея позабыта давно:
Она лишь сама сохранилась,
Въ груди опустѣлой упала на дно,
И тамъ залегла, притаилась, —

Уснула, — и тихо въ потемкахъ лежитъ;
Никто ея, скрытой, не видитъ;
А отдыхомъ силы она освѣжитъ,
Проснется — и выглянетъ, выдетъ —

И душу обниметъ. — Той мрачной поры
Пошелъ-бы разсѣять ненастье,
Съ людьми подѣлился-бъ.... Они такъ добры;
У нихъ наготовѣ участье.

Ихъ много — и слишкомъ — къ утѣхѣ моей.
Творецъ мой! Кому неизвѣстно,
Что міръ твой такъ полонъ прекрасныхъ людей,
Что прочимъ становится тѣсно?

[redacted]

Да думаю: нѣтъ! Пусть-же сердце мое
Хоть эта подруга голубитъ!
Она не мила мнѣ; но гнать-ли ее
Тогда какъ она меня любитъ?

Ея ласка жестка, ея чаша горька,
Но есть въ ней и тайная сладость;
Ея схватка крѣпка и рука не легка:
Что-жь дѣлать? Она вѣдь — не радость!

Останусь одинъ. Пусть никто изъ друзей
Ее не осудитъ, не видитъ,
И пусть ни единый изъ добрыхъ людей
Насмѣшкой ее не обидитъ!

[illegible]

[illegible]:

[illegible] — [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible].
[illegible].
[illegible]

Скрещены на персяхъ руки;
Въ персяхъ сдержанъ тихій вздохъ;
Робкій слухъ пріемлетъ звуки:
«Дѣва! Сынъ твой будетъ Богъ!»

Этотъ юноша крылатый —
Искупленія глашатай,
Ангелъ, вѣстникъ торжества,
Вѣстникъ тайны воплощенья,
А предъ нимъ — полна смиренья —
Дѣва — матерь Божества!

БЕЗУМНАЯ.

(*послѣ пѣнія Віардо–Гарсіи.*)

Ты сердца моего и слезъ и крови просишь,
Пѣвица дивная! — О пощади, молю.
Грудь разрывается, когда ты произносишь:
«Я все еще его, безумная, люблю.»

«Я все еще» — едва лишь три ты эти слова
Взяла и вылила ихъ на душу мою —
Я все предугадалъ: душа моя готова
Уже заранѣе къ послѣднему: «люблю».

Еще не сказано: «люблю», — а ужь стократно
Перегорѣлъ вопросъ въ груди моей: кого?
И ты отвѣтствуешь: «его». Тутъ все понятно;
Не нужно имени — о да, его, его!

[redacted]

: еще его».... Кружится умъ раздумьемъ....
:я мысли.... Я жду слова — и ловлю:
іная» — да, да! — И я твоимъ безумьемъ
.енъ, потрясенъ.... И наконецъ — «люблю».

ю».—Съ тобой весь міръ, природа, область Бога
ь въ глубокое, безумное «люблю».
гори «люблю»!... Нѣтъ, дай дохнуть немного!
не хочу дышать — лишь повтори, молю.

ь «я все еще» — вновь началъ райскій голосъ.
ь опять — «его» — я вздохъ въ груди давлю....
іная» — дрожу.... мнѣ страшно.... дыбомъ во-
лосъ....
ю» — хоть умереть отъ этого «люблю».

КЪ ПОЭТУ.

Поэтъ! Не ввѣряйся сердечнымъ тревогамъ!
Не думай, что подвигъ твой — вздохи любви!
Ты призванъ на землю всевидящимъ Богомъ,
Чтобъ пѣть и молиться, и пѣсни свои
Сливать съ безконечной гармоніей міра,
И ржавыя въ прахѣ сердца потрясать,
И маску срывая съ земнаго кумира,
Вѣнчать добродѣтель, порокъ ужасать.

За истину бейся, страдай, подвизайся!
На торжищѣ міра будь мраченъ и дикъ,
И ежели хочешь быть чистъ и великъ —
До грязнаго счастья земли не касайся,
И если оно тебѣ просится въ грудь —
Найди въ себѣ силу его оттолкнуть!

Пой женъ свѣтлоокихъ и дѣвъ лѣпокудрыхъ,
Но помни, что призракъ — земли красота!
Люби ихъ, но слушай учителей мудрыхъ:
Верховное благо — любовь, да не та.

Когда-же ты женщину выше поставилъ
Великой, безмѣрной небесъ высоты,
И славой, Творцу подобающей, славилъ
Земное творенье — накажешься ты,
Накажешься тяжко святымъ правосудьемъ
Чрезъ женщину-жь.... Стой! Не ропщи на нее:
Ея назначенье — быть только орудьемъ
Сей казни, воздать за безумье твое.
Смирись-же! Творецъ тебѣ милость даруетъ
И въ казни: блестя милосердья лучемъ,
Десница Господня тебя наказуетъ
Тобою-же избраннымъ, свѣтлымъ бичемъ.

— 102 —

БОГАЧЪ.

Все и никнетъ и трепещетъ
Передъ нимъ. [illegible] онъ.
Посмотрите, какъ онъ [illegible] —
Сей [illegible]! —
[illegible]
Господинъ [illegible]
Люди [illegible] въ [illegible].
[illegible]
Вы не думайте, что люди
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Люди знаютъ, что богатый
[illegible]

И не чаютъ щедрой платы —
Имъ извѣстно: онъ не дастъ.
Нѣтъ; — усердно и охотно,
Безкорыстно, безрасчётно,
Злату рабствующій міръ
Чтитъ великій свой кумиръ.
Хладный идолъ смотритъ грозно,
Не кивая никому,
А рабы религіозно
Покланяются ему.
Люди знаютъ: это — сила!
Свойство-жь силы — мять и рвать;
Чтобъ она ихъ не крушила,
Не ломала, не душила —
Надо честь ей воздавать; —
И признательность развита
Въ бѣдномъ смертномъ до того,
Что коль Крезъ летитъ сердито,
Но не топчетъ въ прахъ его
Колесницей лучезарной —
Ужь несчастный умилёнъ,
И приноситъ благодарный
Не-топтателю поклонъ.

ГОРЕМЫЧНАЯ.

Жаль мнѣ тебя, моя пташечка бѣдная:
Цѣлую ночь ты не спишь,
Глазки въ слезахъ, — изнуренная, блѣдная,
Все ты въ раздумьи сидишь;
Жаль мнѣ; вѣдь даромъ средь горя безплоднаго
Сердце твое изойдетъ.
Ждешь ты, голубушка, мужа негоднаго,
Третій ужь за̀ полночь бьетъ.
Думаешь ты, пригорюнясь, несчастная,
Лютой убита тоской:
Ночь такъ темна и погода ненастная —
Нѣтъ-ли бѣды съ нимъ какой? —
Ждешь ты напрасно: на ноченьку пирную
Принялъ онъ дружескій зовъ;

ь онъ — съ друзьями схватясь въ безкозырную,
        Гнетъ королей, да тузовъ —
тъ ихъ. — «Поставлю-жъ я карточку новую,
        Думаетъ — ну-ка, жена,
помоги мнѣ!» — Вскрылъ даму бубновую,
        Смотритъ: убита она.
ъ!» — И рука его трепетно сжатая
        Карту завѣтную мнетъ.
мощи нѣтъ; — измѣнила, проклятая!
        Полно!» — И, блѣдный, встаетъ,
етъ идти онъ.... Какъ можно? Да кстати-ли?
        Вспомни-ка рысь старины!
ь лишь починъ, — восклицаютъ пріятели, —
        Развѣ боишься жены?
ть онъ идетъ! Вѣдь не во-время явится —
        Та ему страху задастъ!
ь вѣдь не свой братъ! — Съ женою управиться,
        Братцы, не каждый гораздъ.
— люди вольные. Пусть его тащится!
        Намъ-ли такой по плечу? —
ь онъ: «да что мнѣ жена за указчица?
        Вздоръ! — говоритъ — не хочу!
, раззадорили кровь молодецкую!
        Что мнѣ жена?» — И пошелъ:
тъ еще! Пусть убирается въ дѣтскую!
        Я вѣдь дѣтей ей завелъ —

Долгъ свой исполнилъ я, даромъ что смолоду
Съ вами немало кутилъ;
Ну, и забочусь: не мрутъ они съ голоду,
По̀ міру ихъ не пустилъ;
Сыты, одѣты; покои приличные;
Что мнѣ тамъ женская блажь?» —
Вотъ онъ! — Вскричали друзья закадычные, —
Нашъ еще другъ-то, все нашъ! —
Стали разгуливать по̀ столу чарочки.
Мало-ли женъ есть? — кричатъ, —
Мало-ли? Гей, вы — красотки-сударочки! —
Вотъ онъ гдѣ — твой сопостатъ,
Мужъ твой, губитель твой! Вотъ какъ заботится
Онъ о женѣ своей тамъ!
Можетъ быть, пьяный, онъ съ бранью воротится;
Можетъ, дастъ волю рукамъ. —
Ты-жь, ожидая такого сожителя,
Мнѣ отвѣчаешь, стеня:
«Такъ суждено: полюбила губителя —
Пусть-же онъ губитъ меня!»

ЗВѢЗДОЧЕТЪ.

островѣ Гюэнѣ, близь Копенгагена, находилась обсерваторія
кобраге, устроенная для него Королемъ Фридрихомъ II. Здѣсь
менитый астрономъ занимался наблюденіями въ теченіи двад-
и лѣтъ. По смерти Фридриха Тихобраге долженъ былъ искать
гаго пристанища. Черезъ 50 лѣтъ и слѣдовъ огромнаго зданія
рваторіи уже не было, но остался еще одинъ старецъ, кото-
і показывалъ любопытнымъ мѣсто, гдѣ то зданіе находилось,
и разсказывалъ объ астрономѣ, котораго помнилъ.)

Супротивъ столицы Датской
Есть неважный островокъ.
Жилъ тамъ въ хижинѣ рыбацкой
Сѣдовласый старичекъ —
Старъ, престаръ. — Пріѣзжихъ двое,
Путешественники что-ль,
Кличутъ стараго: позволь
Слово молвить! — «Что такое?» —
Ты вѣдь здѣшній старожилъ;
Объясни-жь намъ: здѣсь — каменья —

Слѣдъ какого-то строенья.
Что тутъ было? Кто тутъ жилъ? —
«Разсказать вамъ? — Гмъ! — Пожалуй!
Человѣкъ я здѣсь бывалой.
Былъ тутъ, видите, дворецъ!»
Старецъ молвилъ наконецъ. —
Какъ? Дворецъ? — «Ну, да, чертоги
Съ башней. Было тутъ тревоги,
Было всякаго труда
При постройкѣ. Самъ тогда
Здѣсь Король быть удостоилъ;
Фридрихъ нашъ второй и строилъ
Все своей казною». — Вотъ!
Кто-же жилъ тутъ? — «Звѣздочётъ.
Весь дворецъ съ огромной башней
Былъ ему что кровъ домашній;
Я прислуживалъ ему; —
Выросъ я въ простонародствѣ,
А ужь тутъ и въ звѣздочётствѣ
Пріучился кой-къ чему.
Служба все была средь ночи.
Часомъ спать хочу — нѣтъ мочи,
А нельзя: звѣзда идетъ!
Иногда, бывало, грезишь,
А за нимъ туда-же лѣзешь:
Ужь на то и звѣздочётъ!

Только онъ ее завидитъ —
Дѣло кончено! Тогда
Просто наша та звѣзда;
Ужь, сердечная, не выдетъ
Изъ подъ глазу — нѣтъ! Куда?
Хоть съ другими вровень свѣтитъ,
А ужь онъ ее замѣтитъ
И включитъ въ свой списокъ — да!
Намъ бывало съ нимъ въ привычку
Отъ поры и до поры
Поименно перекличку
Звѣздамъ дѣлать и смотры.
Былъ я словно какъ придверникъ
Неба Божьяго, а самъ
Что хозяинъ былъ онъ тамъ —
Ужь не то, что какъ Коперникъ!
Тотъ, вишь, выложилъ на планъ,
Что земля вкругъ солнца ходитъ:
Нѣтъ, шалитъ онъ, колобродитъ —
Какъ не такъ! Держи карманъ!
Вотъ! Вѣдь можно упереться
Въ землю: какъ-же ей вертѣться,
Если человѣкъ не пьянъ?
Ну, вы сами посудите!
Приступалъ я и къ нему —
Звѣздочету своему:

Вотъ, молъ, батюшка, скажите!
Не попасться-бы въ просакъ!
Говорятъ и такъ и такъ;
Мой и темный разумъ смѣтилъ,
Что молва-то насъ мутитъ.
Вѣдь — стоитъ? И онъ отвѣтилъ
Утвердительно: стоитъ. —
У него вѣдь какъ въ карманѣ
Было небо, лишь спросить;
Онъ и самъ весь міръ на планѣ
Росписалъ; чему какъ быть.
Я своими самъ глазами
Видѣлъ планъ тотъ. Эхъ, дружки!
Все круги, круги съ кружками,
А въ кружкахъ опять кружки!
Я кой-что — признаться стыдно —
Хоть и понялъ, да не вплоть;
Ну, да гдѣ-жь намъ?... Такъ ужь видно
Умудрилъ его Господь!
Намъ спроста-то не въ примѣту,
Въ небѣ, чай, круговъ не счесть;
Смотришь такъ — кажись, и нѣту,
А вѣдь стало быть, что есть.
Да чего! Онъ зналъ на мили
Смѣрить весь до солнца путь
И до мѣсяца; смекнуть

ПЕРЕВОДЫ.

I.

СТИХИ

ВЫРѢЗАННЫЕ НА ЧАШѢ, СДѢЛАННОЙ ИЗЪ ЧЕРЕПА.

Не трепещи! Не помышляй,
Что отбылъ духъ, во мнѣ витавшій!
Виномъ сосудъ сей наполняй,
Сосудомъ скорби быть преставшій!
Теперь ужъ стоновъ никакихъ
Изъ этой кости неизходитъ,
И симъ единымъ не походитъ
Она на черепы живыхъ.

Какъ ты, я жилъ, любилъ и пилъ —
И умеръ я. Земля могилъ

Тутъ — не спится; дашь глазамъ
Чуть лишь волю: тѣ — къ звѣздамъ!
Все знакомки вѣдь! Не мало
Я ихъ зналъ по именамъ,
Да забылъ теперь; — и входитъ
Дума въ голову: наводитъ,
Чай, теперь свой зоркій глазъ
Тамъ онъ, звѣздочки, на васъ!
На которую — не знаю....
Вотъ смотрю и выбираю, —
А узнать дай силу Богъ —
Такъ-бы вотъ и впился глазомъ,
Чтобъ смотрѣть съ нимъ вмѣстѣ — разомъ;
Можетъ, я-бъ ему подмогъ
И отсюда!... Глупой мысли
Не посмѣйтесь, господа!» —
И разсказчикъ смолкъ тогда;
Двѣ слезы съ рѣсницъ нависли
И слились изподтишка
По морщинамъ старика.

[redacted]

ПЕРЕВОДЫ.

I.

СТИХИ

ВЫРѢЗАННЫЕ НА ЧАШѢ, СДѢЛАННОЙ ИЗЪ ЧЕРЕПА.

Не трепещи! Не помышляй,
Что отбылъ духъ, во мнѣ витавшій!
Виномъ сосудъ сей наполняй,
Сосудомъ скорби быть преставшій!
Теперь ужь стоновъ никакихъ
Изъ этой кости неизходитъ,
И симъ единымъ не походитъ
Она на черепы живыхъ.

Какъ ты, я жилъ, любилъ и пилъ —
И умеръ я. Земля могилъ

Живится прочими костями;
А я.... Вливай въ меня вино
И прикоснись ко мнѣ устами —
Я не обижусь: все равно!
Въ утробѣ ямы безотзывной
Гнить было-бъ участью моей:
Твои-жь уста не такъ противны,
Какъ жала гробовыхъ червей.
Чѣмъ по обычному наслѣдью
Быть тварей ползающихъ снѣдью,
Не лучше-ли мнѣ чашей быть,
Янтарнымъ наполняться токомъ,
Кипѣть прозрачныхъ гроздій сокомъ,
Питьемъ боговъ тебя поить?

Бывало, средь бесѣды шумной
Сей черепъ шуткой остроумной
Звенѣлъ. Теперь, какъ онъ утихъ,
Пусть, если самъ остротъ не вержетъ,
Тѣмъ, что въ немъ держится, поддержитъ
Духъ остроумія въ другихъ!
И что приличнѣй для замѣны
Силъ мозга въ черепѣ пустомъ —
Искрокипучей острой пѣны,
Клубимой пѣнистымъ виномъ?

Вкушай-же нектаръ сей, покуда
Ты въ силахъ пить! Когда-жь отсюда
Уйдешь и ты, какъ всѣ уйдутъ,
Сыны другаго поколѣнья,
Быть можетъ, и твою изъ тлѣнья
Пустую голову возьмутъ
И тѣмъ-же нектаромъ нальютъ.

И дѣльно! — Въ краткія мгновенья
Для насъ отсчитанныхъ годовъ
Какъ скудно-жалки похожденья
Сихъ человѣческихъ головъ!
Пускай червей отъ хищной злости
Спастись дадутъ имъ этотъ путь,
И ихъ, хоть въ видѣ мертвой кости,
Употребятъ на что нибудь!

II.

НЕ ОБВИНЯЙ ЕЕ.

Нѣтъ! Падшей женщины не порицай открыто!
Кто вѣдаетъ весь грузъ ея земнаго быта?
Кто вѣдаетъ число ея голодныхъ дней?
Печальныхъ опытовъ кто не бывалъ свидѣтель,
Какъ вихрь несчастія колеблетъ добродѣтель
И какъ несчастная вотще стремится къ ней?
На вѣткѣ дерева такъ капля дождевая
Блеститъ, на ней держась и небо отражая,
Но вѣтку покачнутъ — и капля сорвалась,
И — до паденья — перлъ, она съ паденьемъ — грязь.

Виновенъ ты, богачъ, виновны мы и злато.
Та капля чистая, небесная когда-то,
Въ грязи сохранена, — и чтобъ явилась вновь,
Отъ праха отдѣлясь, принявъ свой видъ хрустальной,
Она, блестящая, въ красѣ первоначальной —
Тутъ нуженъ солнца лучъ, тамъ надобна — любовь.

III.

ПРОСЬБА.

Не мечи изъ подъ рѣсницы
Стрѣлъ разящихъ на меня!
Подъ огнемъ твоей зѣницы
Ужъ и такъ поверженъ я.
Ты красою всемогущей
Всѣхъ богаче въ сей странѣ —
Я-жъ — несчастный, неимущій
Дай-же милостинку мнѣ!

IV.

ДВА ЗРѢЛИЩА.

Какъ въ дремлющемъ прудѣ подъ сѣнію древесной,
У смертнаго въ душѣ два зрѣлища совмѣстны:
Въ ней видимы — небесъ блистательный покровъ
Съ его свѣтилами и дымкой облаковъ, —
И тинистое дно, гдѣ зѣлья коренятся
И гады черные во мракѣ шевелятся.

V.

КОЛЫБЕЛЬ И МОГИЛА.

і колыбель. Вокругъ покровъ кисейный
матери качанье. Легкій сонъ.
первая. Восторгъ благоговѣйный,
ъ свѣтлый ликъ младенца окруженъ.

Дернъ вокругъ. Надъ нею ива гнется.
стикъ бѣлыхъ розъ, любимыхъ прежней
). Лишь зефиръ съ листкомъ перешепнется,
ка прозвенитъ залетная, порой

Колыбель! Вы обѣ къ выси мечтанья
е нашъ духъ отъ праха дольнихъ мѣстъ.

Вы обѣ полны сна, покоя, упованья;
Надъ этой — ангелъ-мать; надъ тою — Божій крестъ.

Вы обѣ блещете зарей и обновленьемъ;
Въ обѣихъ скрытъ залогъ невѣдомыхъ чудесъ.
Та вводитъ въ этотъ міръ младенца съ пробужденьемъ,
Та соннаго беретъ и вводитъ въ дверь небесъ.

VI.

АНГЕЛЪ И МЛАДЕНЕЦЪ

Надъ колыбелью ангелъ ясный
Съ главой поникшею стоялъ,
И, мнилось, онъ свой ликъ прекрасный
Въ чертахъ младенца созерцалъ.

«Пойдемъ со мной, мой двойникъ нѣжный!»
Сказалъ онъ: «стоитъ-ли труда
Тебѣ вступать въ сей міръ мятежный!»
Пойдемъ со мной — туда! туда!

Здѣсь горечь вмѣшана и въ сладость,
Здѣсь рядомъ — ведро и гроза,

Восторги стонутъ, плачетъ радость,
Къ улыбкѣ прймкнута слеза.

Здѣсь счастья очерки неполны,
Чуть свѣтъ мелькнетъ — ложится тѣнь, —
А тамъ — блаженства хлещутъ волны
И беззакатный блещетъ день.

Тамъ не услышишь о могилахъ
И не увидишь лютыхъ бурь,
Не будешь плакать — глазокъ милыхъ
Не притуманится лазурь.

Ты возлетишь со мной свободно:
Не нужно дѣлъ твоихъ судить;
Святому Промыслу угодно
Тебя отъ жизни пощадить.

Пусть люди въ трауръ не ходятъ!
Пускай изъ міра суеты
Тебя улыбкою проводятъ,
Какъ встрѣченъ былъ улыбкой ты.

Другимъ при плачѣ безутѣшномъ
Пускай готовятъ гроба сѣнь!

Въ твоемъ-же возрастѣ безгрѣшномъ
Послѣдній день есть лучшій день.»

И ангелъ, бѣлыми крылами
Взмахнувъ, вознесся въ горній свѣтъ;
Надъ колыбелью-жь со слезами
Склонилась мать.... Младенца нѣтъ....

VII.

КЪ МИННѢ.

Странно мнѣ, непостижимо!
Минна-ль то моя идетъ?
Какъ? — Она.... проходитъ мимо?
И меня не узнаетъ?
Съ свитой франтовъ выступаетъ —
И, тщеславія полна,
Гордо вѣеромъ играетъ....
Нѣтъ! да это не она!

Съ лѣтней шляпки перья вѣютъ —
Подаренный мной нарядъ;
Эти ленты, что алѣютъ:
«Минна! Стыдно» — говорятъ.

[redacted]

И цвѣты на ней.... Не я-ли
Эти выростилъ цвѣты?
Прежде чѣмъ они завяли
Измѣнила, Минна, ты.

Съ этой вѣтреной толпою —
Позабудь меня — иди!
Въ этой бившейся тобою
Я найду еще груди
Благородныхъ силъ довольно
Низкій твой обманъ стерпѣть,
И — хоть тягостно и больно —
Безразсудную презрѣть.

Сердце Минны исказилось
Милымъ личикомъ.... о стыдъ! —
Но вѣдь прелесть — мигъ — и скрылась;
Ненадеженъ розы видъ.
Гнѣзды ласточками свиты
По веснѣ до первыхъ вьюгъ:
Разнесутся волокиты —
И отринутъ вѣрный другъ.

Красоты твоей развалинъ
Представляется мнѣ видъ.

Взоръ твой, сумраченъ, печаленъ,
На минувшее глядитъ:
Тѣ, которые такъ жадно
Поцѣлуй ловили твой, —
Глядь — хохочутъ безпощадно
Надъ отцвѣтшей красотой.

Сердце Минны исказилось
Этимъ личикомъ.... о стыдъ!
Но вѣдь прелесть — мигъ — и скрылась;
Прелесть розы отлетитъ.
Какъ тогда я смѣхомъ гряну
Самъ въ глаза твоей судьбѣ! —
Нѣтъ!... О нѣтъ! — Я горько стану,
Минна, плакать о тебѣ.

[redacted]

VIII.

ПУСТЬ.

Пусть пташекъ трель призывная
Звучитъ въ кругу лѣсномъ!
Щебечетъ птичка дивная
Мнѣ въ горлышкѣ твоёмъ.

Пусть звѣзды хладно-яркія
Сверкаютъ въ небесахъ!
Мнѣ двѣ звѣзды — двѣ жаркія
Горятъ въ твоихъ глазахъ.

Пусть лилія — пусть вешняя
Плѣнительно растетъ!

Мнѣ лилія нездѣшняя
Въ душѣ твоей цвѣтетъ.

И пѣсня та распѣвная,
Тѣ звѣзды, тѣ мечты,
И лилія душевная —
Любовь! Все это ты!

[redacted]

IX.

ВСЕГДА.

Когда въ моихъ объятіяхъ
Поешь ты пѣсню сладкую,
Ты слышишь-ли, какъ мысль моя
Поетъ съ тобой украдкою.
Въ той пѣсни зажигается
Мнѣ счастія звѣзда.
О пой, моя красавица —
Всегда, всегда, всегда!

Смѣешься ты: я радуюсь,
Дрожу отъ упоенія;
Съ души моей встревоженной
Слетаютъ подозрѣнія.

Подъ смѣхомъ не скрывается
Коварство никогда.
О смѣйся-же, красавица,
Всегда, всегда, всегда!

Когда ты сномъ покоишься,
Раскинута въ небрежности —
Въ твоемъ дыханьи трепетномъ
Я слышу шопотъ нѣжности.
Грудь жаркая вздымается,
И вскрыта иногда....
О спи, моя красавица,
Всегда, всегда, всегда!

Промолвишь-ли: «люблю тебя» —
Мнѣ кажется, прелестная,
Тогда надъ головой моей
Отверзлась твердь небесная.
Твой взоръ воспламеняется
И жжетъ меня тогда:
Люби-жь меня, красавица,
Всегда, всегда, всегда!

Вотъ все, чего мнѣ надобно
Для жизни и для счастія,

Для радостей души моей,
Для нѣги сладострастія.
Четыре лишь желанія
Ты выполни мои:
Пой пѣсни, смѣйся весело,
Спи сладко и люби!

X.

ДАНТЪ.

Дантъ! Старый Гибелинъ! Предъ этой маской, снятой,
Страдалецъ, съ твоего безсмертнаго лица,
Я робко прохожу, и, трепетомъ объятый,
Я, мнится, вижу всю судьбу и жизнь пѣвца:
Такъ сила генія и злая сила рока
Вожгла свою печать въ твой строгій ликъ глубоко.
Подъ узкой шапочкой, вдоль твоего чела
Чертою рѣзкою морщина пролегла:
Зачѣмъ морщина та углублена такъ ѣдко?
Безсонницъ ли она иль времени отмѣтка?
Не въ униженьи-ли проклятій страшный гулъ,
Изгнанникъ, ты навѣкъ въ устахъ своихъ замкнулъ?

Не долженъ-ли твоихъ послѣднихъ мыслей ошибки
Въ улыбкѣ устъ твоихъ я видѣть и слѣдить?
Недаромъ къ симъ устамъ язвительность улыбки
Смерть собственной рукой рѣшилась пригвоздить!
Иль это надъ людьми усмѣшка сожалѣнья?
О, смѣйся: гордый смѣхъ суроваго презрѣнья
Къ ничтожеству земли — тебѣ приличенъ, Дантъ.
Родился въ знойной ты Флоренціи, гигантъ,
Гдѣ острые кремни родной тебѣ дороги
Отъ самыхъ дѣтскихъ дней тебѣ язвили ноги,
Гдѣ часто видѣлъ ты, какъ при сіяньи дня
Разыгрывалась вдругъ свирѣпая рѣзня,
И въ схваткахъ партіи успѣхами мѣнялись —
Тѣ падали во прахъ, другіе поднимались.
Ты тридцать лѣтъ смотрѣлъ на адскіе костры,
Гдѣ тлѣло столько жертвъ той огненной поры, —
И было для твоихъ согражданъ жалкихъ слово
«Отечество»—лишь звукъ; его, взявъ съ вѣтра, сно
Бросали на̀ вѣтеръ. — И въ наши дни вполнѣ
Твое страданіе, о Дантъ, понятно мнѣ;
Понятно, отъ чего столь злобными глазами
Смотрѣлъ ты на людей, гнушаясь ихъ дѣлами,
И, ненависти злой нося въ душѣ ядро,
Такъ желчью пропиталъ ты сердце и перо:
По нравамъ ты своей Флоренціи родимой,
Художникъ, начерталъ рукой неумолимой

Картину страшную всей нечести земной
Съ такою вѣрностью и мощію такой,
Что дѣти малыя, когда скитальцемъ бѣднымъ
Ты мимо шелъ съ челомъ зеленовато-блѣднымъ,
Подавленный своей смертельною тоской,
Подъ гнетомъ твоего пронзительнаго взгляда
Шептали: «вотъ онъ! вотъ — вернувшійся изъ ада!

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ II ТОМА.

Переводы.

[redacted]

3

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. БЕНЕДИКТОВА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 13 Марта 1856 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

Въ типографіи Крыловской.

Томъ III.

(1850—1856.)

Et j'ajoute à ma lyre une corde d'airain.

V. Hugo.

КЪ МОЕЙ МУЗѢ.

Благодарю тебя: меня ты отрывала
Отъ пошлости земной, и отряхая прахъ,
Съ тобой моя душа все въ мірѣ забывала
И сладко мучилась въ таинственныхъ трудахъ.
Сначала озарять пиръ юности кипучей
Влетала ты ко мнѣ въ златые дни забавъ,
Гремя литаврами и бубнами созвучій,
Покровы распахнувъ и дико разметавъ
Густые волосы по обнаженной груди.
Тебя такъ видѣли и осуждали люди
Нескромность буйную. Порою твой уборъ
Былъ слишкомъ прихотливъ и оскорблялъ ихъ взор:
Сказали: онъ блестящъ не въ мѣру, онъ изысканъ,
И амврой черезчуръ и мускусомъ напрысканъ, —
И ты казалась имъ кокеткою пустой,
Продажной прелестью, бездушной красотой.

Міръ строгъ: онъ осудилъ твою младую шалость,
Твой бѣшеный порывъ; твоихъ проступковъ малость
Онъ въ преступленіе тяжелое вмѣнилъ;
Ты скрылась отъ него и онъ тебя забылъ.
Но въ тишинѣ, въ глуши меня ты не забыла,
И въ зрѣломъ возрастѣ мой уголъ посѣтила:
Благодарю тебя! — Уже не молода
Ты мнѣ являешься, не такъ какъ въ тѣ года —
Одѣта запросто, застегнута подъ шею,
Безъ колецъ, безъ серёгъ, — но съ прежнею своею
Улыбкой, лаской ты сидишь со мной въ тиши,
И сладко видѣть мнѣ, что ты не безъ души,
Что міръ тебя считалъ прелестницей минутной
Несправедливо.... нѣтъ! Въ разгульности безпутной
Не промотала ты святыхъ даровъ Творца;
Ты не румянила и въ юности лица,
Ты отъ природы такъ красна была, — и цѣльный
Кудрявый локонъ твой былъ локонъ неподдѣльный,
И не носила ты пришпиленной косы
Скрученной на прокатъ и взятой на часы.
О нѣтъ, ты не была кокеткою презрѣнной,
И, можетъ быть, ко мнѣ въ пріязни неизмѣнной,
Переживя меня, старушкой доброй ты
Положишь мнѣ на гробъ послѣдніе цвѣты.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Много жизненныхъ вопросовъ
Тѣмъ рѣшивъ, что все пустякъ,
Жилъ когда-то Грекъ-философъ —
Удивительный чудакъ.
Онъ ходилъ, какъ жалкій нищій,
Полу-нагъ и босикомъ,
И питался грубой пищей,
Сытъ былъ брошеннымъ кускомъ;
Въ бочкѣ жилъ; лучами солнца
Освѣщаемъ и согрѣтъ,
Онъ героя — Македонца,
Покорившаго весь свѣтъ,
И Царя и полу-бога
Гордой просьбой удивилъ:
«Отодвинься, братъ, немного —
«Ты *мнѣ солнце* заслонилъ.»

О давно-минувшіи лѣта!
Незапамятная старь!
Днемъ, при полной силѣ свѣта
Діогенъ зажегъ фонарь,
И въ толпѣ народа шумной
Онъ идетъ, кругомъ глядитъ:
Ищешь ты кого, безумный? —
«Человѣка» — говоритъ.
Строгій циникъ видѣлъ Грека
И въ хитонѣ, и въ плащѣ,
Но не видѣлъ человѣка
И искалъ его вотще.
Если-бъ шелъ онъ въ вѣкъ изъ вѣка
Вплоть до нынѣшнихъ временъ —
И донынѣ человѣка
Все искалъ-бы Діогенъ!

Ходъ вѣковъ мы видимъ ясно;
Намъ исторіи скрижаль
Открываетъ безпристрастно
Дней давно-протекшихъ даль.
Что-жь тамъ? — Нѣсколько сокровищъ,
Много хламу жизни сей,
Много тамъ людей-чудовищъ,
Лже-людей, полу-людей;
Всюду брани, козни, ковы;
Видны: Римлянинъ суровый,

[redacted]

Грубый Скиѳъ и хитрый Грекъ;
Много–смертныхъ полудикихъ,
Много малыхъ, горсть великихъ....
Гдѣ–же просто — человѣкъ?

Былъ одинъ. Онъ шелъ безъ грома,
Полонъ истины огнемъ.
Можно было: «ессе homo!»
Смѣло вымолвить о немъ.
Онъ на всѣхъ смотрѣлъ съ любовью,
Всѣхъ къ безсмертью, какъ на пиръ,
Призывалъ, и чистой кровью
Онъ своей опрыснулъ міръ.
Этотъ міръ былъ имъ испуганъ;
Онъ былъ схваченъ, былъ поруганъ,
Былъ оплеванъ, былъ казненъ
Отъ ватаги ѳарисейской
Смертью крестною злодѣйской,
И въ вѣнкѣ терновомъ онъ
Оцетъ пилъ средь смертной жажды....
«Человѣкъ однако могъ
Намъ явиться хоть однажды?» —
Нѣтъ, о люди, то былъ — Богъ!

ПЕРЕХОДЪ.

Видали-ль вы преображенный ликъ
Жильца земли въ священный мигъ кончины —
Въ сей пополамъ распредѣленный мигъ,
Гдѣ жизнь глядитъ на обѣ половины?

Ужь край небесъ душѣ полуоткрытъ;
Ея глаза туда ужь устремились, —
А отражать ея безсмертный видъ
Черты лица еще не разучились, —

И неземной въ нихъ отразился-бъ день
Во всѣхъ лучахъ великаго сіянья,

[redacted]

Но тѣ лучи еще сжимаетъ тѣнь
Послѣдняго предсмертнаго страданья.

Но вотъ — конецъ! — Спокоенъ сталъ больной.
Спокоенъ врачъ. Сама прошла опасность —
Опасность жить. Рѣдѣетъ мракъ земной
И мертвый ликъ воспринимаетъ ясность.

Такъ надъ землей, глядишь, ни ночь, ни день;
Но холодомъ вдругъ утро засвѣжѣло,
Прорѣзалась разсвѣтная ступень —
И рѣшено сомнительное дѣло.

Всмотритесь въ ликъ отшедшаго туда
Въ извѣстный часъ: онъ ясностью своею
Торжественно вамъ, кажется, тогда
Готовъ сказать: «я понялъ! разумѣю!

Узналъ!» — Устамъ какъ будто нарушать
Не хочется святыню безглагольства,
А на челѣ оттиснута печать
Всезнанія и вѣчнаго довольства.

Здѣсь, кажется, душа, разоблачась,
Извнѣ глядитъ на это облаченье,

Чтобъ въ зеркалѣ своемъ въ послѣдній разъ
Послѣднихъ думъ провѣрить выраженье.

Но тлѣнье ждетъ добычи — и летитъ
Безсмертная, и бросивъ тѣло наше
Оназемнымъ стихіямъ говоритъ:
Голодныя! возьмите: это ваше!

ЗВѢЗДОЧКА.

День докученъ; днемъ мнѣ горько.
Вотъ онъ гаснетъ.... вотъ угасъ....
На закатѣ меркнетъ зорька....
Вотъ и звѣздочка зажглась.

Здравствуй, ясная! — Откуда?
И куда? — А я все тутъ.
На землѣ все также худо,
Тѣ же тернія растутъ.

Надъ землей подъемлясь круто
Къ безпредѣльной вышинѣ

Чтò мелькаешь ты, какъ будто
Все подмигиваешь мнѣ?

Не съ блаженствомъ-ли граничишь
Ты, привѣтная звѣзда?
И меня ты, мнится, кличешь,
Говоришь: «поди сюда!

«Кругъ разумныхъ здѣсь созданій
Полонъ міра и любви,
Не заводитъ лютыхъ браней,
Не купается въ крови.

«Здѣсь не будешь горе мыкать;
Здѣсь не то, что тамъ у васъ.
Полно хмуриться да хныкать!
Выѣзжай-ка въ добрый часъ!

«Тутъ нетряская дорога,
Легкій путь: ни грязь, ни пыль!
Воли много, мѣста много.» —
А далеко-ль? Сколько миль?

Охъ, далеко. Намъ знакомы
Версты къ солнцу отъ земли,

А съ тобой и астрономы
Расчитаться не могли.

Соблазнительнымъ мерцаньемъ
Не мигай-же съ вышины:
Благороднымъ разстояньемъ
Мы съ тобой раздѣлены.

Сочетаньемъ кончить сдѣлку
Трудно; — мы должны вести
Вѣчно взглядовъ перестрѣлку
Между «здравствуй» и «прости»

Знаю звѣздочку другую:
Я хоть ту достать хочу —
Не небесную — земную:
Мнѣ и та не по плечу!

Также, можетъ быть, граничитъ
Съ райскимъ счастьемъ та звѣзда,
Только та меня не кличетъ,
Не мигнетъ: поди сюда!

Блещетъ мягче, ходитъ ниже —
Вровень, кажется, со мной;

Но существенно не ближе
Я и къ звѣздочкѣ земной.

И хоть также-бъ кончить сдѣлку,
Какъ съ тобой: съ ней вѣкъ вести
Хоть бы взоровъ перестрѣлку
Между «здравствуй» и «прости»!

ПОСЛѢ ПРАЗДНИКА.

авно былъ праздникъ, и было такъ весело, шумн
было такъ много прекрасныхъ тамъ дѣвъ свѣтл
кудрыхъ,
радостью общей и я увлекался безумно,
авивъ бесѣду мужей и наставниковъ мудрыхъ.

ъ часомъ вдаешься невольно въ чужое веселье,
будто-бы счастливъ, и будто-бы сызнова молодъ;
послѣ мелькнувшаго пира мнѣ тяжко похмѣлье
ъ душу врывается пуще язвительный холодъ.

юслѣ стыжусь я, зачѣмъ, измѣняя порядку,
ъ школьникъ, не во время я такъ шалилъ и рѣзвил

И совѣстно, будто-бы съ жизни взялъ грѣшную взятку,
Какъ будто неправо чужимъ я добромъ поживился.

И голосъ упрека въ душѣ такъ пронзительно звонокъ
И такъ повторяется тайнымъ, насмѣшливымъ эхомъ,
Что если-бы слезы.... заплакалъ-бы я, какъ ребенокъ!—
Нѣтъ! Снова смѣюсь я, но горькимъ мучительнымъ смѣхомъ.

[redacted]

ВЫПУЩЕННАЯ ПТИЧКА.

Еще зеленѣющей вѣтки
Не видно, — а птичка летитъ.
«Откуда ты, птичка?» — Изъ клѣтки —
Порхая она говоритъ.

«Пустили, какъ видно, на волю:
Ты рада?» Съ вопросомъ я къ ней;
«Чай, скучную, грустную долю
Терпѣла ты въ клѣткѣ своей!» —

Нимало — щебечетъ мнѣ птичка, —
Тамъ было отрадно, тепло;
Меня спеленала привычка
И весело время текло.

Летучихъ подругъ было много
Въ той клѣткѣ; мы вмѣстѣ расли.
Хоть насъ и держали тамъ строго,
Да строго за то берегли.

Учились мы пѣть тамъ согласно
И крылышкомъ ловко махать,
И можемъ теперь безопасно
По цѣлому свѣту порхать. —

«Охъ, птичка, боюсь: съ непогодой
Тебѣ нелегко совладать,
Иль снова простишься съ свободой:
Ловецъ тебя можетъ поймать.» —

Отъ бурь подъ привѣтною кровлей
Спасусь я, — летунья въ отвѣтъ —
А буду застигнута ловлей,
Такъ въ этомъ бѣды еще нѣтъ.

Ловецъ меня вѣрно не сгубитъ,
Поймавъ меня въ сѣти свои:
Вѣдь ловитъ, такъ стало онъ любитъ,
А я создана для любви. —

Ѳ. Н. ГЛИНКѢ.

Здравствуй, [illegible] и [illegible]
Многихъ чудныхъ жизни сценъ,
Музы [illegible] служитель,
Нашихъ [illegible] и представитель
Славныхъ [illegible] временъ!

Зналъ ты время, видалъ лѣта,
Какъ [illegible] еще былъ [illegible]
Въ мірѣ [illegible] для поэта,
И глядѣть [illegible] свѣта
Чтилъ въ себѣ свой честный санъ.

Въ наше время — [illegible] [illegible]
Отъ [illegible] утѣшалъ,

На пиры — несъ кликъ свой пирный;
Въ браняхъ — благовѣстью лирной
Доблесть храбрыхъ возвышалъ.

Несъ въ величьи онъ спокойномъ
Тяжесть дольняго креста; —
Пѣлъ-ли радость гимномъ стройнымъ —
Онъ глумленьемъ непристойнымъ
Не кривилъ свои уста; —

И не мнилъ онъ обезпечить
Беззаконный произволъ —
Въ Русскомъ словѣ чужерѣчить,
Рвать языкъ родной, увѣчить
Богомъ данный намъ глаголъ; —

И надъ этой рѣчью кровной,
Внятной призваннымъ душамъ,
Не былъ ввѣренъ судъ верховный
Дерзкой стаѣ суесловной —
Дѣлъ словесныхъ торгашамъ.

Грустныхъ новостей въ пучинѣ
Мы, поэтъ, погружены;

Но отъ прежнихъ лѣтъ донынѣ
Честно-вѣренъ ты святынѣ
Благородной старины.

И за то своимъ покровомъ
Сохранилъ въ тебѣ Господь
Эту силу — звучнымъ словомъ
Вѣчно юнымъ, вѣчно-новымъ,
Оживлять намъ духъ и плоть.

Помню: я еще мальчишкой
Рылся въ книжкахъ, и межь нихъ
За подкрэденною книжкой
Поэтическою вспышкой
Зэжигалъ меня твой стихъ;

Слухъ и сердце онъ лелѣялъ, —
И отъ слова твоего,
Отъ сѣменъ тѣхъ, что ты сѣялъ,
Ароматъ библейскій вѣялъ —
Отзывъ неба самого̀.

Ты Кареліи природу
Въ мѣткихъ ямбахъ очертилъ;

Ты двѣнадцатому году
Въ радость Русскому народу
Незабвеннымъ эхомъ былъ.

И теперь, на насъ лишь канулъ
Бранный дождь — твоя пора
Не ушла: ты вмигъ воспрянулъ,
И по-русски первый грянулъ
Православное «ура».

Средь болѣзненнаго вѣка
Живъ и здравъ ты: честь! хвала!
Пѣснь живаго человѣка
И до Серба и до Грека
Христіанская дошла.

Крестъ—намъ сила; крестъ—нашъ разумъ.
Къ намъ, друзья! — Изъ за креста
Мы весь міръ окинемъ глазомъ
И «на трехъ ударимъ разомъ
Со Христомъ и за Христа!»

[redacted]

ИЗВИНЕНІЕ.

Винюсь предъ ангеломъ-ребенкомъ:
Случайно назвалъ я, шутя,
Очаровательнымъ бѣсенкомъ
Игриво-бойкое дитя.
Она — (здѣсь милая природа
Грамматикѣ сказала: вонъ!
И потому «она — не «онъ»,
Ребенокъ женскаго былъ рода) —
Она, ушко свое склоня,
Когда молва до ней домчалась
Про эту дерзость, зачуралась,
Воскликнувъ трижды: «чуръ меня!» —
И тѣмъ-же ангеломъ осталась.
О, если-бъ прежніе года

И прежній пылъ!... Избави Боже!
Случись, что былъ бы я моложе
И съ нею встрѣтился-бъ, тогда
Отъ этихъ прелестей — бѣда! —
Страдать-бы крѣпко мнѣ досталось,
И сердце полное огня
Стократъ кричало-бъ: «чуръ меня!» —
И все-бы адски бѣсновалось;
А нынѣ я, спокойно гордъ
Дерзнулъ, любуясь тѣмъ ребенкомъ,
Назвать и ангела бѣсенкомъ
Затѣмъ, что самъ я старый чортъ.

БАХУСЪ.

(Списокъ съ картины Рубенса, находящейся въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Эрмитажѣ.)

Ухъ! какъ мощенъ онъ! Такаго
Не споишь, не свалишь съ ногъ:
Толстъ, а виду неземнаго
Не утратилъ; пьянъ, а строгъ.
Посмотрите, какъ онъ вержетъ
Взоромъ пламя изъ очей!
Какъ онъ гордо чашу держитъ, —
Самъ не смотритъ.... Кто тамъ? — Лей! —
Льютъ ему — и наклонилась
Чаша на бокъ, и струя
Черезъ край перекатилась
И бѣжитъ. Въ низу дитя —

Мальчикъ. Стой! Не гибни влага
Драгоцѣнная! Плутяга
Мигомъ голову свою
Черезъ плечи опрокинулъ,
Алый ротикъ свой разинулъ
И подставилъ подъ струю,
И хватаетъ, какъ въ просонкахъ,
Что-то лучше молока,
Искры бѣгаютъ въ глазёнкахъ
И багровѣетъ щека.
Тутъ другой мальчишка: еле
На ногахъ; посоловѣли
У него глаза; нѣтъ силъ;
Ужь и руки опустилъ;
Самъ себя не понимая,
Смотритъ мутно. Негодяя
Драть-бы, драть-бы за ушко!
Ишь — безъ мѣры натянулся!
Вотъ — къ сторонкѣ отвернулся,
Грудь назадъ, впередъ брюшко —
И.... безстыдникъ! — Передъ вами
Тутъ же съ пьяными глазами
Тигръ на шаткихъ ужь ногахъ;
Тамъ Вакханка взоръ свой жадный
Нѣжитъ кистью виноградной,
Съ дикой радостью въ очахъ.

Вотъ — взгляните на Силена:
Съ губъ отвислыхъ брызжетъ пѣна;
Словно чанъ раскрылъ онъ ротъ,
И цѣдя въ сей зѣвъ просторный
Изъ амфоры трехведёрной
Гроздій сокъ, — безъ смыслу пьетъ,
Глупо пьетъ, — заранѣ бредитъ,
На ослѣ едва-ль доѣдетъ
Онъ домой.... Лишь исполинъ
Пьетъ, какъ слѣдуетъ, одинъ —
Бахусъ Рубенса! — Избытокъ
Черезъ край разумно льетъ
И божественный напитокъ
Онъ божественно и пьетъ.

РАЗОБЛАЧЕНІЕ.

Когда, въ пылу воображенья,
Въ минуту сладкую поэтъ,
Дрожа, въ припадкѣ вдохновенья
Творитъ красавицы портретъ —
Ему съ земли до небосвода
Открытъ орлиный произволъ;
Его палитра — вся природа,
Кисть — гармоническій глаголъ;
Душа кипитъ, созданье зрѣетъ,
И силой неба зажжено
Подъ краской чувства пламенѣетъ
Широкой мысли полотно.

При блескѣ риѳмы искрометной
Пріимецъ выспреннихъ даровъ

Порою съ прелести завѣтной
Срываетъ трепетный покровъ,
Діаны перси обнажая
Иль станъ богини красоты,
И эти смѣлыя черты
Сіяютъ, небо отражая; —
А чернь во храмѣ естества
На этотъ свѣтъ, на эти тѣни
Глядитъ — и образъ божества
Мараетъ грязью помышленій, —
Межъ тѣмъ, какъ съ чистою душой
Друзья изящнаго искуства
Благоговѣютъ передъ той
Разоблаченной красотой
Въ восторгѣ дѣвственнаго чувства.
Не такъ-ли солнца свѣтлый шаръ
Въ часы торжественнаго взлета
Нечистый извлекаетъ паръ
Изъ зыби смраднаго болота?
Но то-же солнце, облаковъ
Раздвинувъ пологъ, въ мигъ возстанья
Подъемлетъ паръ благоуханья
Изъ чаши утреннихъ цвѣтовъ.

ОСТРОВЪ.

Плывутъ мореходцы — и вдругъ озадаченъ
Ихъ взоръ выступающимъ краемъ земли;
Подъѣхали: островъ! — Но онъ не означенъ
На картѣ; они этотъ островъ нашли,
Открыли, — и въ ихъ онъ владѣнье по праву
Поступитъ, усилитъ страны ихъ державу.

Пристали: тамъ бездна природы красотъ,
Еще не страдавшихъ отъ силы воинской —
Жемчужныя горы! Лѣсами встаётъ
Изъ гротовъ коралловыхъ мохъ исполинской.
Какія растенья! Какіе цвѣты!
Такихъ еще, смертный, не видывалъ ты.

Тамъ почва долинъ и цвѣтныхъ междугорій
Вся сшита изъ жизни, отжившей едва —

[redacted]

Изъ раковинъ чудныхъ, изъ массъ инфузорій;
Вглядишься въ пылинку: пылинка жива;
Къ цвѣтку-ль — великану прохожій нагнулся:
Крылатый цвѣтокъ мотылькомъ встрепенулся, —

Иль рѣзвою птичкой, и птичка летитъ
И звонко несется къ небеснымъ преддверьямъ,
И лучъ всепалящаго солнца скользитъ
По радужнымъ крыльямъ, по огненнымъ перьямъ;
Пришлецъ вдругъ испуганъ извитой змѣёй:
То стебель ползучій блеснулъ чешуёй.

И видно, какъ всходитъ, — и слышно, какъ дышит
Тамъ каждая травка и каждый лѣсокъ;
Тамъ дерево жизни вѣтвями колышетъ
И каплетъ изъ трещинъ живительный сокъ
И брызжетъ, — и тутъ же другое съ нимъ рядомъ
То дерево смерти съ убійственнымъ ядомъ.

И радъ мореходецъ. «Хвала мнѣ и честь!»
Онъ мыслитъ. — «Вотъ новость для нашего вѣка —
Земля неизвѣстная! Все на ней есть
И — слава Всевышнему! — нѣтъ человѣка!
Еще здѣсь дороги себѣ не просѣкъ
Мой ближній» — такъ мыслитъ и радъ человѣкъ.

«А если тамъ, дальше, и водятся люди
На островѣ этомъ — прижмемъ дикарей!
Заспорятъ: желѣзо направимъ имъ въ груди
И сдвинемъ ихъ глубже — въ берлоги звѣрей,
И выстрѣлы будутъ на вопль ихъ отвѣтомъ;
Причемъ озаримъ ихъ Евангельскимъ свѣтомъ.

Встрѣчая здѣсь новыя тѣни и свѣтъ
Потомъ пусть картины здѣсь пишетъ художникъ,
Трудится ученый, и тощій поэтъ,
Бѣснуясь, восходитъ на шаткій треножникъ!
Намъ надобно дѣло: все прочее — блажь.
Намъ надо во–первыхъ, чтобъ островъ былъ нашъ.

Мы срѣжемъ мохнатыя лѣса опушки;
Здѣсь будетъ дорога; тутъ станетъ нашъ флотъ;
Тамъ выстроимъ крѣпость и выставимъ пушки, —
И если отсюда сосѣдъ подойдетъ,
Какъ силы его не явились–бы крѣпки,
Отъ вражьей армады останутся щепки.

Какую торговлю мы тутъ заведемъ!
Давай потомъ ѣздить и въ даль и къ сосѣдямъ!
Какихъ имъ диковинъ съ собой навеземъ!
Съ какимъ небывалымъ товарцемъ подъѣдемъ!

Вотъ новая пряность Европѣ на пиръ!
Вотъ новые яды! Пусть кушаетъ міръ!» —

Земля подъ ногами гостей шевелится,
Крехтитъ или охаетъ: тягостно ей
Подъ новымъ животнымъ, пришедшимъ селиться
Средь выросшихъ дико на персяхъ у ней
Животно-кристалловъ, животно-растеній,
Полу-минералловъ, полу-прозябеній.

А гости мечтаютъ: «хозяева мы.
Безъ насъ — тутъ дремала пустая природа,
И солнце безъ насъ не умалило-бъ тьмы,
Безъ пошлинъ сіяя, блестя безъ дохода,
Въ безплодномъ вѣнцѣ неразумныхъ лучей.
Что солнце, гдѣ нѣтъ человѣка очей?» —

Но прежде, чѣмъ здѣсь пришлецы утвердились,
Другаго народа плывутъ корабли.
Прибывшіе въ право владѣнья вступились.
У первыхъ съ послѣдними споры пошли.
«Сей берегъ впервые не нами-ли встрѣченъ?» —
Конечно, — да нами онъ прежде замѣченъ. —

И вотъ — забѣлѣли еще паруса,
И націи новой явились пришельцы:
Постойте! — Пріѣзжихъ гудятъ голоса, —
По праву природы не мы-ль здѣсь владѣльцы?
Въ сосѣдствѣ тутъ наша земля-материкъ.
Оторванный лоскутъ ея здѣсь возникъ. —

Въ три царства пошли донесенья, какъ надо,
Объ островѣ чудномъ; проснулись Дворы;
Толкуютъ о найденномъ вновь Эльдорадо,
Гдѣ золото прыщетъ изъ каждой горы;
Волной краснорѣчья хлеснули Палаты,
И тонкіе скачутъ на съѣздъ дипломаты.

Съѣзжаются: сколько ума въ головахъ!
Какая премудрость у нихъ въ договорахъ!
А тамъ между тѣмъ въ ихъ родимыхъ земляхъ
Готовятся флоты, и пушки, и порохъ —
На случай. Все было средь тѣхъ уже дней,
Гдѣ эта премудрость казалась вѣрнѣй.

Лишь древность сѣдая, плѣняясь витійствомъ
Рѣчей плутоватыхъ, имъ вѣрить могла;
А впрочемъ и древле все тѣмъ-же убійствомъ,
Войной нареченнымъ, рѣшались дѣла,

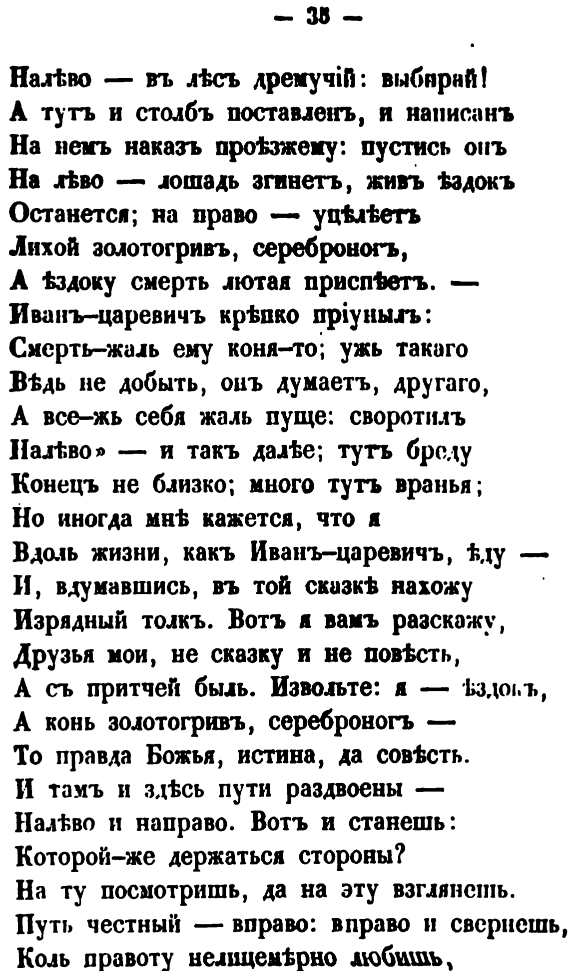
И мѣсто давали губительнымъ сценамъ
Аѳины со Спартой и Римъ съ Карѳагеномъ.

И вотъ за плѣнительный островъ борьба
Какъ разъ-бы кровавымъ котломъ закипѣла,
Но страшное зло отвратила судьба,
И лютая вспыхнуть война не успѣла:
Тотъ островъ пловучій, подъ бурный разгулъ,
Однажды средь ярых волнъ потонулъ, —

Иль, сорванъ могучимъ крыломъ урагана
Съ подводной, его подпиравшей, скалы,
Умчался въ безвѣстную даль океана,
И скрылся навѣки за тучами мглы; —
А тамъ еще длились и толки, и споры,
Готовились пушки и шли договоры.

РАСПУТІЕ.

Мнѣ памятно: какъ былъ ребенкомъ я —
Любилъ я сказки; вечеркомъ поранѣ
И прыгъ въ постель, совсѣмъ не для спанья,
А разсказать чтобы успѣла няня
Мнѣ сказку. Та, бывало, и начнётъ
Мнѣ про Иванъ–царевича: «ну вотъ» —
Старушка говоритъ — «путемъ–дорогой
И ѣдетъ нашъ Иванъ–царевичъ; конь
Золотогривый и серебропогой —
Дымъ изъ ушей, а изъ ноздрей огонь —
Стремглавъ летитъ. Да вдругъ и раздвоилась
Дорожка–то: одна тропа пустилась
Направо, въ даль, черезъ гористый край;
Другая–же тропинка своротилась

Налѣво — въ лѣсъ дремучій: выбирай!
А тутъ и столбъ поставленъ, и написанъ
На немъ наказъ проѣзжему: пустись онъ
На лѣво — лошадь згинетъ, живъ ѣздокъ
Останется; на право — уцѣлѣетъ
Лихой золотогривъ, сереброногъ,
А ѣздоку смерть лютая приспѣетъ. —
Иванъ-царевичъ крѣпко пріуныль:
Смерть-жаль ему коня-то; ужь такаго
Вѣдь не добыть, онъ думаетъ, другаго,
А все-жь себя жаль пуще: своротилъ
Налѣво» — и такъ далѣе; тутъ бреду
Конецъ не близко; много тутъ вранья;
Но иногда мнѣ кажется, что я
Вдоль жизни, какъ Иванъ-царевичъ, ѣду —
И, вдумавшись, въ той сказкѣ нахожу
Изрядный толкъ. Вотъ я вамъ разскажу,
Друзья мои, не сказку и не повѣсть,
А съ притчей быль. Извольте: я — ѣздокъ,
А конь золотогривъ, сереброногъ —
То правда Божья, истина, да совѣсть.
И тамъ и здѣсь пути раздвоены —
Налѣво и направо. Вотъ и станешь:
Которой-же держаться стороны?
На ту посмотришь, да на эту взглянешь.
Путь честный — вправо: вправо и свернешь,
Коль правоту нелицемѣрно любишь,

Да тутъ — бѣда! Тутъ самъ себя погубишь
И лишь конь безцѣннаго спасешь.
Такъ мнѣ г[illegible]ит [illegible] распутья.
Живи-жь, [illegible] ужь повернуть я
Направо — [illegible] — до небесъ....
Да думаешь: чт[illegible]я? Эво!
Себя сгубить! — [illegible]вернулъ налѣво,
Да и давай валять [illegible] лѣсъ!

ВОСПОМИНАНІЕ О КРЫМѢ.

Когда-то земли уголокъ золотой
Я видѣлъ на югѣ Россіи.
Казалось, отъ вѣка въ ладу межь собой
Тамъ дольняго міра стихіи.
Тамъ яркое солнце отъ лика земли
Сверкающихъ глазъ не отводитъ;
Тамъ море лазурною нитью вдали
Подъ самое небо подходитъ,
Вблизи-же цѣлуетъ раскатъ береговъ
И жмется у скалъ непробудныхъ,
А горы стоятъ въ серебрѣ облаковъ
Надъ глубью долинъ изумрудныхъ.
Казалось, гармоніи вѣчной залогъ
Тамъ щедрой природы объятья;

Устами ея тамъ, казалось, самъ Богъ
Вѣщаетъ всѣмъ людямъ: вы — братья!
Тамъ голосъ любви подъ наитьемъ всѣхъ благъ
И въ сердце-бъ злодѣя проникнулъ!
И будь предо мной тамъ озлобленный врагъ —
Къ нему-бъ я невольно воскликнулъ:
«Прости! Ненавидѣть тебя не могу,
Тебя презирать не умѣю» —
И кинулся-бъ я къ заклятому врагу
Съ любовью братской на шею!

И что же я вижу? — Плывутъ корабли,
Міръ стонетъ отъ бранныхъ походовъ,
И въ райскомъ уютѣ родимой земли
Устроилась бойня народовъ; —
И гдѣ умягчился-бъ дикарь и злодѣй —
Свирѣпствуютъ добрые люди;
Гдѣ звѣрь укротился-бъ, тамъ люди людей
Привѣтствуютъ ядрами въ груди,
Кровавой вражды возжигаютъ огни,
Свинцомъ оглушительно свищутъ,
И сердца въ груди другъ у друга они
Штыками и копьями ищутъ;
Наводятъ ружья или пушки жерло,
И глазъ человѣческій мѣтитъ
Не въ образъ-ли Божій, коль мѣтитъ въ чело,
Гдѣ разумъ божественный свѣтитъ?

[redacted]

И это служители Богу креста!
На помощь убійству въ сраженьяхъ
Не всѣ-ли они миролюбца-Христа,
Слѣпцы, призываютъ въ моленьяхъ?
И тамъ, гдѣ взвиваются пламя и дымъ,
Когда разгарается битва,
Не горькой-ли страшной насмѣшкой надъ Нимъ
Звучитъ эта злая молитва?

ЕГО НЕ СТАЛО.

(*Написано на смерть В. А. Каратыгина.*)

Его не стало.... Нѣтъ свѣтила Русской сцены —
Первослужителя скорбящей Мельпомены.
Плачь, Муза сирая: его ужь въ мірѣ нѣтъ.
Фингалъ, Донской, Ермакъ, Лудовикъ, Лиръ, Гамлетъ,
Цари, что изъ гробовъ имъ къ жизни вызывались,
Вторичной смертію всѣ нынѣ въ немъ скончались. —
Здѣсь ревностный деньщикъ великаго Петра,
Тамъ бѣшеный игрокъ, ревнивый Мавръ вчера,
Сегодня онъ — Король, вождь ратный иль посланникъ,
А завтра — нищій, рабъ, безумецъ иль изгнанникъ,
Тамъ въ пышной мантіи, а тутъ въ лохмотьяхъ весь,
Но истинный артистъ вездѣ — и тамъ, и здѣсь,

Съ челомъ, отмѣченнымъ печатію таланта;
Вездѣ въ немъ видѣлъ міръ глашатая-гиганта;
Въ игрѣ, исполненной и чувства, и ума,
Вездѣ онъ былъ нашъ Кинъ, нашъ Гаррикъ, наш Тальма.

Мнѣ видится театръ. Всѣ полны ожиданья.
Вдругъ — поднятъ занавѣсъ — и взрывъ рукоплесканья
Раздался: это ты, ты вышелъ, исполинъ!
Обдуманъ каждый шагъ; ряды живыхъ картинъ —
Его движенія и каждый взмахъ десницы;
Въ бровяхъ — густая мгла, гроза — изъ подъ рѣсницы
Онъ страшенъ. На лицѣ великость адскихъ мукъ.
Въ его гортани мретъ глухихъ рыданій звукъ;
Волнуемая грудь, всѣмъ слышимо, клокочетъ,
И въ хохотѣ его отчаянье хохочетъ;
Онъ блѣденъ, — онъ дрожитъ — и пѣна на устахъ,
И судорожно сжавъ въ трепещущихъ перстахъ
Сосудъ съ отравою, онъ пьетъ.... Въ оцѣпенѣньѣ
Слѣдите вы его предсмертное томленье —
Изнемогаетъ.... Палъ.... Такъ ломитъ кедръ гроза.
Онъ палъ; съ его чела вамъ смотритъ смерть въ глаза
Спускаютъ занавѣсъ. Какъ бурные порывы,
Летятъ со всѣхъ сторонъ и клики и призывы:
«Его! Его! Пусть намъ онъ явится! Сюда!»
Нѣтъ, люди, занавѣсъ опущенъ навсегда;

Кулисы вѣчности задвинулись. Не выдетъ!
На этой сценѣ міръ его ужь не увидитъ.
Нѣтъ! — Смерть, которую такъ вѣрно онъ не разъ
Во всемъ могуществѣ изображалъ для васъ,
Содѣлала его въ единый мигъ случайный
Адептомъ выспреннимъ своей послѣдней тайны.

Прости, собратъ-артистъ! Прости, со-человѣкъ!
Съ благословеніемъ нашъ просвѣщенный вѣкъ
На твой взираетъ прахъ несуевѣрнымъ окомъ
И мыслитъ: ты служилъ на поприщѣ высокомъ,
Трудился, изучалъ языкъ живыхъ страстей,
Чтобъ намъ изображать природу и людей
И возбуждать въ сердцахъ возвышенныя чувства;
Ты жегъ свой ѳиміамъ на алтарѣ искуства,
И путь свой проходилъ, при кликахъ торжества,
Земли родимой въ честь и въ славу Божества.

[redacted]

ПИСЬМА.

Посланія милой, блаженства уроки,
Прелестныя буквы, волшебныя строки,
Завѣтныя письма! — Я вами богатъ;
Всегда васъ читаю, и снова читаю,
И млѣю, и таю, и слезы глотаю,
И знаю насквозь, наизусть, наугадъ.

Любуюсь я слогомъ сихъ нѣжныхъ посланій;
Не вижу тутъ жалкихъ крючковъ препинаній;
Въ узлахъ запятыхъ здѣсь не путаюсь я:
Грамматику сердца лишь вижу святую,
Ловлю недомолвки, ошибки цѣлую
И подпись безцѣнную: вѣчно твоя.

Бывало, посланникъ, являясь украдкой,
Вручитъ мнѣ пакетецъ, скрѣпленный облаткой.

Глядь: вензель знакомый. На адресъ смотрю:
Такъ почеркъ неровенъ, такъ сизо чернило —
И ѣ не на мѣстѣ.... какъ все это мило! —
«Такъ, — это отъ.... знаю»; а самъ ужь горю.

Отъ друга, отъ брата — бѣгу, какъ отъ пугалъ,
Куда нибудь въ сумракъ, куда нибудь въ уголъ,
Читаю.... тѣ смотрятъ; я, духъ затая,
Боюсь, что и мысль мою кто нибудь слышитъ;
А тутъ мнѣ вопросы: кто это къ вамъ пишетъ? —
«Такъ — старый знакомый. Пустое, друзья.»

Въ глазахъ моихъ каждая строчка струится,
И каждая буква, вглякусь, шевелится,
Прислушаюсь: дышитъ и шепчетъ: живи!
Тутъ брызга съ пера — родъ нечаянной точки —
Родимое пятнышко милой мнѣ щёчки
Такъ живо рисуетъ предъ окомъ любви.

Хранитесь, хранитесь, блаженства уроки,
Безъ знаковъ, безъ точекъ — завѣтныя строки!
Кто знаетъ? Быть можетъ, подъ рока грозой,
Когда нибудь послѣ на каждую строчку
Сихъ тайныхъ посланій я грустную точку
Поставлю тяжелой, сердечной слезой.

БЛАГОДАРЮ ВАСЪ ЗА ЦВѢТЫ.

(посв. М. Ѳ. Ш.)

Устранивъ высокопарность
Поэтической мечты,
Проще самой простоты,
Приношу вамъ благодарность
За роскошные цвѣты,
Въ видѣ ноши ароматной,
Усладительной вполнѣ,
Съ вашей дачи благодатной
Прилстѣвшiе ко мнѣ.

Здѣсь, средь красокъ дивной смѣси
Ярко блещетъ горп-цвѣтъ,

Подъ названьемъ «барской спѣси»
Намъ извѣстный съ давнихъ лѣтъ.
Вотъ вербена — цвѣтъ волшебный:
Онъ у древнихъ славенъ былъ;
Чудо-дѣйственно-цѣлебный
На пирахъ онъ ихъ живилъ,
Кипятилъ ихъ духъ весельемъ,
Дряхлыхъ старцевъ молодилъ,
И подъ часъ любовнымъ зельемъ
Въ кровь онъ Римскую входилъ.
Чудный цвѣтъ! Въ немъ дышитъ древность;
Жгучъ какъ пламя, алъ какъ кровь,
Пламенѣетъ онъ, какъ ревность,
И сверкаетъ, какъ любовь. —
Полны прелести и ласки
Не Анютины-ли глазки
Здѣсь я вижу? — Хороши.
Сколько нѣги и души!
Вотъ голубенькая крошка —
Незабудка! Какъ я радъ!
Незабвенье — сердца кладъ.
Вотъ душистаго горошка
Вѣетъ райскій ароматъ!
Между флоксовъ, розъ и лилій
Здѣсь и ты, полей цвѣтокъ:
Здравствуй, добрый мой Василій,
Милый Вася — василекъ!

[redacted]

Сколько вѣнчиковъ махровыхъ!
Сколько звѣздочекъ цвѣтныхъ!
И созвѣздіе межь нихъ
Георгинъ пышно-головыхъ,
Переброшенныхъ давно
Въ Европейское окно,
Между множествомъ гигантскихъ
Взятыхъ за̀ моремъ чудесъ,
Изъ подъ свѣтлыхъ Мексиканскихъ
Нѣгой дышущихъ небесъ.

Я любуюсь, упиваюсь,
И признательнымъ стихомъ
За цвѣты вамъ покланяюсь, —
И хотѣлъ-бы, чтобъ цвѣткомъ
Хоть единымъ распустился
Этотъ стихъ, и вамъ явился
Хоть радушнымъ василькомъ; —
Но — перѐрванъ робкимъ вздохомъ —
Онъ боится, чуть живой,
Вамъ предстать чертополохомъ
Иль негодною травой.

КИПАРИСЪ.

На югѣ, гдѣ и лавръ съ оливой разрослись,
Манилъ къ себѣ мое вниманье кипарисъ.
Одѣтый въ темную задумчивую зелень
Молитвы шепчетъ онъ близь келій и молелень.
Порою — близь могилъ, спокойно-величавъ,
Онъ, бросивъ долу тѣнь, а рамена подъявъ
И къ небу вознося свой станъ пирамидальный,
Связуетъ горній свѣтъ со тьмой земли печальной:
Нѣмая проповѣдь! Усопшихъ здѣсь лишь прахъ,
Земля даетъ имъ тѣнь, а свѣтъ ихъ въ небесахъ. —
Но тотъ же кипарисъ—тамъ вѣрный стражъ кладбища—
Здѣсь входы украшалъ въ роскошныя жилища —
Въ чертоги богачей, и тутъ онъ былъ хорошъ.
Бывало, длинную аллею перейдёшь

И вотъ — онъ съ розою махровою сталъ рядомъ,
На прелесть обратясь могущественнымъ взглядомъ, —
И гдѣ цвѣтокъ любви свой сладкій ароматъ
Такъ неразборчиво всѣмъ предлагать былъ радъ
Ликующимъ гостямъ межь смѣхомъ и игрою,
Суровый кипарисъ подъ жесткою корою
Хранилъ свой ѳиміамъ, приличный Божеству; —
Не дѣлая помѣхъ земному торжеству,
Онъ близь пирующихъ, какъ жрецъ, въ одеждѣ тёмной:
«Пируйте», говорилъ, «съ умѣренностью скромной»,
На чаши пышныя недолговѣчныхъ розъ
Ронялъ изъ подъ кудрей святые перлы слёзъ,
И полный таинствомъ глубокаго раздумья
Порывы сдерживалъ онъ пирнаго безумья, —
И между тѣмъ, какъ паръ цвѣтовъ со всѣхъ сторонъ
Лукаво дѣйствовалъ на нервы дѣвъ и жёнъ,
Онъ въ страстный запахъ розъ и ароматъ лилейный
Степенно вмѣшивалъ свой духъ благоговѣйный,
На краски жизни тѣнь накидывалъ слегка
И вновь напоминалъ, что къ жизни смерть близка,
Что все покорствуетъ предвѣчному условью,
И при цвѣтахъ любви дышалъ онъ той любовью,
Которою дыша сомкнулъ свои уста
Распятый на тебѣ, о дерево Креста!

НЕОТВЯЗНАЯ МЫСЛЬ.

Такъ привяжется, какъ прилипнетъ
Въ [illegible] привязанн.
[illegible] въ [illegible]
И [illegible],
И [illegible]
[illegible] въ [illegible]
[illegible] въ [illegible].
[illegible]
[illegible]
[illegible] —
[illegible]
[illegible] —
[illegible].
[illegible].

[redacted]

Что ни сдѣлаю — все съ прорѣхою
Иль съ заплаткою неприглядною.
Вспомнишь прошлое: были случаи —
Сердце юное поразнѣжится,
Забурлятъ въ умѣ мысли жгучія,
И одна изъ нихъ въ душу врѣжется
И займетъ она всю головушку —
Мысль про тайную ласку дружнюю,
Аль про дѣвушку, аль про вдовушку,
Аль — на грѣхъ-бѣду — про замужнюю, —
Да какъ жаркое сердце свяжется
Съ этой думкою полюбовною —
Вся вселенная тебѣ кажется
Софьей Павловной, Ольгой Львовною;
Всюду прелести совершенныя,
Всюду милыя, да прекрасныя,
Ненаглядныя, незабвенныя!
Въ небѣ Лидіи очи ясныя
Во звѣздахъ тебѣ зажигаются,
Вѣтерокъ звенитъ Маши голосомъ,
Вѣтки дерева завиваются
Насти локоновъ мягкимъ волосомъ;
Стихъ горитъ въ умѣ съ риѳмой бѣшеной —
Стихъ откованный сердца молотомъ;
На людей глядишь, какъ помѣшанный;
Мишуру даютъ — платишь золотомъ.

Дѣло прошлое! Дѣло древности!
Сколько дѣлъ много ты разстроило!
Сколько было тоже глупой ревности!...
Да съ любовью-то хоть ужъ стоило
Пообезумствовать, покуражиться;
А теперь-то что? — Словно старикъ
Вдовъ, хилый, мысль привяжется
Худощавая, сухопарая:
Съ тѣмъ-ли встрѣтишься, съ кѣмъ ты водишься —
[illegible] изъ сказки — медъ малиновый,
[illegible] сказать не находишься!
[illegible] какой, [illegible] осиновый,
Съ [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] глубоко
Какъ въ Питерѣ въ подмосковную!
Не [illegible] и безвкусицу.
Съ [illegible] Пелагеей, съ Марьей Ильиничной,
[illegible]
[illegible]
[illegible] старая
[illegible] —
[illegible]
И [illegible] — [illegible],

[redacted]

А она въ отвѣтъ полушопотомъ:
Не узналъ меня, мой возлюбленный!
А все та-же я, только смолоду
Я жила съ тобой въ женской прелести,
Но прибавилось въ жизни холоду —
И осунулись бабьи челюсти;
Цѣловать меня не потянешься
Счастья дать тебѣ не могущую,
Да за то во мнѣ не обманешься,
Говорю тебѣ правду сущую,
И служу тебѣ вѣрной парою,
И угрюмая, и суровая,
За тобой хожу бабой старою,
А за мной идетъ баба новая:
Въ бѣлизнѣ она появляется,
И суха, суха — однѣ косточки,
А идетъ она — ухмыляется,
А коса у ней вмѣсто тросточки.
То не та коса благовонная,
Что обвитая лентой тонкою
И тройнымъ жгутомъ заплетённая
Гордо держится подъ гребенкою,
Что сушитъ, крушитъ сердце юноши,
Что — корона днемъ самопышная,
А разсыплется ко полуночи —
Покрывало сбрось: вещь излишняя!

Для двоихъ тутъ есть чѣмъ закутаться,
Да останется — сердцу ярому
Чѣмъ на вѣкъ еще перепутаться
И веревку свить мужу старому.
То не та коса! — Какъ свистящая
Сабля острая, круто-гнутая,
То коса всѣхъ косъ всекосящая;
Съ той косой идетъ баба лютая.
Нѣтъ кудрей у ней — нечѣмъ встряхивать,
Голова у ней безволосая,
Лишь косой вертѣть, да помахивать,
Любитъ бабушка та курносая.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

Я не люблю воспоминаній — нѣтъ!
О, если-бъ все, все сердце позабыло!
Пересмотрѣвъ ряды минувшихъ лѣтъ,
Я думаю: зачѣмъ все это было?

Прошедшее за мною, какъ змѣя,
Шипя, ползетъ. Его я проклинаю.
Все, что узналъ, ношу какъ бремя я
И говорю: зачѣмъ я это знаю?

Подъ разума критической лозой
Вся жизнь моя мнѣ кажется ошибкой.
На что смотрѣлъ я прежде со слезой,
Теперь смотрю съ насмѣшливой улыбкой.

Предъ чѣмъ горѣлъ я пламенемъ груднымъ,
Предъ тѣмъ стою съ бесчувственностью трупа;
О томъ, что мнѣ казалось неземнымъ,
Готовъ сказать: «какъ это было глупо!»

А для чего желалъ-бы я забыть
Минувшее? — Чтобъ сердцемъ стать моложе
И въ будущемъ возобновить все тоже,
Всѣ глупости былыя повторить, —

[illegible]
[illegible]
И тамъ продать и [illegible]
И [illegible] души.

Какъ весело пока живешь и любишь
И губишь все, что думалъ такъ любить!...
[illegible] все это погубить.
А [illegible] пока все что губишь.

[redacted]

Н. Б. ВЕЛЕЖЕВУ.

(при посылкѣ собранія стихотвореній.)

Блюститель перваго условья
Всѣхъ наслажденій жизни сей,
Вы — докторъ нашъ, вы — стражъ здоровья,
И святъ вашъ подвигъ средь людей.
Я — стихотворецъ, и на лирѣ
Дано играть мнѣ въ этомъ мірѣ —
Въ сей скудной сферѣ бытія,
Гдѣ мы живемъ, томимся, тужимъ; —
Но не гармоніи-ль мы служимъ,
Почтенный докторъ, вы и я?
Вникаетъ въ тайны механизма
Тѣлесныхъ силъ вашъ зоркій взглядъ,

Чтобъ наши струны организма
Порой настроивать на ладъ,
Чтобъ вновь онѣ, въ ихъ полномъ ходѣ,
Пристроивъ къ жизни торжеству,
Звучными пѣснями природѣ
И проникались словомъ Божеству;
Но строгимъ правиламъ науки
Соразмѣряйте вы ихъ, —
А я вложу въ рецептѣ звуки
И ихъ сливаю въ мѣрный стихъ —
И, считая, скажи хоть слово,
Хоть вновь, обдуманный въ тиши,
Встанетъ и живо и здорово
Со дна болѣзненной души.
И такъ — мы сходными тропами
Идемъ, и — вашъ слуга по гробъ —
Всюду предъ вашими стопами
Мое собранье рифмъ и строфъ,
Да служатъ вамъ порой, хоть рѣдко,
Въ любви лечащимъ онѣ.
Какъ всѣ рецепты ваши мѣтко
Всегда служили къ пользѣ мнѣ.

[redacted]

РАШЕЛЬ.

(написано послѣ появленій ея въ роляхъ Федры и Герміоны.)

Отъ береговъ тревожныхъ Сены
Предвозвѣщенная молвой
Верховной жрицей Мельпомены
Она явилась надъ Невой.
Старикъ—Расинъ взрываетъ нѣдра
Своей могилы и глядитъ:
Его истерзанная Федра
Въ вѣнцѣ безсмертія стоитъ,
Гнетома грузомъ украшеній,
Преступной страстью сожжена,
И средь неистовыхъ движеній
Античной прелести полна.

То, мнится, мраморъ въ изваяньи
Пигмаліоновски-живой
Томится въ страстномъ истязаньи
Предъ изумленною толпой.
Изъ жаркихъ устъ волной пѣвучей
Течетъ рѣчей волшебный складъ,
То металлически-гремучій
Онъ, раздробленный въ прахъ летучій,
Кипитъ и бьетъ, какъ водопадъ, —
То, просѣкаясь знойнымъ крикомъ,
Клокочетъ онъ въ избыткѣ силъ, —
То замираетъ въ гулѣ дикомъ
И вѣстъ таинствомъ могилъ.

Вотъ дивный образъ Герміоны!
Какъ отголоски бурь въ глуши,
Широкозвучны эти стоны
Пронзенной ревностью души.
Одинъ лишь разъ, и то ошибкой,
Надежда вспыхнула на мигъ,
И гордой Греческой улыбкой
Прекрасный озарился ликъ, —
И вновь ударомъ тяжкой вѣсти
Елены дщерь поражена —
Вся пламенѣетъ жаждой мести:
Троянка ей предпочтена.

[redacted]

Какъ видъ подрытаго утёса,
Что въ бездну моря смотритъ косо,
Чело громадное склоня,
Спокойно—страшенъ звукъ вопроса:
«Орестъ! Ты любишь—ли меня?»
Подъ скорбнымъ сердцемъ сжаты слёзы:
«Отмсти! Возстань за свой кумиръ!
Лети! Рази! Разрушь весь міръ!»
Взоръ блещетъ молніей угрозы —
Дрожи, дрожи, несчастный Пирръ!
Въ глухихъ раскатахъ голосъ гнѣва
Мретъ, адской гибелью гудя;
Ужасна царственная дѣва,
Какъ Эвменида.... Уходя,
Она, въ послѣднемъ вихрѣ муки,
Исполнясь мощи роковой,
Змѣисто взброшенныя руки
Взвила надъ гнѣвной головой —
И мчится — съ полотна текущей
Картиной — статуей бѣгущей —
Богиней кары громовой.

И при захваченныхъ дыханьяхъ
Театра, полнаго огнемъ,
При громовыхъ рукоплесканьяхъ
Всего, что жизнью дышитъ въ немъ,

Зашевелился міръ могильный,
Отверзлась гробовая сѣнь....
Рашель! Твоей игрой всесильной
Мнѣ зрится вызванная тѣнь:
Нашъ трагикъ, раннею кончиной
Отъ насъ оторванный, возсталъ,
И устремивъ свой взоръ орлиный
На твой тріумфъ, возтрепеталъ.
Онъ близь тебя замѣтилъ мѣсто,
Гдѣ-бъ ты могла узрѣть его
Въ лицѣ Тезея, иль Ореста,
Иль Ипполита твоего.

ВЬЮЩЕЕСЯ РАСТЕНІЕ.

…гвенною слабостью въ дольній прахъ повержено
Земле преклоняется,
…случаемъ деревомъ на пути поддержано —
На него взбирается.
…! Растенье гибкое верью перевлётною
Крѣпкій стволъ опутало.
…ймомъ въ холодную, листьевъ тканью плотною
Всю кору закутало;
…а зелье хилое къ дереву суровому,
Хилое, [illegible]:
… съ утра въ вечеру, съ ночи въ утру новому
Г[illegible] [illegible].
… [illegible] [illegible] будто-бъ не зависѣло,
Съ [illegible] [illegible],
… [illegible] [illegible], [illegible]
Д[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

Внизъ каскадомъ лиственнымъ: въ воздухѣ разбросанныхъ
Стеблей кисть богатая,
Какъ волосъ всклокоченныхъ, гребнемъ непричёсанныхъ
Густота косматая,
Свѣсилась, качается; — дерево-жь, навьючено
Этой тяжкой ношею,
Наклонилось, сгорбилось; кажется, измучено
Долей нехорошею.
Больно, грустно дереву, къ небу вмѣстѣ съ братьями
Нѣкогда подъятому,
А теперь согбенному, душными объятьями
Безпокойно сжатому.
А вѣдь съ лаской, кажется, съ дружбою, съ любовію
То растенье стелется
По стволу древесному, словно плотью-кровію
Съ нимъ радушно дѣлится:
Отъ чего-жь здѣсь видима участь невеселая,
Съ горемъ неразлучная?
Ахъ, — есть ласки горькія, есть любовь тяжелая
И пріязнь докучная.

ТРИ ВЛАСТИ РИМА.

Городъ вѣчный! Городъ славный!
Представитель всѣхъ властей!
Вождь когда-то своенравный,
Мощный царь самоуправный
Всѣхъ подлунныхъ областей!
Римъ — отчизна Сципіоновъ,
Римъ — метатель легіоновъ,
Римъ — величья образецъ,
Въ дивной кузницѣ законовъ
Съ страшнымъ молотомъ кузнецъ!
Полонъ силы исполинской
Ты рубилъ весь міръ съ плеча
И являлъ въ рукѣ воинской
Всемогущество меча.

Что-же? Съ властію толикой
Какъ судьба тебя вела?
Не твоимъ-ли, Римъ великой,
Лошадь консуломъ была?
Не средь этаго-ль Сената —
Въ семъ чертогѣ высшихъ дѣлъ —
Кругъ распутницъ, жрицъ разврата
Межъ сенаторовъ сидѣлъ?
И не твой-ли вѣнценосный
Царь-пѣвунъ звонко-голосный
Щеки красилъ и бѣлилъ,
И, рядясь женообразно,
Средь всеобщаго соблазна
Гордо за-мужъ выходилъ,
Хохоталъ, и пѣлъ, и пилъ,
И при пѣсняхъ, и при смѣхѣ
Жегъ тебя, и для потѣхи,
Въ Тибрѣ твой смиряя пылъ,
Недожженнаго топилъ,
И стрѣляя въ ускользнувшихъ,
Добивалъ недотонувшихъ,
Недострѣленныхъ травилъ? —
Страшенъ былъ ты, Римъ великой,
Но не спасся, сынъ временъ,
Ты отъ силы полудикой
Грозныхъ сѣвера племенъ.

Изъ лѣсовъ въ твои границы
Гость косматый забѣжалъ —
И воскормленникъ волчицы
Подъ мечемъ медвѣжьимъ палъ.

Городъ вѣчный! Городъ славный!
Крѣпкій мечъ твой, мечъ державный —
Не успѣлъ гиганта спасть:
Мечъ разсыпался на части, —
Но въ замѣнъ стальной сей власти
Ты явилъ другую власть.
Невещественная сила —
Сила Римскаго Двора
Ключъ отъ рая захватила
У Апостола Петра.
Новый Римъ сталъ съ небомъ рядомъ,
Сталъ онъ пастыремъ земли,
Цѣлый міръ ему былъ стадомъ,
И паслись съ поникшимъ взглядомъ
Въ этой паствѣ короли,
И клонясь челомъ къ подножью
Властелина своего,
Съ праха туфли у него
Принимали милость Божью,
Иль тряслись морозной дрожью
Подъ *анаѳемой* его.

Гробъ Господень указуя,
И гремя, и торжествуя,
Онъ сказалъ Европѣ: встань!
Крестъ на плечи! мечъ во длань! —
И Европа шла на брань
Въ Азію, подобно стаду,
Гибнуть съ вѣрою нѣмой
Подъ мечемъ и подъ чумой.
Мнится, Папа, взявъ громаду
Всей Европы въ перегибъ,
Эту ношу къ небу вскинулъ,
И на Азію низринулъ
И объ гробъ Христовъ разшибъ;
Но разшибенное тѣло,
Изцѣляясь, закипѣло
Новой жизнію, — а онъ
Самъ собой былъ изнурёнъ —
Этотъ Римъ. — Съ грозой знакомый
Міръ узрѣлъ свой тщетный страхъ:
Неумѣстны Божьи громы
Въ человѣческихъ рукахъ.
Предъ очами свѣта, явно,
Римскихъ Папъ въ тройномъ вѣнцѣ —
Пировалъ развратъ державной
Въ грязномъ Борджіа лицѣ.
Долго въ пасть любостяжаній
Римъ хваталъ земныя дани

[redacted]

И тучнѣлъ отъ дольнихъ благъ,
За даянья отпирая
Для дающихъ двери рая —
Все молчало: всталъ монахъ,
Слабый ратникъ Августинской,
Противъ силы исполинской,
И сильнѣй была, чѣмъ мечъ,
Ополчившагося рѣчь, —
И, ревнуя къ Божьей славѣ,
Рекъ онъ: «Божью благодать
Пастырь душъ людскихъ не въ правѣ
Грѣшнымъ людямъ продавать.»
Полный гнѣва, полный страха
Римъ заслышалъ рѣчь монаха,
И проклятьемъ громовымъ
Грозно грянулъ онъ надъ нимъ;
Но неправды обличитель
Вновь возсталъ, чтобы сказать:
«Намъ Божественный Учитель
Не далъ права проклинать».

Городъ вѣчный! — Чѣмъ-же нынѣ —
Новой властію какой —
Ты мечемъ иль все-святыней
Покоряешь міръ людской? —

Нѣтъ! плѣнять нашъ умъ и чувства
Призванъ къ мирной ты судьбѣ:
Всесилія жизнь искусства,
Власть изящнаго въ тебѣ.
Въ Капитоліи свой всечтимый
На рукахъ ты Тасса качалъ,
И безсмертья діадимой
Полу-мертваго вѣнчалъ.
Твой гигантъ — Микель-Анжело
Куполъ неба двинулъ смѣло
Въ куполъ храма — въ твой вѣнецъ.
Бралъ онъ творческій рѣзецъ —
И прежнія всѣ изгибы
И величія печать
Бѣло-мраморныя глыбы
Начинали вдругъ дышать;
Кисть хваталъ — и въ дивномъ блескѣ
Гласъ: «да будетъ!» — эта кисть
Превращала черезъ фрески
Въ изумительное: «бысть».
Здѣсь твой вѣчный трудъ хранится.
Перуджино ученикъ,
Что писалъ не кистью, мнится,
Но молитвой Божій ликъ;
Мнится, ангелъ, вѣя лаской,
Съ растворенной небомъ краской

[redacted]

Съ высоты къ нему спорхнулъ —
И художникъ зачерпнулъ
Смѣсь изъ радугъ и тумана,
И на стѣны Ватикана,
Посвященный въ чудеса,
Взялъ и бросилъ небеса.

Римъ! Ты много крови пролилъ
И проклятій расточилъ;
Но Творецъ тебѣ дозволилъ,
Чтобъ, безсмертный, ты почилъ
На изящномъ, на прекрасномъ,
Въ сферѣ творческихъ чудесъ.
Отдыхай подъ этимъ яснымъ
Чуднымъ куполомъ небесъ!
И показывай вселенной,
Какъ непрочны всѣ мечи,
Какъ опасенъ духъ надмѣнный, —
И учи ее, учи!
Покажи ей съ умиленьемъ
Santo padre своего,
Какъ святымъ благословеньемъ
Поднята рука его!
Прахъ развалинъ Колизея
Чужеземцу укажи:

Вотъ онъ — прахъ теперь! — скажи:
Слава Богу! — Мирно тлѣя,
Бойня дикая молчитъ.
Какъ прекрасенъ этотъ видъ,
Потому, что онъ печаленъ
И безжизненъ, — потому,
Что безмолвный видъ развалинъ
Такъ приличенъ здѣсь всему,
Въ чемъ, не въ честь былаго вѣка,
Видно звѣрство человѣка.
Пылью древности своей,
Римъ, о прошломъ проповѣдуй,
И о смерти тѣхъ людей
Наставительной бесѣдой
Жить насъ въ мірѣ научи,
Покажи свои три власти,
И, смиривъ намъ злыя страсти,
Наше сердце умягчи!
Чтобъ открыть намъ благость Божью,
Дать намъ видѣть Божество, —
Покажи надъ бурной ложью
Кроткихъ истинъ торжество!

[redacted]

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ.

Есть муки непрерывныя: не видно,
Не слышно ихъ; о нихъ не говорятъ.
Скрывать ихъ трудно, открывать ихъ стыдно;
Ихъ люди терпятъ, жмутся и молчатъ.

Зарыты въ мракъ душевнаго ненастья,
Онѣ не входятъ въ пѣснь твою, пѣвецъ.
Ихъ благороднымъ именемъ несчастья
Назвать нельзя: несчастіе — вѣнецъ —

Вѣнецъ святой, надѣтый подъ грозою,
По приговору Божьяго суда.
Несчастье — тернъ, обрызнутый слезою
Иль кровію, но грязью — никогда.

Оно идетъ, какъ буря — въ тучахъ грозныхъ
Съ величьемъ; — тутъ его и тѣни нѣтъ.
Тутъ — пошлость золъ и бѣдъ мелко-занозныхъ —
Вседневныхъ золъ и ежечасныхъ бѣдъ.

Житейскій соръ! — Едва лишь пережиты —
Одни ушли, тѣ сыплютъ пылью вновь, —
А на душѣ осадокъ ядовитый
Отъ нихъ растетъ и проникаетъ въ кровь; —

Они язвятъ подобно насѣкомымъ
И съ ними тщетна всякая борьба:
Лишь вихремъ бурнымъ, молніей и громомъ
Разноситъ ихъ могучая судьба.

ЧТО-ТО БУДЕТЪ?

предразсудковъ врагъ; но я не чуждъ гаданья
адъ тайной участью цвѣтущаго созданья,
ступающаго въ свѣтъ съ чувствительной душой
сердцемъ трепетнымъ. Что будетъ? — Боже мой!
то дѣву юную ждетъ въ этомъ мірѣ строгомъ,
огатомъ въ горестяхъ, а въ радостяхъ убогомъ?
акой ей въ жизни путь судьбой опредѣлёнъ?
то будетъ спутникъ ей? Кто будетъ этотъ *онъ*?
мнѣ хотѣлось-бы не пошлые привѣты
й дать въ приданое, но добрые совѣты,
на далекій путь снабдить ее притомъ
орожной граматой, хранительнымъ листомъ.
О рокъ земной! Смягчись: рукою всемогущей
озданью нѣжному дай свѣтлый день грядущій!» —

Такъ съ теплой просьбою взываю я къ судьбѣ:
«Не изомни цвѣтка, врученнаго тебѣ!
«Злой бурей не обидь едва разцвѣтшей розы!»—
А тамъ, отъ тихихъ просьбъ переходя въ угрозы,
Я повелительно судьбѣ въ глаза смотрю,
И пальцемъ ей грозя: такъ помни-жь! — говорю,
Какъ будто-бы она должна быть мнѣ послушна,
А та на все глядитъ спокойно, равнодушно.

[redacted]

ИСХОДЪ.

Се — Моисей повелъ народъ:
За нимъ — Египетскіе кони,
Громъ колесницъ и шумъ погони;
Предъ нимъ лежитъ равнина водъ; —
И осуждая на разлуку
Волну съ волною, надъ челомъ
Великій Вождь подъемлетъ руку
Съ ея властительнымъ жезломъ:
И море, вспѣнясь и отхлынувъ,
Сребромъ чешуйчатымъ звуча,
Какъ звѣрь взметалось, пасть разинувъ,
Щетиня гриву и рыча,
И грудь волнистую натужа,
Не зря, отколь идетъ гроза,

Вдругъ на невѣдомаго мужа
Вперило мутные глаза —
И видитъ: цѣпь съ [illegible]да сбросивъ,
Притекъ онъ, свѣт[illegible]ъ берегамъ,
Могущъ, блист[illegible]къ Іосифъ,
И Бога полнъ, ка[illegible]аамъ;
Ликъ осіянъ вѣнц[illegible]дежды;
Величье ди[illegible]ь;
Не зыблетъ вѣтръ его [illegible]дежды;
Подъ бурей тихо на плечахъ
Лежатъ власы его льняные,
И чудотворною рукой
Подъятъ надъ бездною морской
Жезлъ, обращавшійся во змія,
И въ спорѣ пламени и мглы
Ревутъ у ногъ его валы.

И се — небесной мощи полный
Надъ бездной окомъ онъ блеснулъ,
И моря трепетныя волны
Жезломъ разящимъ расхлеснулъ —
И вся пучина содрогнулась,
И въ смертномъ ужасѣ она,
Привставъ съ дымящагося дна
И возстенавъ, перевернулась,
И южный вѣтеръ, въ двѣ стѣны
И съ той и съ этой стороны

[redacted]

Валы ревущіе спирая,
Сдержалъ ихъ крѣпкою уздой,
Проникъ до дна, и въ край изъ края
Пучину моря раздирая,
Широкой взрылъ ее браздой,
И волны, въ трепетѣ испуга,
Свой тяжкій подавляя стонъ,
Взираютъ дико съ двухъ сторонъ,
Отодвигаясь другъ отъ друга,
И средь разверстой хляби водъ
Во слѣдъ Вождю грядетъ народъ, —
Грядетъ — суха его дорога;
Стихія стала вдругъ рабой:
Она узрѣла предъ собой
Того, который видѣлъ Бога.

Погоня въ слѣдъ; но туча мглы
Легла на вражескія силы;
Отверзлись влажныя могилы;
Освобожденные валы,
Не видя надъ собой угрозы,
Могущей вспять ихъ обратить,
Стремглавъ спѣшатъ совокупить
Свои бушующія слёзы,
И съ дикимъ ревомъ торжества
Вступя въ стихійныя права —

Взаимно-узнанные братья —
Другъ другу кинулись въ объятья,
И жадно сдвинувъ съ грудью грудь,
Пріяли свой обычный путь.

И прешедъ чрезъ хлябь морскую,
И погибель зря враговъ,
Пѣснь возноситъ таковую
Сонмъ Израиля сыновъ:

«Воспоемъ къ Предвѣчному:
Славно-бо прославися!
Ввергъ онъ въ море бурное
И коня и всадника.
Бысть мнѣ во спасеніе
Богъ мой — и избавися.
Пойте Безконечному:
Славно-бо прославися!

Кто тебѣ равнымъ, Боже, поставленъ?
Хощешь — и бурей дхнутъ небеса,
Море изсохнетъ: буди прославленъ!
Дивенъ во славѣ творяй чудеса!

[redacted]

Онъ дохнетъ — и смерть готова.
Кто на споръ съ нимъ стать возмогъ?
Онъ могущъ; онъ брани Богъ;
Имя Вѣчному — Егова.
Онъ карающъ, святъ и благъ;
Жнетъ враговъ его десница:
Въ безднѣ моря гибнетъ врагъ,
Тонутъ конь и колесница;
Онъ восхощетъ — и средь водъ
Невредимъ его народъ.

Громъ въ Его длани; ликъ Его ясенъ;
Солнце и звѣзды — Его словеса;
Кротокъ и грозенъ, благъ и ужасенъ:
Дивенъ во славѣ творяй чудеса!»

И въ веселіи великомъ
Со женами Маріамъ,
Оглашая воздухъ кликомъ,
Ударяетъ по струнамъ,
Въ силу Божьяго закона
Вѣщимъ разумомъ хитра
Мужа правды — Аарона
Вдохновенная сестра.
Хоръ гремитъ, текутъ напѣвы,

Раздается звонкій кликъ:
«Богъ Израиля великъ!»
Вторятъ жены, вторятъ дѣвы,
Вторятъ сердце и языкъ:
Онъ великъ!

А исполненный святыни,
Внемля звукамъ пѣсни сей,
Въ предлежащія пустыни
Тихо смотритъ Моисей.

ЛЕБЕДЬ.

Вѣтерокъ едва колышетъ
Воду въ сонныхъ берегахъ.
Статный лебедь тихо дышитъ
Въ шопотливыхъ камышахъ.
Грудь, какъ парусъ, пышно вздута,
Бѣлоснѣжна и чиста;
Шея, загнутая круто,
Гордо къ небу поднята, —
И проникнутъ упоеньемъ
Онъ, въ спокойной красотѣ,
Надъ своимъ изображеньемъ
Опрокинутымъ въ водѣ.

Что̀ такъ важно, лебедь бѣлый,
Ты глядишь по сторонамъ?

Иль свершилъ ты подвигъ смѣлый?
Иль доставилъ пользу намъ?
«Нѣтъ, — я праздно, говоритъ онъ,
Нѣжусь въ водномъ хрусталѣ,
Но не даромъ я упитанъ
Духомъ гордымъ на землѣ.
Жизнь мою переплывая,
Вѣчно вымытъ до бѣла,
Я плыву — и грязь земная
Не пятнаетъ мнѣ крыла.
Отряхнусь — и сухъ я стану,
Встрепенусь — и серебристъ,
Запылюсь — я въ волны пряну,
Окунусь — и снова чистъ.
На брегу пустынно-дикомъ
Человѣка я встрѣчалъ
Иль нестройнымъ, гнѣвнымъ крикомъ,
Иль таился и молчалъ, —
И какъ голосъ мой чудесенъ
Не узнаетъ онъ вовѣкъ:
Онъ не стòитъ сладкихъ пѣсенъ —
Злобный, жалкій человѣкъ.
Но — въ мигъ смертный, въ сладкой мукѣ,
Я, прильнувъ къ моимъ водамъ,
Вдохновенной пѣсни звуки
Прямо небу передамъ.

Завѣщаю, въ память свѣту,
Я не злато, не сребро,
Но изъ крылій дамъ поэту
Чудотворное перо, —
И блаженный мой наслѣдникъ
Да почтитъ меня хвалой,
И да будетъ онъ посредникъ
Между небомъ и землёй!
Туча думъ найдетъ: могучій
То перо возьметъ — пора!
И подъ мглою думной тучи
Брызнутъ молніи созвучій
Съ лебединаго пера. —
Отъ груди моей остылой,
Гдѣ виталъ летучій духъ,
Въ изголовье дѣвѣ милой
Я оставлю мягкій пухъ, —
И когда любовь отгонитъ
Сонъ отъ дѣвственныхъ очей,
На него слезу уронитъ
Дѣва въ сумракѣ ночей,
Косъ віющихся змѣями
Этотъ пухъ переплететъ,
Обовьетъ его руками,
И прильнетъ къ нему устами
И къ груди его прижметъ,

И огнемъ ея дыханья
Этотъ пухъ начнетъ дышать,
И на персей колыханья
Колыханьемъ отвѣчать.

Я исчезну, — и средь влаги,
Гдѣ нырялъ я, полнъ отваги,
Не увидитъ міръ слѣда;
Но на мѣстѣ, гдѣ плескаться
Такъ любилъ я иногда,
Будетъ тихо отражаться
Ночи мирная звѣзда.

ГРУСТНАЯ ПѢСНЯ.

Плохо! Чѣмъ живется долѣ,
Тѣмъ живется хуже.
Пріютился-бъ въ горькой долѣ
Сердцемъ, — да̀ къ кому-же?

Бродишь старымъ сиротою;
Всѣ мнѣ какъ-то чужды;
Какъ живу и что̀ со мною —
Никому нѣтъ нужды.

Есть у Божьей церкви, съ краю,
Тихая могила.
Тамъ лежитъ одна — я знаю:
Та меня любила.

Не за то, чтобъ точно было
Все во мнѣ такъ мило,
А за то меня любила,
Что меня родила.

Понуренная, больная,
Дряхлая, бывало,
Тужишь, ищешь ты, родная:
«Гдѣ дитя пропало?»

А сынокъ твой одурѣлый
Рыскалъ все по свѣту;
Смотришь: нѣтъ его день цѣлый,
Да и къ ночи нѣту.

Бѣдной матери не спится;
Слезъ полна подушка:
«Мало-ль можетъ что случиться?»
Думаетъ старушка.

«Страшенъ ворогъ неключимый
Въ эдакую пору
Не попался-ли родимый
Лиходѣю-вору?

Не ограбили-ли сына?
Живъ-ли онъ желанный?» —
Чу! Идетъ домой дѣтина,
Словно окаянный —

Встрепанъ, блѣденъ, смотритъ дико,
Волосъ въ безпорядкѣ, —
Самъ трясется вѣсь.... поди-ка:
Вѣрно въ лихорадкѣ!

Да, онъ боленъ, онъ разслабленъ,
Онъ ужаленъ змѣемъ,
А пожалуй и ограбленъ —
Только не злодѣемъ,

А разбойницей-злодѣйкой,
Рѣзвою дѣвчонкой,
Съ черной бровью, съ бѣлой шейкой,
Съ трелью рѣчи звонкой.

Лишь закинула словечко —
И поддѣла разомъ
Изъ груди его сердечко,
Изъ подъ шапки разумъ;

Всю въ немъ душу возмутила
　　Дьявольскимъ соблазномъ,
И домой его пустила
　　Въ видѣ безобразномъ.

А сама....и горя мало!
　　Жалости ни крошки!
Такъ и пляшетъ съ кѣмъ попало,
　　Только брызжутъ ножки.

Я-жь лежу, горю и таю,
　　Думаю: кончина!
И за грудь себя хватаю —
　　То-то дурачина!

Мать горюетъ; слезы сжаты;
　　Смотритъ на больнаго,
Говоритъ: напейся мяты
　　Иль чайку груднаго!

Эхъ, родная! — отвѣчаю:
　　Что̀ тутъ чай и мята,
Гдѣ отрады я не чаю,
　　Гдѣ душа измята? —

Чу! звонятъ. Гляжу: могила!
И мой жребій понятъ.
Лишь одна меня любила,
Да и ту хоронятъ.

И замкнулася тоскою
Жизнь моя блажная.
Ты зовешь меня къ покою:
Подожди, родная!

ЧУВСТВО.

Подумаешь, къ чему всѣ эти бури —
Гроза страстей? — Мнѣ такъ легко съ тѣхъ п
Какъ на тебя упалъ мой бѣдный взоръ
И плавать сталъ очей твоихъ въ лазури.
Мнѣ кажется — я такъ тебя люблю,
Такъ хорошо мнѣ было-бы съ тобою,
Такъ по себѣ, что я съ моей судьбою
Поладила-бы и на душу мою
Сошла-бы та спокойная отрада,
То тихое довольство добрыхъ душъ,
Котораго не тронь, не нарушь —
И ничего ужъ болѣе не надо!

[redacted]

Я ЗНАЮ.

Я знаю: томлюсь я напрасно;
Я знаю: люблю я безплодно;
Ея равнодушье мнѣ ясно,
Ей сердце мое — неугодно.

Я нѣжныя пѣсни слагаю,
А ей и внимать недосужно;
Ей, всѣми любимой, я знаю,
Мое поклоненье не нужно.

Рѣшенье судьбы неизмѣнно.
Не также-ль средь жизненной битвы
Мы молимся небу смиренно, —
А нужны-ли небу молитвы?

[redacted]

СМѢЙТЕСЬ!

Еще недавно мы знакомы,
Но я ужь долженъ вамъ сказать,
Что вы усвоили пріёмы,
Чѣмъ можно сердце потерзать;
Вы вникли въ милое искуство
Пощекотать больное чувство,
Что-бъ послѣ, подъ его огнемъ,
Свои фантазіи на немъ
Съ прегармоническимъ расчётомъ
Такъ ловко, вѣрно, какъ по нотамъ,
Слегка разыгрывать, смѣясь:
Вездѣ вамъ музыка далась!
Вы проходили эту гамму, —
И съ страшной злостью васъ любя,
Въ угоду вамъ, я самъ себя
Готовъ поднять на эпиграмму.

Сквозь грани радужныя призмъ
Смотрѣть ужь поздно мнѣ, конечно;
Да, — сознаюсь чистосердечно:
Мои мечты — анахронизмъ.
О, смѣйтесь, смѣйтесь смѣхомъ живымъ!
Не правда-ль — чувство такъ смѣшно?
Ему всегда иль быть забавнымъ
Иль жалкимъ въ мірѣ суждено.
Простите! Я вернусь къ разсудку....
Когда-жь мы встрѣтимся опять —
Мы обратимъ все это въ шутку
И будемъ вмѣстѣ хохотать.

ВОСПОМИНАНІЕ

(посвящено памяти Жуковскаго и Пушкина.)

И Жуковскій отлетѣлъ отъ міра;
Кончена молитва этой жизни;
Пережитъ онъ нами — чудный старецъ
Вѣчно-юный. — Онъ былъ представитель
Чистаго стремленія души
Къ неземной, божественной отчизнѣ;
Взоръ его сіялъ тѣмъ кроткимъ свѣтомъ,
При которомъ такъ просторно мыслямъ,
Такъ отрадно сердцу, такъ тепло;
На челѣ задумчивость святая
Тихо почивала; райской гостьей
Прилетала на уста поэта
Мирная улыбка, чтобъ на нихъ
Отдохнуть подъ свѣжей тѣнью грусти —

Вѣстники другаго назначенья,
На лицѣ его изпечатлѣнной.
Рѣчь его таинственно текла
Изъ душевной глубины, подъемлясь
Легкимъ паромъ мощнаго вулкана,
Въ думу погруженнаго, который
Скрылъ свой пламень въ потаенныхъ нѣдрахъ,
Чтобъ земли напрасно не колебля,
Лишь слегка дымящимся дыханьемъ
Возвѣщать ей о великой силѣ,
Самовластно сжавшей свой порывъ, —
Тихимъ звукомъ намекать о громѣ,
Намъ неслышномъ. — Помню я собранья
Подъ его гостепріимнымъ кровомъ —
Вечера Субботнія: рѣкою
Наплывали гости и являлся
Онъ — черноку̀дрявый, огнеокій,
Пламенный Онѣгина создатель,
И его веселый, громкій хохотъ
Часто былъ шаговъ его предтечей;
Меткій умъ сверкалъ въ его разсказѣ;
Быстроподвижныя черты лица
Измѣнялися непрерывно; губы,
И въ молчаньи, жизненнымъ движеньемъ
Обличали вѣчную кипучесть
Крупной мысли. Часто ѣдкой злостью

[redacted]

Остріе играющаго слова
Оправлялъ онъ; но и этой злости
Было прямодушіе основой —
Благородство творческой души,
Мучимой, тревожимой, язвимой
Низкими явленьями сей жизни.

Какъ теперь гляжу на нихъ обоихъ —
На того и этого. *Одинъ*
Весь проникнутъ таинствомъ мечтанья,
Не легко могъ ладить съ этой жизнью,
Съ этою существенностью, гдѣ
Иногда вмѣняютъ въ преступленье
И мечту святую. Оторваться
Трудно было жертвоносцу Музы
Отъ завѣтной думы, отъ приманки
Тайной мысли — даже и тогда,
Какъ бывалъ онъ въ чинной рамѣ свѣта,
Гдѣ поэту надо спрятать душу,
Чтобъ спастись порою отъ насмѣшки
Жалкой и тупой, но ядовитой.
Въ мірѣ, гдѣ и добродѣтель даже
Невсегда терпима и умѣстна,
Въ этомъ мірѣ, гдѣ она должна
Время знать и появляться кстати,
Неизбѣжны тяжкія боренья
Для души, прекраснымъ увлеченной.

Но пѣвецъ Ундины могъ за то
Ладить самъ съ собою: въ глубинѣ
Теплой вѣры, съ глазу на глазъ съ сердцемъ,
Будучи земли сей милымъ гостемъ,
Онъ умѣлъ и здѣсь, въ гостяхъ, быть дома, —
И сгущенный мракъ земной невзгоды
Въ мощной ширинѣ души поэта
Долженъ былъ рѣдѣть и уясняться,
Разрѣшался въ туманъ прозрачный,
Озаренный радугой фантазій.
Страсть его въ молитву обращалась,
Въ ѳиміамъ и жертву Божеству.

А *другой* — стать властелиномъ жизни
Былъ способенъ, силой крѣпкой воли
Отрѣшиться отъ мечты порою
И взглянуть на вещи мѣткимъ взоромъ,
Проницающимъ и самый камень,
Свѣтомъ называемый: за то
Совладать съ собою было трудно
Этому гиганту; — съ бурнымъ чувствомъ —
Съ этимъ Африканскимъ ураганомъ —
Онъ себя не могъ преодолѣть.

Но земное рѣзкое несходство
Двухъ поэтовъ — ихъ не удалило.

Другъ отъ друга: общій признакъ Бога —
Вдохновенье (*) — ставило ихъ рядомъ
Подъ одно божественное знамя,
Братской дружбой руки ихъ смыкая. —
Отъ чего-жь, я думаю порой,
Межь людьми горятъ вражда и злоба?
Ратники несходныхъ вѣръ и мнѣній,
Разныхъ силъ, въ вооруженьяхъ разныхъ —
Развѣ не должны они, какъ братья,
Узнавать другъ друга по призванью,
Ясному въ значеньи человѣка?
Не одно-ль надъ ними вѣетъ знамя —
Божье знамя? Не къ одной-ли битвѣ
Противъ зла — единаго врага —
Ополчилъ ихъ вѣчный Вождь небесный?

Помню: уѣзжая въ край далекій,
Гдѣ ждала невѣста молодая
Нашего Жуковскаго, онъ молвилъ:
«Вотъ — нашелъ я Музу на землѣ.
«Ѣду къ ней подъ золотое небо.
«Тамъ я кончу поприще земное.

(*) Выраженіе Пушкина въ разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ.

«Вспоминайте обо мнѣ! Простите!»
Онъ уѣхалъ. Много дней промчалось.
Тамъ — въ Германіи — полу-родной
Нашему мечтателю, въ отчизнѣ
Шиллера, котораго намъ, Русскимъ,
Воссоздалъ онъ, чью живую душу
Изъ своей всеемлющей души
Перелилъ въ доступное намъ слово, —
Тамъ — въ бесѣдѣ съ мудрецомъ-Гомеромъ
Жилъ онъ, и божественнаго старца
Воспріемля вѣщіе разсказы,
Отражалъ ихъ намъ въ волшебныхъ звукахъ
Русскаго гекзаметра и вѣялъ
Въ сердце наше Греческою жизнью.
Такъ себя онъ продолжалъ и кончилъ.

Тотъ — кипучій, прежде отлетѣвшій
Въ лучшій міръ, безвременною смертью
Сорванъ былъ, когда поэта геній
Лишь вполнѣ развилъ свою могучесть.
Онъ широкимъ, львинымъ перескокомъ
Въ вѣчность перенесся, до конца
Вѣрный быстротѣ своихъ движеній.
Вдругъ сказалъ онъ: «кончено», — и бросивъ
Намъ свой прахъ, душой воспрянулъ къ небу.
Этотъ — отъ своихъ единоземцевъ
Въ удаленьи — долго испарялся.

[redacted]

Чистымъ воздымаясь ѳиміамомъ.
Онъ, вдали, какъ призракъ свѣтоносный,
Болѣе и болѣе терялся
Въ глубинѣ безоблачнаго неба,
И какъ звукъ, Эоловою арфой
Изнесенный, замирая сладко,
Утихалъ онъ, — и — конца не слышно:
Онъ, и исчезая, продолжился.

Тотъ хотѣлъ какъ будто-бъ — самой смертью
Вдругъ расторгнуть вѣчную преграду,
Что живыхъ отъ мертвыхъ отдѣляетъ, —
Распахнуть намъ настежь эти двери
И открыть надъ міромъ въ полномъ блескѣ
Неба свѣтозарнаго пучину.
Этотъ, мнится, возносясь, хотѣлъ лишь
Отодвинуть только край завѣсы,
Между небомъ и землей простертой,
Чтобъ не вдругъ сіяніемъ безмѣрнымъ
Поразить намъ нѣмощныя очи,
Къ сумраку привыкшія земному.

И его не стало.... Нѣтъ обоихъ!
Ихъ не стало; но святые звуки
Лиръ ихъ сладкострунныхъ вѣчно живы.
Тотъ намъ въ душу пламенные ямбы

Мечетъ, и упругой сталью слова
Проводя глубокія бразды
По сердцамъ, оледенѣть готовымъ,
Вспахиваетъ почву, обжигая
Корни закоснѣлые, и зёрна
Вбрасываетъ мысли плодотворной
И живаго, трепетнаго чувства
Въ этотъ прахъ, побѣги вызывая
Чудной жизни изъ юдольной грязи.
Этотъ — льется звучными слезами
Жаркими, истекшими изъ сердца,
Гдѣ горитъ огонь неугасимый,
Но въ земной прохладной атмосферѣ
Освѣжаясь, падаютъ онѣ,
Какъ роса, на грудь земли несчастной,
Чтобъ ее, изсохшую, увлажить,
Умягчить и утолить ей жажду,
А потомъ онѣ восходятъ снова
Легкимъ паромъ, смѣшаннымъ съ дыханьемъ
Иль орошенныхъ злаковъ дольнихъ
И цвѣтовъ, въ свое родное небо —
Къ вѣчному истоку своему.

[redacted]

СНОВИДѢНІЕ.

(*Написано послѣ посѣщенія Гостилицъ.*)

Мнѣ видѣлся сонъ — упоительный сонъ.
Мнѣ снилось: изъ пыли враждебной
Чрезъ море и сушу я былъ унесёнъ
И замокъ предсталъ мнѣ волшебный.
Красиво смотрѣлъ онъ съ своей высоты
На прелесть природы окрестной;
Лаская его обнимали цвѣты
При блескѣ лазури небесной.
Въ фонтанахъ, въ каскадахъ, подъ солнца лучемъ
Вода говорливо рѣзвилась,
То била изъ грота студенымъ ключемъ,
То озеромъ свѣтлымъ ложилась, —

И птичка, взлетая, веселую трель
Въ пространствѣ небесъ выводила,
А въ водномъ потокѣ играла форель
И стерлядь степенно ходила: —
Роскошные виды со всѣхъ тамъ сторонъ
Являлись несытому зрѣнью;
Привѣтно кивали и ясень и клёнъ
Вѣтвями съ отрадною тѣнью.
Разумный владѣлецъ все самъ насадилъ,
Самъ доброй рукою посѣялъ,
И каждый изсохшій сучекъ отдѣлилъ
И свѣжую вѣтку взлелѣялъ, —
И съ нѣжной заботой ходилъ онъ окрестъ,
Призыву хозяйства послушно, —
И чудные виды плѣнительныхъ мѣстъ
Указывалъ гостю радушно.
Все было прекрасно! Но лучше всего,
Что тамъ озаряла денница,
И лучше всѣхъ видовъ, и замка того,
Была того замка царица.
Живой, христіанской, святой теплоты
Являлось въ очахъ ея много,
И кроткаго лика сіяли черты
Глубокою вѣрою въ Бога,
И ясно ея выражало чело
Дѣлъ добрыхъ прекрасную повѣсть,

[redacted]

И сердцу при ней становилось тепло,
Цѣлилась молитвою совѣсть.
Исчезнулъ мелькнувшій мнѣ сладостный сонъ,
Но сердце его сохранило, —
И думаю: Боже! какъ ясенъ былъ онъ!
Да полно во снѣ-ль это было?

ПОСЛѢ ПОХОРОНЪ А. А. К.

ушелъ отъ нашей кутерьмы.
го похоронили мы.
лъ; онъ жилъ.... Но жить нужна сноровка,
жилъ и дѣйствовалъ неловко,
[illegible] берегся цѣлый вѣкъ —
рѣшилъ тяжелый человѣкъ!
всемъ своеобразно мыслилъ:
го себя къ чудакамъ причислилъ.
ежеву нѣжно и добра
гдѣ могъ — сознаться въ томъ пора! —
его творилъ рукой негибкой,
ражалъ притворною улыбкой,
валъ совѣтомъ, хоть благимъ
дымъ, но жесткимъ и тупымъ.

Послѣднее казалось и не нужно!
Выслушивать мораль намъ недосужно;
Иной его за это осудилъ, —
Такъ и добромъ онъ намъ не угодилъ.

Онъ честенъ былъ; читалъ; любилъ науку,
Поэзію; — себѣ не грѣлъ онъ руку
Чужимъ добромъ, когда и случай былъ —
Такой чудакъ! — Бывало, говорилъ,
Что ежели на это покуситься,
То надобно ему тѣхъ благъ лишиться,
Которыми онъ осчастливленъ такъ,
Когда сидитъ за книгою: чудакъ!
Поэтому, средь книгъ ему утѣшныхъ,
Доходовъ онъ, подъ именемъ безгрѣшныхъ
Извѣстныхъ намъ, какъ язвы избѣгалъ,
И, странностями полный, полагалъ,
Что эдакъ за житейскую удобность
Продашь души священную способность
Высокимъ наслаждаться. — Противъ зла
Его душа въ борьбѣ изнемогла,
И въ немъ еще задолго до могилы
Разстроились всѣ жизненныя силы
И мысли свѣтъ померкнулъ. Умеръ онъ:
Немного лицъ къ обряду похоронъ
Пріѣхало; — забыли иль не знали,
И, можетъ быть, съ ужимкою сказали,

подумаешь — и какъ-то гру(
Да, точно, онъ былъ странен
Порой тяжелъ, но — человѣкъ
По совѣсти намъ не сказать,
Что многое въ немъ было так
И многое — глубоко-человѣчн

[redacted]

ПРОМЕТЕЙ.

Стянутъ цѣпію желѣзной
Кто, съ безсмертьемъ на челѣ,
Надъ разинутою бездной
Пригвожденъ къ крутой скалѣ?
То Юпитеромъ казнимый
Съ похитительнаго дня —
Прометей неукротимый,
Тать небеснаго огня!
Цѣпь изъ кузницы Вулкана
Въ члены мощнаго Титана
Вгрызлась; рѣзкое кольцо
Сводитъ выгнутыя руки;
Съ выраженьемъ гордой муки
Опрокинуто лицо;

«Успокойся!» — вдругъ онъ слышитъ —
Точно воздухъ говоритъ, —
«Успокойся — и смиреньемъ
Гнѣвъ Юпитера смири!
Бѣдный узникъ! Говори,
Подѣлись твоимъ мученьемъ
Съ нами вольными: за что
Ты наказанъ, какъ никто
Изъ безсмертныхъ не наказанъ?
Ты узломъ желѣзнымъ связанъ
И прикованъ на землѣ
Къ этой сумрачной скалѣ.» —

Вамъ доступно состраданье, —
Началъ онъ, — внимайте-жь мнѣ,
И мое повѣствованье
Скройте сердца въ глубинѣ!
Межь богами, въ ихъ совѣтѣ,
Разъ Юпитеръ объявилъ,
Что весь родъ людской на свѣтѣ
Истребить онъ разсудилъ.
«Родъ, подобный насѣкомымъ!
Люди! — рекъ онъ, — жалкій родъ!
Я васъ молніей и громомъ
Разражу съ моихъ высотъ.
Недостойныя творенья!

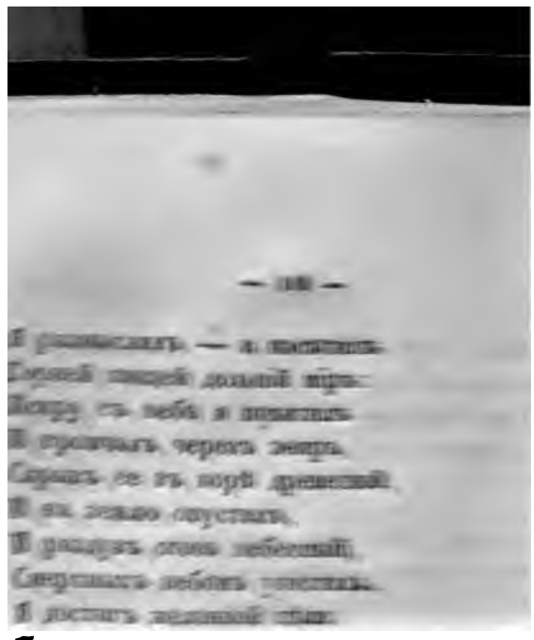
Незамѣтно въ васъ стремленья
Къ свѣтлой области небесъ;
Нѣтъ въ васъ выспренняго чувства;
Васъ не двигаютъ искуства;
Весь вашъ міръ — дремучій лѣсъ.» —
Молча, сонмъ боговъ безгласныхъ,
Громоносному подвластныхъ,
Симъ словамъ его внималъ,
Всѣ склонились — я возсталъ.
О, какъ гнѣвно, какъ сурово
Онъ взглянулъ на мой порывъ!
Онъ умолкъ, я началъ слово:
Грозный! ты несправедливъ.
Страшный замыслъ твой — обида
Правосудью твоему:
Ты-ли будешь врагъ ему?
Грозный! Мать моя — Ѳемида
Мнѣ вложила въ плоть и кровь
Къ правосудію любовь.
Гдѣ-же жить оно посмѣетъ,
Гдѣ-же мѣсто для него,
Если правда онѣмѣетъ
У престола твоего? —
Насѣкомому подобенъ
Смертный въ свой короткій вѣкъ,
Но и къ творчеству способенъ
Этотъ бренный человѣкъ.

[redacted]

Вспомни міра малолѣтство!
Силы спятъ еще въ зернѣ.
Погоди! Найдется средство —
И воздѣйствуютъ онѣ. —

Я сказалъ. Онъ сталъ ворочать
Стрѣлы рдяныя въ рукахъ!
Гнѣвъ висѣлъ въ его бровяхъ:
«Я готовъ мой громъ отсрочить!»
Возгласилъ онъ — и возсталъ.

Громъ отсроченъ. Льется время.
Какъ спасти людское племя?
Непрерывно я искалъ.
Чѣмъ въ суровой ихъ отчизнѣ
Двигнуть смертныхъ къ высшей жизни?
И загадка для меня
Разрѣшилась: дать огня!
Дать огня имъ — крошку свѣта —
Искру въ пеплѣ и золѣ —
И воспрянетъ разогрѣта
Жизнь иная на землѣ.
Въ дольнемъ прахѣ, въ дольнемъ хламѣ
Искра та горѣть пойдетъ,
И торжественное пламя
Небо заревомъ зальетъ.

Я размышлялъ — и постигалъ
[illegible] [illegible] дольній міръ
[illegible] съ небѣ и [illegible]
И [illegible] черезъ [illegible]
[illegible] ее въ порѣ [illegible]
И на землю опускалъ,
И [illegible] огонь небесный,
[illegible] [illegible] [illegible]
Я достигъ [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] —
[illegible] [illegible] [illegible].
[illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible], [illegible] [illegible].
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible].
[illegible] [illegible] [illegible].
[illegible] [illegible] [illegible].
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible].
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] брызгами:
Въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]:
[illegible] [illegible] подъ [illegible].
[illegible] въ [illegible] стремилися;
[illegible] съ [illegible] [illegible].

И паря надъ темнымъ дномъ
Въ море вдался волнорѣзомъ
Лѣсъ, прохваченный желѣзомъ,
Окрыленный полотномъ.
Лиръ серебряныя струны
Гимнъ воспѣли небесамъ,
И въ восторгѣ стали юны
Старцы, внявъ ихъ голосамъ.
Вотъ за что̀ я на терзанье
Пригвожденъ къ скалѣ земной!
Эти цѣпи — наказанье
За высокій подвигъ мой.
Мнѣ предвѣдѣнье внушало,
Что меня постигнетъ казнь,
Но меня не удержала
Мукъ предвидѣнныхъ боязнь,
И съ Юпитерова свода
Жребій мой меня послалъ,
Чтобъ для блага смертныхъ рода
Я, безсмертный, пострадалъ. —

Полный муки непрерывной
Такъ вѣщалъ страдалецъ дивный,
И внимая рѣчи той
Нимфы легкія на волѣ

Объ его злосчастной долѣ
Нѣжной плакали душой,
И на язвы Прометея,
Какъ прохладнымъ вѣтеркомъ,
Свѣжихъ устъ дыханьемъ вѣя,
Цѣловали ихъ тайкомъ.

[redacted]

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О КРЫЛОВѢ

(*при воздвигнутомъ ему памятникѣ.*)

Довольно и бѣглаго взгляда:
Возсѣлъ — вы узнали безъ словъ —
Средь зелени Лѣтняго Сада
Отлитый изъ бронзы Крыловъ, —
И видимо въ думѣ глубокъ онъ,
И что́-бъ то за дума была —
Подслушать навѣсился локонъ
На умную складку чела.
Разогнута книга; страницу
Открылъ себѣ дѣдушка нашъ,
И ловко на льва иль лисицу
Намѣченъ его карандашъ. —
У ногъ баснописца во славѣ
Разсыпанъ звѣрей его міръ:

Квартетъ въ его полномъ составѣ,
Ворона, добывшая сыръ,
И львы и болотныя твари,
Пѣтухъ надъ жемчужнымъ зерномъ,
Мартышекъ лукавыя хари,
Барашки съ пушистымъ руномъ.
Не вся-ль тутъ животность предстала,
Металломъ себя облила
И группами вкругъ пьедестала
Къ ногамъ чародѣя легла?

Вы помните, люди: межь вами
Жилъ этотъ маститый старикъ,
Правдивыхъ уроковъ словами
И жизненнымъ смысломъ великъ.
Какъ мѣткій былъ взглядъ его ясенъ!
Какія вамъ истины онъ
Развертывалъ въ образахъ басенъ,
На притчи Творцемъ умудрёнъ!
Умѣлъ-же онъ истины эти
Въ такую одежду облечь,
Что разомъ смекали и дѣти
О чемъ ведетъ дѣдушка рѣчь.
Представилъ онъ матушкѣ-Руси
Разсказъ про гусиныхъ дѣтей,
И слушали глупые гуси —
Потомки великихъ гусей.

При баснѣ его о сосѣдѣ
Сосѣдъ на сосѣда кивалъ,
А притчу о Мишкѣ-медвѣдѣ
Съ улыбкой самъ Мишка читалъ.
Пріятно и всѣмъ безобидно
Жилъ дѣдушка, правду рубя.
Иной.... да вѣдь было-же стыдно
Узнать въ побасенкѣ себя!
И кто предъявилъ-бы, что колки
Намеки его на волковъ,
Тотъ самъ напросился-бы въ волки,
Признался-бъ, что самъ онъ таковъ.
Онъ создалъ особое царство,
Гдѣ умнаго дѣда перо
Карало и злость и коварство,
Вѣнчая святое добро.
То царство звѣринаго рода:
Все левъ иль орелъ его царь,
Какой-нибудь слонъ — воевода,
Плутовка-лиса — секретарь;
Тамъ жадная щука — исправникъ,
А съ парой предлинныхъ ушей
Всеобщій знакомецъ — наставникъ,
И набранъ совѣтъ изъ мышей.
Вѣдь, кажется, все небылицы:
Съ котломъ тамъ дружится горшокъ
И сшитый изъ старой тряпицы

Въ великомъ почетѣ мѣшокъ;
Тамъ есть говорящія рѣки
И въ спорѣ съ ручьемъ водопадъ,
И словно какъ мы — человѣки —
Тамъ камни, пруды говорятъ.
Кажись, баснописецъ усвоилъ
Чего въ нашемъ мірѣ и нѣтъ;
Подумаешь — старецъ построилъ
Какой фантастическій свѣтъ,
А послѣ, когда оглядишься
Въ дѣйствительномъ мірѣ кругомъ —
Всей мѣткости правды дивишься
Захваченной дѣда стихомъ,
И бездну житейскаго толка
Найдешь въ его складныхъ рѣчахъ.
Увидишь двуногаго волка
Съ ягненкомъ на двухъ-же ногахъ;
Тамъ въ перьяхъ павлиньихъ по модѣ
Воронья распущена спѣсь,
А вотъ и оселъ въ огородѣ:
«Здорово, пріятель, ты здѣсь.»
Увидишь тѣхъ въ горькихъ утѣхахъ,
А эту въ почетной тоскѣ:
Беззубую бѣлку въ орѣхахъ
И пляшущихъ рыбъ на пескѣ, —
И взоръ наблюдательный встрѣтитъ
Тамъ — рыльце въ пушку, тамъ — судью,

Что, дѣлъ не касаяся, мѣтитъ
На первое мѣсто въ раю.
Мы всѣ въ этихъ басняхъ; намъ больно
Признаться, но взявъ хоть въ займы
Крыловскую правду, невольно,
Какъ волъ, здѣсь мычу я: «и мы!»
Самъ грѣшенъ я, всѣмъ возвѣщаю:
Нерѣдко читая стихи,
Друзей я котломъ угощаю
Демьяновой страшной ухи.

Довольно и бѣглаго взгляда:
Возсѣлъ — вы узнали безъ словъ —
Средь зелени Лѣтняго Сада
Отлитый изъ бронзы Крыловъ, —
И станутъ мелькать мимоходомъ
Предъ ликомъ пѣвца своего
Съ текущимъ въ аллеѣ народомъ
Ходячія басни его:
Пойдутъ въ человѣческихъ лицахъ
Козлы, обезьяны въ очкахъ;
Подъѣдутъ и львы въ колесницахъ
На скачущихъ бурно коняхъ;
Примчатся въ каретахъ кукушки,
Рогатые звѣри придутъ,
На памятникъ дѣда лягушки,
Вздуваясь, лорнетъ наведутъ, —

И въ Клодта живыхъ изваяньяхъ
Увидятъ подобья свои,
И въ сладостныхъ дамъ замѣчаньяхъ
Раздастся: «mais oui, c'est joli.»
Порой подойдетъ къ великану
И сѣрый кафтанъ съ бородой
И скажетъ другому кафтану:
«Митюха! сынишко-то мой
Читаетъ про Мишку, Мартышку
Давно ужь, — понятливъ, хоть малъ:
На память всю вызубрилъ книжку,
Что этотъ старикъ написалъ.» —
О, если-бъ былъ въ силахъ нагнуться
Безсмертный народу въ привѣтъ!
О, если-бъ хоть могъ улыбнуться
Задумчивый бронзовый дѣдъ!
Нѣтъ, — тою-жь все думою полный
Надъ группой звѣриныхъ головъ
Зримъ будетъ недвижный, безмолвный
Изъ бронзы отлитый Крыловъ.

[redacted]

ДІОНИСІЙ И ФИЛОКСЕНЪ.

Вступаетъ — на диво и смѣхъ Сиракузамъ —
Тиранъ-Діонисій въ служители Музамъ:
Онъ лиру хватаетъ, онъ пишетъ стихи; —
Но Музы не любятъ тирановъ холодныхъ:
Творитъ онъ лишь груды рапсодій негодныхъ,
Исполненныхъ вялой, сухой чепухи.

Читаетъ. Въ собраньи всѣ внемлютъ съ боязнью.
Зѣвать запретилъ онъ подъ смертною казнью,
Лишь плакать дозволилъ, а тѣ наконецъ
Зѣвоту съ такимъ напряженьемъ глотаютъ,
Что крупныя слезы изъ глазъ выступаютъ,
И видя тѣ слезы доволенъ пѣвецъ.

Вотъ, думаетъ, тронулъ! — Окончилось чтенье
Кругомъ восклицанья, хвалы, одобренье —
«Прекрасно!» — И новый служитель Каменъ,
Чтобъ выслушать судъ знатока просвѣщенный,
Зоветъ — и приходитъ къ нему вдохновенный
Творецъ диѳирамбовъ, поэтъ — Филоксенъ.

«Я снова взлетѣлъ на Парнасскія выси
И создалъ поэму» сказалъ Діонисій.
«Прослушай — и мнѣнья не скрой своего!» —
И вотъ — онъ читаетъ. Тотъ выслушалъ строго
«Что? многоль красотъ и достоинствъ?—Немного.-
«А! Ты недоволенъ. Въ темницу его!»

Сказалъ. Отвели Филоксена въ темницу;
Отъ взоровъ поэта сокрыли денницу
И долго томился несчастный. Но вотъ
Свободу ему возвращаютъ, и снова
Зовутъ къ Діонисію.» Слушай! Готова
Другая поэма: тутъ бездна красотъ.»

И новой поэмы, достоинствомъ бѣдной,
Онъ слушаетъ чтенье, измученный, блѣдный;

Мутятся глаза его, хочется спать.
Тотъ кончилъ. «Ну что? Хорошо-ли?» — Ни слова
Ему Филоксенъ, — отвернулся сурово
И крикнулъ: Эй! Стража! Въ темницу опять!

ВЕЧЕРЪ ВЪ САДУ.

Солнце будто-бъ съ неохотой
Свой прощальный мечетъ взглядъ,
И червонной позолотой
Обливаетъ темный садъ.

На скамейкѣ я у стѣнки
Въ созерцаніи сижу,
И игривыя оттѣнки
Пышной зелени слѣжу:

Тамъ — виситъ густымъ развивомъ,
Тамъ — такъ женственно-нѣжна,
Тамъ — оранжевымъ отливомъ
Отзывается она.

[redacted]

Ароматъ разлитъ сиренью,
И межь дремлющихъ вѣтвей
Свѣтъ заигрываетъ съ тѣнью,
Уступая мѣсто ей.

Что-то тамъ — въ дали — сквозь вѣтки
Мнѣ мелькнуло, и потомъ
Притаилось у бесѣдки,
Въ липахъ, въ сумракѣ густомъ.

Что̀-бъ такое это было —
Я не знаю, но оно
Такъ легко, воздушно, мило
И какъ снѣгъ убѣлено.

Пронизавъ летучей струйкой
Темный зелени покровъ,
Стало тамъ оно статуйкой,
Изваянной изъ паровъ.

Напрягаю взоръ нескромный:
(Любопытство — спутникъ нашъ)
Вотъ какой-то образъ тёмный
Быстро движется туда-жъ.

г. ш.

Сумракъ гуще. Твердь одѣта
Сѣрыхъ тучекъ въ бахрамы.
То былъ, мнится, ангелъ свѣта,
А за нимъ шелъ ангелъ тьмы, —

И гдѣ плотно листьевъ сѣтка
Прижимается къ стѣнѣ,
Скрыла встрѣчу ихъ бесѣдка
Въ ароматной глубинѣ.

И стемнѣло все. Всѣ виды
Въ смуглыхъ очеркахъ дрожатъ,
И внесла звѣзда Киприды
Яркій лучъ свой въ тихій садъ.

Все какой-то вѣетъ тайной,
И, какъ дѣва изъ окна,
Въ прорѣзь тучки бѣлокрайной
Смотритъ робкая луна, —

И какъ будто что̀ ей видно,
Что въ соблазнъ облечено,
Вдругъ прижмурилась.... ей стыдно —
И задернула окно.

Чу! Тамъ шорохъ, шопотъ, лепетъ....
То колышутся листки.
Чу! Какой-то слышный трепетъ....
То ночные мотыльки.

Чу! Вздыхаютъ.... Вновь ошибка:
Вѣтерокъ сквозитъ въ саду.
Чу! Лобзанье.... Это рыбка
Звонко плещется въ пруду.

Все какъ будто что̀ играетъ
Въ этомъ мракѣ и потомъ
Замираетъ, замираетъ
Въ обаяніи ночномъ, —

И потомъ — ни листъ, ни вѣтка
Не качнется; ночь тиха;
Садъ спокоенъ — и бесѣдка
Тамъ — въ дали — темна, глуха.

ПОЭЗІЯ.

Поэзія! — Нѣтъ, — ты не чадо міра;
Нашъ дольній міръ родить тебя не могъ:
Среди пучинъ предвѣчнаго эѳира
Въ день творчества въ тебя облекся Богъ.

Возникла ты до нашего начала,
Ты въ сѣменахъ хаоса началась,
Въ великомъ ты «да будетъ» прозвучала
И въ дивномъ «бысть» всемірно разлилась, —

И взятому подъ Божію опеку
Средь райскихъ грезъ и первыхъ дней весны
Ты первому явилась человѣку
Въ лицѣ небесъ, природы и жены.

Отъ звѣзднаго низшедшая чертога
Къ жильцу земли, въ младенческой тиши,

Прямымъ была ты отраженьемъ Бога
Въ его очахъ и въ зеркалѣ души.

Готовую нашли тебя народы.
Ты — лучшій даръ — алмазъ въ вѣнцѣ даровъ,
Сладчайшій звукъ въ симфоніи природы,
Разыгранный оркестромъ всѣхъ міровъ.

Палъ человѣкъ, но и въ его паденьѣ
Все съ небомъ ты стоишь лицемъ къ лицу:
Созданья ты къ Создателю стремленье,
Живой порывъ творенія къ Творцу.

Тобою полнъ, смотря на міръ плачевный,
На этотъ міръ, подавленный грѣхомъ,
Поэтъ и царь державно-псалмо-пѣвный
Гремѣлъ Давидъ пророческимъ стихомъ, —

И таинствомъ любви и искупленья
Сказалась ты всѣмъ земнороднымъ вновь,
Когда омыть вину грѣхопаденья
Должна была святаго Агнца кровь.

Внушала ты Евангелистамъ строфы,
Достойныя учениковъ Христа,

[illegible]

[illegible]

[illegible]

И царственно ты блещешь, торжествуя,
Твой скипетръ—мысль, а сердце—твой престолъ.

Порою ты безмолвствуешь въ раздумьи,
Когда кругомъ всемірный поднятъ шумъ;
Порой въ своемъ пиѳическомъ безумьи
Ты видишь то, чего не видитъ умъ.

На истину ты взоромъ неподкупнымъ
Устремлена, но блескъ ея лучей
Чтобъ умягчить и намъ явить доступнымъ
Для заспанныхъ, болѣзненныхъ очей —

Его дробишь въ своей ты чудной призмѣ,
И радуги кидая съ высоты,
Въ своихъ мечтахъ, въ бреду, въ сомнамбулизмѣ
Возносишься до провозрѣнья ты.

Магнитный сонъ пройдетъ — и пробужденье
Твое, поэтъ, печально и темно,
И видишь ты свое произведенье,
Не помня, какъ оно совершено.

ВСТРѢЧНОЕ

(собранію выпускны

На праздникъ жизни вдруг
Прекрасныхъ, юныхъ дѣвъ
На встрѣчу имъ моя дорог
Меня ужь съ праздника ве
Я имъ спѣшу сказать, пок
Не разошлись мы: добрый
Вы всѣ туда, а я оттуда;
Пора домой мнѣ — отдохну
Привѣтъ мой вамъ! Повесе

ОТЗЫВЪ НА ВЫЗОВЪ

(*тѣмъ-же дѣвицамъ.*)

жизни проходя средь терній, я привыкъ
іно попирать колючую дорогу,
вствую въ душѣ невольную тревогу,
вокругъ меня колышется цвѣтникъ,
ы юныя — земные херувимы —
)ихъ движеніяхъ легки, неуловимы,
іъ подобіемъ роскошнаго вѣнка
этся вокругъ поэта-старика,
лющійся кругъ существъ полуэѳирныхъ
· пѣсенъ отъ меня и свѣжихъ звуковъ лирныхъ,
)астерянный, смотрю, боясь дохнуть
рнымъ холодомъ на ихъ цвѣтистый путь,
на ихъ восторгъ — невинныхъ душъ одежду —
сить невзначай угрюмой мысли тѣнь,

Мечту ихъ подломить или измять надежду
И сумракомъ задѣть ихъ восходящій день....
Нѣтъ! Нѣтъ, — не требуйте, цвѣтущія созданья,
Отъ ослабѣлыхъ струнъ могучаго бряцанья!
Все поле жизни вамъ я скоро уступлю,
А самъ, какъ ветеранъ, ужь утомленный битвой,
Безмолвно, съ тайною сердечною молитвой,
Васъ, дѣти, трепетной рукой благословлю.

ПИСЬМО АБДЕЛЬ-КАДЕРА.

Въ плѣну у Французовъ — свѣтило Алжира —
Эмиръ знаменитый. Содержатъ Эмира
Они въ Амбуазѣ, гдѣ замка стѣна
Крѣпка и надежна, — и плѣнникъ, донынѣ
Летавшій на бурномъ конѣ по пустынѣ,
Уныло глядитъ въ амбразуру окна.

И вдругъ подъ — окномъ, какъ другая денница,
Блестящая юной красою дѣвица
Несется на бѣломъ Арабскомъ конѣ,
И взоръ — *коя-нуръ* — этотъ пламенникъ міра —
Дѣвицею брошенъ въ окно на Эмира: —
И вспыхнула дѣва, и рдѣетъ въ огнѣ.

И завтра опять проѣзжаетъ, и снова
Взглянула, краснѣетъ. Не надобно слова:

Тутъ сердце открыто — смотри и читай!
Упрямится конь, но съ отвагою ловкой
Наѣздница съ поднятой гордо головкой —
Его укрощаетъ: Эмиръ, замѣчай!

И смотритъ онъ, смотритъ, съ улыбкой любуясь,
Какъ милая скачетъ, картинно рисуясь;
Блеснулъ въ его взорѣ невольный привѣтъ,
Замѣченный ею.... Какъ быстро и круто
Она повернула! — Такая минута
И въ сумракѣ плѣна для плѣнника — свѣтъ.

Онъ самъ уже ждетъ ее завтра, и взгляды
Кидаетъ въ окно, въ ожиданьи отрады,
И свѣтлымъ явленьемъ утѣшенъ опять;
Но ревностью зоркой подмѣчена скоро
Цѣль выѣздовъ дѣвы, — и строгость надзора
Спѣшила нѣмыя свиданья прервать.

Эмиръ съ этихъ поръ въ заключеньи два года
Не могъ ее видѣть. Когда же свобода
Ему возвратилась, узналъ онъ потомъ,
Кто та, кѣмъ бывалъ онъ такъ радуемъ, плѣнный,
И въ память ей перстень прислалъ драгоцѣнный
Съ исполненнымъ кроткаго чувства письмомъ:

«Хвала тебѣ, — пишетъ онъ, — ангелъ прелестный!
Аллахъ да хранитъ въ тебѣ даръ свой небесный —
Святую невинность! — О ангелъ любви!
Прими безъ смущенья привѣтъ иновѣрца!
Въ очахъ твоихъ небо, ночь — въ области сердца:
О, будь осторожна, въ молитвѣ живи!

«О бѣлая горлица! Бѣлъ, какъ лилея,
Твой конь Аравійскій, но ликъ твой бѣлѣе.
Врага берегись: онъ и вкрадчивъ и тихъ,
Но хищенъ и лютъ, хоть прикрашенъ любовью;
Неопытной дѣвы ползя къ изголовью,
Онъ дѣвственныхъ прелестей жаждетъ твоихъ.

«Змій хочетъ подкрасться и перси младыя
Твои опозорить: отталкивай змія,
Доколѣ Аллахъ не пошлетъ, какъ жену,
Тебя съ благодатью къ супружеской сѣни!
Прими этотъ перстень на память мгновеній,
Блеснувшихъ мнѣ радостью чистой въ плѣну.

«Предъ хитрымъ соблазномъ, предъ низкимъ обманомъ—
Сей перстень да будетъ тебѣ талисманомъ!
Сама-ль поколеблешься ты — и тогда
Скажи себѣ: нѣтъ! Быть хочу непреклонной.

Нѣтъ, сердце, ты лжешь; пылъ любви незаконной —
Напитокъ позора и праздникъ стыда.

«И буди — свѣтило домашняго круга,
Хранящая вѣрность супругу супруга!
Будь добрая матерь и чадамъ упрочь
И радость, и счастье! — Когда не забудешь
Священнаго долга — жить въ вѣчности будешь,
Младая, Аллаха прекрасная дочь!»

[redacted]

И. А. ГОНЧАРОВУ

(передъ кругосвѣтнымъ его путешествіемъ.)

И оснащенъ, и замыслами полный,
Уже готовъ фрегатъ твой растолкнуть
Сѣдыхъ морей дымящіяся волны
И шаръ земной теченьемъ обогнуть.

Подъ бурями возмужествуй упрямо!
Пусть валъ визжитъ у мощнаго руля!
Вотъ Азія — міръ праотца Адама!
Вотъ юная Колумбова земля!

И ты свершишь пловучіе заѣзды
Въ тѣ древнія и новыя мѣста,
Гдѣ въ небесахъ другія блещутъ звѣзды,
Гдѣ свѣтъ ліетъ созвѣздіе Креста.

Поклонъ ему! Взгляни, какъ тріумфаторъ,
На сей трофей въ хоругвяхъ облаковъ,
Пересѣки и тропикъ и экваторъ —
И отпируй сей праздникъ моряковъ!

И если-бы тебѣ подъ небесами
Невѣдомыхъ антиподовъ пришлось
Переверстаться съ здѣшними друзьями
Ногами въ ноги, головами врозь, —

То не роняй отрады помышленья,
Что и вдали сердечный слышенъ гласъ,
Что не одни лишь узы тяготѣнья
Всемірнаго соединяютъ насъ.

Лети! — И что внушитъ тебѣ природа
Тѣхъ чудныхъ странъ, — на пользу и добро
Пусть передастъ, въ честь Русскаго народа,
Намъ твой разсказъ и славное перо!

Прости! — Вернись и живо и здорово
Въ суровые при-невскіе края,
И радостно обнимутъ Гончарова
И М—вы, и всѣ его друзья.

[redacted]

МОЛИТВА.

«Спаси, Господи, люди твоя.»

Спаси, о Господи, людей — твое созданье!
Благослови твое, о Боже, достоянье!
Къ подножью твоего святаго алтаря
Склоняясь, молимся за нашего Царя:
Благослови Его въ Его дѣяньяхъ дивныхъ,
Побѣды даруя Ему на сопротивныхъ!
Престолъ Его твоимъ покровомъ осѣни
И жительство твое крестомъ твоимъ храни!

СОЗНАНІЕ СИЛЫ.

На искушенье глядя строго,
Еще я могъ идти съ нимъ въ бой!
Еще не одряхлѣлъ я: много
Во мнѣ есть силъ владѣть собой.

Тебя, о дивное созданье,
Я видѣлъ, слышалъ — и стоялъ,
И въ тотъ-же мигъ въ очарованьѣ
Къ твоимъ ногамъ я не упалъ!

Ты пѣла: я ловилъ твой голосъ,
Глоталъ послѣдній звукъ его,
И — сколько чувствъ во мнѣ боролось! —
А я какъ будто ничего.

«Я — твой» — мнѣ такъ хотѣлось это
Тебѣ сказать, рвалась душа,
А я твердилъ, что вотъ ужь лѣто
И что погода хороша, —

И отзывался я отвѣтно
Другимъ на спросы кой-о-чемъ....
Не правда-ль? Не было замѣтно
Безумья въ лепетѣ моемъ?

Я небылъ дерзокъ, вольнодуменъ?
Со всѣми въ общей полосѣ —
Не правда-ль? — не былъ я безуменъ,
Но также жалокъ, глупъ, какъ всѣ?

О, если-бъ съ дерзостью моею
Тогда себѣ я волю далъ —
Къ тебѣ-бъ я бросился на шею
И какъ ребенокъ зарыдалъ!

И было-бъ всѣхъ трудовъ труднѣе,
Хоть весь-бы міръ тогда созвать,
Меня, какъ впившагося змѣя,
Отъ персей милыхъ оторвать!

И вмигъ за весь мой вѣкъ прошедшій
Тогда стяжалъ-бы я вѣнецъ!
Потомъ сказали-бъ: «сумасшедшій!«
Свезли-бъ въ больницу — и конецъ.

Но нѣтъ! Донынѣ съ сердцемъ въ спорѣ
Я не утратилъ прежнихъ силъ,
И — можетъ быть, себѣ на горе —
Мой горькій разумъ сохранилъ.

РЕБЕНКУ.

Дитя! Твой милый, дѣтскій лепетъ
И сладость взгляда твоего
Меня кидаютъ въ жаръ и трепетъ —
Я самъ не знаю — отъ чего.
Зачѣмъ порывомъ нѣжной ласки
Къ земному ангелу влекомъ,
Твои заплаканные глазки
Цѣлую жадно я тайкомъ?
Не знаю....Такъ-ли? — Нѣтъ; я знаю:
Сквозь ласку грѣшную мою
Порой, мнѣ кажется, ласкаю
Въ тебѣ я маменьку твою;
Я, наклонясь къ малюткѣ — дочкѣ,
Хочу схватить межь слезныхъ струй

На этой пухлой дѣтской щёчкѣ
Другой тутъ бывшій поцѣлуй,
Еще быть можетъ неостылый....
То поцѣлуй святой любви
Той жизнедательницы милой,
Чья кровь, чья жизнь — въ твоей крови; —
И вотъ, какъ Божія росинка
На листьяхъ блѣдныхъ и сухихъ,
Твоя невинная слезинка
Осталась на губахъ моихъ.
Дитя! Прости мнѣ святотатство!
Прости мнѣ это воровство!
Чужое краду я богатство,
Чужое граблю торжество.

БЛАГОДАРЮ

Благодарю. — Когда ты такъ отрадно
О чемъ-нибудь заводишь рѣчь свою,
Въ твои слова я вслушиваюсь жадно
И тѣ слова бездоннымъ сердцемъ пью.
Слова, что ты такъ мило произносишь,
Я въ стихъ вложивъ, пол-міра покорю,
А ты мнѣ ихъ порою даромъ бросишь:
Благодарю! Благодарю!

Поешь-ли ты? — При этихъ звукахъ млѣя
Забудусь я въ раздумьи на часокъ;
Мнѣ соловья заморскаго милѣе
Малиновки домашней голосокъ, —

И каждый звукъ цѣню я, какъ находку,
За каждый тонъ молитву я творю,
За каждую серебряную нотку
Благодарю — благодарю.

Подъ тишиной очей твоихъ лазурныхъ
Порой хочу я сердцемъ отдохнуть,
Забыть о дняхъ мучительныхъ и бурныхъ....
Но какъ-бы мнѣ себя не обмануть?
Моя душа къ тебѣ безумно рвется, —
И если я себя не усмирю,
То тутъ ужь мнѣ едва-ль сказать придется
«Благодарю, благодарю»?

Но если-бъ я твоимъ увлекся взоромъ
И поздній жаръ еще во мнѣ возникъ,
Ты на меня взгляни тогда съ укоромъ —
И я уймусь, опомнюсь въ тотъ-же мигъ,
И преклонюсь я къ твоему подножью,
Какъ старый грѣхъ, подползшій къ алтарю,
И на меня сведешь ты милость Божью:
Благодарю! Благодарю!

ЛЮБИТЕЛЬНИЦѢ СПОКОЙСТВІЯ.

Ты говоришь — спокойствіе дороже
Тебѣ всего, всей прелести мірской, —
И радъ-бы я быть вѣчно на сторожѣ,
Чтобъ охранять твой женственный покой,
Чтобы неслись тревоги жизни мимо,
А ты на нихъ смотрѣла-бы, шутя,
Межь сладкихъ грезъ, легко, невозмутимо,
Какъ милое, безпечное дитя.

Когда толпа рушителей покоя
Со всѣхъ сторонъ несносная шумитъ,
Я надъ твоимъ успокоеньемъ стоя,
Мигалъ-бы имъ: тсъ! Не шумите: спитъ.

Но иногда, чтобъ цѣну лишь умножить
Спокойствія въ глазахъ твоихъ, — тебя
Порой я самъ желалъ-бы потревожить,
Хотя-бъ навлекъ и гнѣвъ твой на себя.

Скажу: «проснись! Мнѣ хочется лазури:
Дай мнѣ на мигъ взглянуть тебѣ въ глаза!
Какъ ты спала? Не видѣлось ли бури
Тебѣ въ мечтахъ? Не снилась-ли гроза?
И не было-ль неловко, душно, знойно
Тебѣ во снѣ?» — И молвлю, мигъ спустя:
«Ну, Богъ съ тобой, мой ангелъ, спи спокойно!
Усни опять, прелестное дитя!»

ПРОСЬБА.

Ахъ, видитъ Богъ, какъ я тебя люблю,
Ты–жь каждый разъ меня помучить рада;
Пожалуста — не мучь меня, молю,
Пожалуста — не мучь меня: не надо!

Прими подъ–часъ и пошлый мой привѣтъ,
Избитое, изношенное слово!
Не хорошо? — Что–жь дѣлать? — Лучше нѣ[illegible]
Старо̀? — Увы! Что̀–жь въ этомъ мірѣ ново?

И самъ я старъ и полонъ стариной,
А все тѣснюсь въ сердечные страдальцы....
Пожалуста — не смѣйся надо мной!
На глупости смотри мои сквозь пальцы!

Но иногда, чтобъ цѣну лишь умножить
Спокойствія въ глазахъ твоихъ, — тебя
Порой я самъ желалъ-бы потревожить,
Хотя-бъ навлекъ и гнѣвъ твой на себя.

Скажу: «проснись! Мнѣ хочется лазури:
Дай мнѣ на мигъ взглянуть тебѣ въ глаза!
Какъ ты спала? Не видѣлось ли бури
Тебѣ въ мечтахъ? Не снилась-ли гроза?
И не было-ль неловко, душно, знойно
Тебѣ во снѣ?» — И молвлю, мигъ спустя:
«Ну, Богъ съ тобой, мой ангелъ, спи спокойн
Усни опять, прелестное дитя!»

П Р [illegible]

[illegible] Бога [illegible]
каждый раз [illegible]
то — не [illegible]
то — не [illegible]

[illegible]-ись и [illegible]

[illegible]

Молчу-ли я? — Махни рукою: пусть!
Дай мнѣ молчать и отъ меня не требуй
Моихъ стиховъ читанья наизусть:
Забылъ — клянусь Юпитеромъ и Гебой!

Все, все забылъ въ присутствіи твоемъ.
Лишь на тебя я жадный взглядъ мой брошу —
Все вмигъ забылъ; — и какъ я радъ притомъ,
Что съ памяти свалилъ я эту ношу —

Весь этотъ грузъ! Мнѣ стало такъ легко.
Я въ тотъ-же мигъ юнѣю, обновляюсь....
А все еще осталось далекò
До юности.... За то я и смиряюсь.

Мои мечты.... Я такъ умѣренъ въ нихъ!
Мнѣ подари вниманья лишь немножко,
Да пусть ко мнѣ отъ щедрыхъ ласкъ твоихъ
Перепадетъ крупица, капля, крошка!

Я не жду взаимности огня;
Я въ замыслахъ не такъ высокопаренъ!
Терпи меня, переноси меня:
Богъ знаетъ какъ и то я благодаренъ!

[redacted]

DAHIN.

Была пора: я былъ безумно-молодъ,
И пылъ страстей мнѣ сердце разжигалъ;
Когда-жь подъ-часъ суровый зимній холодъ
Отъ сѣвера мнѣ въ душу проникалъ —
Я думалъ: есть блаженный югъ на свѣтѣ,
Край свѣтлыхъ горъ и золотыхъ долинъ,
И радостно твердилъ я вмѣстѣ съ Гёте:
Dahin! — dahin!

Бывало, я близь дѣвы-чародѣйки
Горѣлъ, нѣмѣлъ, не находя рѣчей,
И между тѣмъ, какъ ниже бѣлой шейки
Не смѣлъ склонить застѣнчивыхъ очей —

...льнымъ увлеченьемъ
нарушивъ строгій чинъ,
...ъ живымъ ...ображеньемъ
Dahin — dahin.

...та всѣхъ благъ житейскихъ выше
...ь мнѣ въ бреду минувшихъ дней;
Я ...ко пѣлъ, а тамъ — все тише, тише,
Я жилъ тепло, а тамъ — все холоднѣй, —
И наконецъ все въ вѣчность укатилось,
Упало въ прахъ съ заоблачныхъ вершинъ,
И наконецъ — все это провалилось
Dahin — dahin.

Исчезло все, не стало прежней прыти.
Вокругъ меня за счастьемъ всѣ бѣгутъ,
Стремятся въ даль; я говорю: идите!
А я ужъ радъ хоть-бы остаться тутъ —
Страдать, но жить.... А тутъ ужъ надъ страдальц...
Съ косой скелетъ — всемірный властелинъ —
Костлявымъ мнѣ указываетъ пальцемъ
Dahin — dahin.

[redacted]

КЪ ОТЕЧЕСТВУ И ВРАГАМЪ ЕГО.

(1855 г.)

Русь — отчизна дорогая!
Никому не уступлю:
Я люблю тебя, родная, —
Крѣпко, пламенно люблю.

Въ духѣ воиновъ-героевъ,
Въ бранномъ мужествѣ твоемъ
И въ смиреньи послѣ боевъ —
Я люблю тебя во всемъ:

Въ снѣговой твоей природѣ,
Въ православномъ алтарѣ,
Въ нашемъ доблестномъ народѣ,
Въ нашемъ Батюшкѣ-Царѣ, —

И въ твоей святынѣ древней,
Въ лонѣ храмовъ и гробницъ,
Въ дымной, сумрачной деревнѣ
И въ сіяніи столицъ, —

Въ крѣпкомъ снѣ на жесткомъ ложѣ,
И въ поѣздкахъ на тычкѣ,
Въ щедромъ баринѣ-вельможѣ
И смышленомъ мужичкѣ, —

Въ Русской дѣвѣ свѣтлоокой
Съ звонкой розсыпью въ рѣчи,
Въ Русской барынѣ широкой,
Въ Русской бабѣ на печи, —

Въ Русской пѣсни залюбовной,
Подсердечной, разлихой,
И въ живой сорви-головной,
Всеразгульно-плясовой, —

Въ Русской сказкѣ, въ Русской пляскѣ,
Въ крикѣ, въ свистѣ ямщика,
И въ хмѣльной съ присядкой тряскѣ
Козачка и трепака, —

[redacted]

Въ чудномъ звонѣ колокольномъ
На родной Москвѣ-рѣкѣ,
И въ родномъ громо-глагольномъ
Мощномъ Русскомъ языкѣ, —

И въ стихѣ весело-нравномъ.
Бойкомъ, — стойкомъ, какъ ни брось,
Шибкомъ, гибкомъ, плавномъ, славномъ,
Прориѳмованномъ насквозь, —

Въ томъ стихѣ, гдѣ складъ Нѣмецкій
Въ старину мы взяли въ долгъ,
Чтобъ явить въ немъ молодецкій
Русскій смыслъ и Русскій толкъ. —

Я люблю тебя, какъ царство,
Русь за то, что ты съ плеча
Ломишь Запада коварство,
Вѣрой-правдой горяча.

Я люблю тебя тѣмъ пуще,
Что прямая, какъ стрѣла,
Прямотой своей могущей
Ты Европѣ не мила. —

Что средь брани, въ стойкѣ твердой,
Міру цѣлому ты въ слухъ,
Безъ заносчивости гордой
Проявила мирный духъ, —

Что отрекшись отъ стяжаній
И вставая противъ зла
За свои родныя грани,
Лишь защитный мечъ взяла,

Что въ себѣ не заглушила
Вопіющій неба гласъ,
И во брани не забыла
Ты Распятаго за насъ.

Такъ, родная, — мы проклятья
Не пошлемъ своимъ врагамъ,
И подъ пушкой скажемъ: братья!
Люди! Полно! Стыдно вамъ.

Не изъ трусости мы голосъ,
Склонный къ миру подаемъ:
Нѣтъ! Торчитъ нашъ каждый волосъ
Иль штыкомъ или копьемъ.

[redacted]

Нѣтъ! Мы стойки. Не Европа-ль
Вся сознательно глядитъ,
Какъ нашъ вѣрный Севастополь
Въ адскомъ пламени стоитъ?

Крѣпокъ каждый нашъ младенецъ;
Каждый отрокъ годенъ въ строй;
Каждый пахарь — ополченецъ;
Каждый воинъ нашъ — герой.

Голубица и орлица
Наши въ Крымъ летятъ — ура!
И дѣвица, и вдовица —
Милосердія сестра.

Наша каждая лазейка —
Подойди: извергнетъ громъ!
Наша каждая копѣйка
За отечество ребромъ.

Чью не сломимъ мы гордыню,
Лишь воздвигни Царь-отецъ
Душъ Корниловскихъ твердыню
И Нахимовскихъ сердецъ!

Но ломая грудью груди,
Русь, скажи своимъ врагамъ:
Прекратите звѣрство, люди!
Христіане! Стыдно вамъ.

Вы на поприщѣ ученья
Не одинъ трудились годъ:
Тутъ вѣка! — И просвѣщенья
Это-ль выстраданный плодъ?

Въ дивныхъ общества проэктахъ
Вы чрезъ высь идей прошли,
И во всѣхъ возможныхъ сектахъ
Христіанство пережгли.

Иль для мелкаго гражданства
Только есть святой уставъ,
И святыня Христіанства
Не годится для державъ?

Теплота любви и вѣры —
Эта жизнь сердецъ людскихъ —
Развѣ съузила-бъ размѣры
Дѣлъ державныхъ, міровыхъ?

[redacted]

Рабъ, идя сквозь всѣ мытарства,
Въ хладъ, хоть сердцемъ обогрѣтъ;
Вы его несчастнѣй, Царства, —
Жалки вы: въ васъ сердца нѣтъ.

Что за чадомъ отуманенъ
Цѣлый міръ въ разумный вѣкъ!
Ты — Французъ! Ты — Англичанинъ!
Гдѣ-жъ межъ вами человѣкъ?

Вы съ трибунъ, гдѣ даръ витійства
Человѣчностью гремѣлъ,
Прямо ринулись въ убійства,
Въ грязный омутъ хищныхъ дѣлъ.

О наставники народовъ!
О науки дивный плодъ!
Послѣ многихъ переходовъ
Вотъ вашъ новый переходъ:

Изъ всемірныхъ филантроповъ,
Гордой вольности сыновъ —
Въ подкупныхъ бойцовъ-холоповъ
И журнальныхъ хвастуновъ, —

Стой, отчизна дорогая!
Стой! — И въ ранахъ,
Все молись, моя родная,
Богу мира и любви! —

И дѣтей своихъ вѣнчая
Высшей доблести вѣнцом
Стой, чела не закрывая,
Къ солнцу истины лицем

ДЕНЬ И ДВѢ НОЧИ.

Днемъ небо такъ ярко: смотрѣлъ-бы, да больно;
Поднимешь лишь къ солнцу взоръ грѣшныхъ очей—
Слезятся и слѣпнутъ глаза, и невольно
Склоняешь зѣницы на землю скорѣй
Къ окрашеннымъ легкимъ разсѣяннымъ свѣтомъ
И дольнею тѣнью облитымъ предметамъ.
Вещественность жизни предъ нами тогда
Вполнѣ выступаетъ; — ея череда!
Кипятъ прозаическихъ дѣлъ обороты;
Тутъ счеты, расчеты, заботы, работы;
Отъ яснаго неба нашъ взоръ отвращенъ,
И день нашъ труду и землѣ посвященъ.

Когда-же корона дневнаго убранства
Съ чела утомленнаго неба снята,

Намъ въ [illegible]
Рисуются легче; — намъ гл
Луна позволяетъ смотрѣть на
И небо, сронивъ огневые уб
Для взоровъ доступно, — и
И плаваютъ въ нѣгѣ межь с
Межь дремлющимъ небомъ и
И небо и землю кругомъ об
Сопутствуетъ взорамъ мечта
Фантазіи легкой крылатая до
Ей пища — прозрачная, лу

Порою-же ночи безлунная б
Надъ міромъ простерта и г
Вдругъ на небо взглянешь:

[redacted]

Со мною глазъ на глазъ вселенная здѣсь,
И, мнится, съ землею тутъ въ небѣ я весь,
И самъ себѣ вижусь лишь черною тѣнью,
Сталъ мыслью единой, — и жадному зрѣнью
Насквозь отверзается этотъ чертогъ,
Гдѣ въ огненныхъ буквахъ начертано: Богъ.

РАЗД

Когда читаю я съ улыбкой
Написанное мной въ то вре
Когда я молодъ былъ, — и
Готова измѣнить и вычеркну
Себя остановивъ, вдругъ спр
Черты тѣ исправлять имѣю—
Порой мнѣ кажется, что это

Нѣтъ! Это онъ писалъ. Пусть и отвѣтитъ онъ
Изъ прошлыхъ тѣхъ временъ, изъ той туманной дали
Чужаго-ли коснусь я дерзкою рукой?
Нѣтъ! — Даже думаю въ невольномъ содроганьѣ:
Зачѣмъ подъ давнею, забытою строкой
Подписываю я свое именованье?

МАЛОЕ СЛОВО О ВЕЛИКОМЪ.

На Руси, немножко дикой,
И не то, чтобъ очень встарь,
Былъ на царствѣ Царь Великой:
Ухъ, какой громадный Царь!

Также духомъ Онъ являлся,
Какъ и тѣломъ — исполинъ,
Чудо–Царь! — Петромъ Онъ звался,
Алексѣевъ былъ Онъ сынъ.

Мнится, Богъ изрекъ, державу
Давъ гиганту: Петръ еси —
И на камени семъ славу
Я созижду на Руси.

[redacted]

Много дѣлъ, зѣло успѣшныхъ,
Тѣмъ Царемъ совершено.
Имъ заложено въ *Потѣшныхъ*
Войска дивнаго зерно.

Взялъ топоръ — и первый ботикъ
Онъ устроилъ, сколотилъ,
И родилъ тотъ ботикъ — флотикъ,
Этотъ флотикъ — флотъ родилъ.

Онъ за истину прямую
Дерзость дерзкому прощалъ,
А за ложь, неправду злую
Живота весьма лишалъ; —.

А иному напоминки
Кой-о-чемъ, на чистоту,
Дѣлалъ съ помощью дубинки
Дома, въ дружескомъ быту.

Предъ закономъ Исполина
Всѣ стояли на ряду;
Сынъ — преступенъ: Онъ и сына
Предалъ строгому суду.

А подъ совѣсти порукой
Правдой тычь не въ бровь, а въ глазъ,
И, какъ Яковъ Долгорукой,
Смѣло рви Царевъ указъ!

Царь вспылитъ, но вмигъ почуетъ
Силу истины живой —
И тебя Онъ разцѣлуетъ
За порывъ правдивый твой.

И близь жаркой Царской груди
Были люди хороши,
Люди правды, чести люди,
Люди сердца и души:

Другъ — Лефортъ, сердце-отвѣтный
Вплоть до двери гробовой;
Шереметевъ — мужъ совѣтный,
Князь Голицынъ — боевой; —

Князь Голицынъ — другъ побѣдамъ,
Личный недругъ Репнину,
Предъ Царемъ за дѣло съ Шведомъ
Тяжко впавшему въ вину.

Левенгаупта безъ пощады
Бьетъ Голицынъ, весь — война:
«Князь! Проси себѣ награды!» —
Царь! Помилуй Репнина! —

Царь съ Данилычемъ велъ дружбу,
А по службѣ — все въ строку,
Спуску нѣтъ; — самъ началъ службу
Барабанщикомъ въ полку.

Подъ протекціею женской
Не проскочишь въ верхній санъ!
Царь и самъ Преображенской
Сталъ недаромъ Капитанъ..

Нѣтъ! — Онъ бился подъ Азовомъ,
Рыскалъ въ полѣ съ козакомъ,
И съ тяжелымъ и суровымъ
Бытомъ воина знакомъ.

Полнъ воинственной стихіи,
Онъ велѣлъ о той порѣ
Только думать о Россіи
И недумать о Петрѣ.

И лишь только отвоюетъ —
Свѣжимъ лавромъ осѣнёнъ,
Чинно Князю рапортуетъ
Ромодановскому Онъ.

И вступая постепенно
Въ чинъ за чиномъ, говорилъ:
«Князь-де милостивъ отмѣнно,
Право, я не заслужилъ.»

Въ это время Русь родная,
Средь невѣдѣнія тьмы,
Чернокнижье проклиная,
Книгъ боялась, какъ чумы,

Не давалась просвѣщенью,
Проживала, какъ пришлось,
И съ Славянской доброй лѣнью
Все спускала на авось, —

И смотрѣла изъ пеленокъ,
Отметаема людьми,
Какъ подкинутый ребенокъ
У Европы за дверьми.

Какъ-бы къ ней толкнуться въ двери
И сказать ей нешутя,
Что и мы, дескать, не звѣри:
Русь — законное дитя?

Какъ-бы въ мудрость иноземцевъ
Намъ проникнуть? — Думалъ Онъ.
Дай, поучимся у Нѣмцевъ!
Только первый шагъ мудрёнъ.

Сердце бойко застучало —
Всталъ Онъ, время не губя:
«На Руси всему начало —
Царь; — начну-же я съ себя!»

И съ ремесленной науки
Началъ Онъ, и въ дѣлѣ скоръ
Крѣпко въ царственныя руки
Взялъ Онъ плотничій топоръ.

Съ добрымъ духомъ въ бодромъ тѣлѣ
Славно плотничаетъ Царь;
Тамъ успѣлъ въ столярномъ дѣлѣ:
Тамъ — глядишь — ужь и токарь.

Лапти, батюшка, плету; -

Только дѣло плоховато, —
Ковыряю, какъ могу,
Черезъ пятое въ десято.
«Дай-ка, я тѣ помогу!»

Сѣлъ. Продернетъ, — ст
Знаетъ, гдѣ и какъ продѣ
И плететъ въ частоковыр
Такъ что любо поглядѣть

Въ поле къ праздному вл
Выйдетъ Онъ, найдетъ

И покинувъ царедворскій
Штатъ, и чинъ, и скипетръ свой,
Онъ поѣхалъ въ край заморскій:
«Человѣкъ-де я простой —

Петръ Михайловъ, плотникъ, слѣсарь,
Подмастерье» — говоритъ;
А на царствѣ тамъ Князь-Кесарь
Ромодановскій сидитъ —

Ѳедоръ Юрьичъ. — Онъ вѣдь спроситъ
Отъ Петра и то и сё, —
И рапортомъ Онъ доноситъ
Князю-Кесарю про всё.

«Вотъ — Онъ пишетъ — дѣло наше
Подвигается; тружусь, —
И о здравьи Вашемъ, Ваше
Я Величество молюсь.»

И припишетъ вдругъ: «однако
Все я знаю: не дури!
Не грызи людей, собака!
Худо будетъ, Князь — смотри!

Навострившись у Голландцевъ,
Заглянувъ и въ Альбіонъ,
У Цесарцевъ, Итальянцевъ
Поучился также Онъ.

Сталъ Онъ мастеръ корабельный
И на все гораздъ притомъ:
Онъ и врачъ довольно дѣльный,
И хирургъ, и анатомъ,

Физикъ, химикъ — понемногу,
И механикъ неплохой, —
И въ обратную дорогу
Снарядился Онъ домой.

Для уроковъ-же изустныхъ,
Что Онъ Руси дать желалъ —
Онъ учителей искусныхъ
Ей изъ-за̀-моря прислалъ.

Полно втунѣ волочиться!
Дворянинъ! Сади сынка
Буквѣ, цыфири учиться,
Землемѣрію слегка!

Только все успѣхи плохи
И ученье ни къ чему.
Русскій смотритъ: скоморохи
Въ Нѣмцахъ видятся ему, —

И учителямъ не хочетъ
Вѣрить, что ни говори;
Нѣмецъ — думаетъ — морочитъ:
Все фигляры! штукари!

Все въ нихъ странно, не по-русски.
Некрещеный все народъ!
Носъ табачный, платья узки,
Да и ходятъ безъ бородъ.

Какъ имъ вѣрить? Кто порука? —
И — не къ ночи говоря —
Козни бѣса — ихъ наука!
Изурочили Царя.

И державный нашъ работникъ
Посмотрѣлъ, похмурилъ взоръ,
Снова вспомнилъ, что Онъ — плотникъ,
Да и взялся за топоръ.

И давай рубить Онъ съ корня:
Роскошь прочь! Кафтанъ съ плеча!
Прочь хоромы, пышность, дворня!
Прочь и бархатъ и парча!

Раззолоченныя тряпки,
Блестки — прочь! Все въ печь вались!
Скидывай собольи шапки!
Просто — Нѣмцемъ нарядись!

Царь велѣлъ. Слова коротки.
Простоты-жь примѣръ въ глазахъ:
Самъ, подкинувъ Онъ подметки,
Ходитъ въ старыхъ сапогахъ.

Изъ завѣтныхъ, тайныхъ горницъ,
Изъ невѣдомыхъ свѣтлицъ
Вывесть велѣно затворницъ —
И дѣвицъ и молодицъ.

Въ ассамблею! — Душегрѣйки
Съ плечъ долой! Таковъ приказъ.
Страхъ подумать: бѣлы шейки,
Бѣлы плечи на показъ!

Да чего? — Пол-груди видно:
Такъ и въ танецъ выходи!
Идутъ, жмурятся.... такъ стыдно!
Ручки къ глазкамъ — не гляди!

А приказу все послушно.
Женки слезы трутъ платкомъ;
Царь-же подчуетъ радушно
Муженьковъ ихъ табакомъ.

Табакерки! Трубки! — Въ глотку
Хоть не лѣзетъ, а тяни!
Порошку возьми щепотку —
Въ носъ пихни, нюхни, чихни!

Тянутъ, нюхаютъ. Ну, зѣлье!
Просто одурь отъ него.
Эко знатное веселье! —
А привыкнешь — ничего —

Самъ попросишь. — Въ плясъ Голландскій,
Хоть не хочется, иди!
Эй, ты тамъ, сынокъ дворянскій!
Выходи-ка, выходи!

Lieber Augustin — по звуку
На Нѣмецкій ладъ кружи!
Откружилъ — ступай въ науку!
А научишься — служи!

Мало дома школьныхъ храминъ —
За границу поѣзжай!
А воротишься — экзаменъ
Царь задастъ: не оплошай!

Самъ допроситъ: выложь знанья —
Цифирь, линіи, круги!
А не сдержишь испытанья —
И жениться не моги!

Не позволитъ! — Оглянулся:
Онъ ужь тамъ — и снова весь —
Мысль и дѣло: — покачнулся,
Задремалъ ты: Онъ ужь здѣсь.

Тамъ нашелъ Онъ ключъ цѣлебный,
Тамъ — серебряный рудникъ,
Тамъ устроилъ домъ учебный,
Тамъ богатствъ открылъ родникъ;

Тамъ взрываетъ камней груду,
Тамъ дворянъ зоветъ на смотръ, —
А межь тѣмъ наука всюду,
И въ наукѣ всюду Петръ —

Рыщетъ взглядомъ, сводитъ брови....
Тамъ — подъ Нэрвой храбрый Шведъ
Учитъ насъ цѣною крови
Трудной алгебрѣ побѣдъ.

Научились. Подъ Полтавой
Вотъ Онъ грозенъ и могучъ!
Голосъ — громъ; глаза — кровавый
Выблескъ молніи изъ тучъ.

Врагъ разбитъ. Побѣда наша! —
И сподвижникъ близь Него —
Князь Данилычъ Алексашa,
Славный Меньшиковъ Его.

Отъ добра пришлось и къ худу:
Смѣлый Царь вступилъ на Прутъ,
И — бѣда случись: отвсюду
Злые Турки такъ и прутъ.

Окружили. Дѣло круто.
Торжествуетъ сопостатъ, —
И Великій пишетъ съ Прута
Въ свой встревоженный Сенатъ:

«Не робѣть! — Дѣла плохія.
Жизнь Петру не дорога.
Что тутъ Петръ? Важна Россія.
Петръ ей, такъ какъ вы, слуга.

«Только-бъ чести не нарушить!
Противъ чести что коль самъ
Скажетъ Петръ — Петра не слушать!
То не Царь ужь скажетъ вамъ.

«Плѣнъ грозитъ. За выкупъ много
Коль потребуютъ враги —
Не давать! — Держаться строго!
Деньгу крѣпко береги!»

Но спасаетъ Властелина
И Супруга своего
Черна-бровь — Екатерина,
Катя чудная Его.

Хитрый путь она находитъ,
Клонитъ къ миру Визиря,
И изъ злой бѣды выводитъ
Изумленнаго Царя.

Разъ, замѣтивъ захолустье,
Лѣсъ, болотный уголокъ,
Глушь кругомъ, — при Невскомъ устьѣ
Заложилъ Онъ городокъ.

Шатокъ грунтъ, да съ боку море:
Разхлеснемъ къ Европѣ путь!
Эта дверь не на затворѣ.
Дѣло сладимъ какъ нибудь.

Нынче сказана граница,
Завтра — срублены лѣса,
Чрезъ десятокъ лѣтъ — столица,
Черезъ сотню — чудеса!

Смерть смѣжила Царски очи;
Но безсмертныя дѣла,
Но слѣды гигантской мочи
Русь въ наслѣдье приняла.

И Петровскую стихію
Носимъ въ Русской мы
Такъ, что матушку-Рос
Хоть «Петровіей» зови!

А по имени любовно,
Да по батюшкѣ назват
Такъ и выйдетъ: «Русь
Такъ извольте величать

Всюду думъ Его разса
И прекрасенъ надъ рѣ
Этотъ славный, мѣдный

Подъ стопами исполина
Золотыя письмена
Зри: «Петру — Екатерина» —
И пойми: Ему — Она!

И на ликъ Его взирая,
Съ сладкимъ трепетомъ въ груди,
Кончи: «Первому — Вторая» —
И безъ шапки проходи!

ХРИСТІАНСКІЯ МЫСЛИ

ПЕРЕДЪ БИТВАМИ.

(*въ дни св. Пасхи* 1855 *г.*)

Готовясь въ бой съ врагомъ и ополчась на битву,
Произнесемъ, друзья, смиренную молитву
Къ Отцу и Богу силъ! Не станемъ возглашать,
Что мы идемъ дѣла святыя совершать!
Не будемъ называть святыней пиръ кровавой,
И славу Божію съ земною нашей славой
Безумно смѣшивать! — Подъ сѣнію Креста
Во имя кроткое Спасителя-Христа
Не могутъ рѣзаться и грызться люди-братья,
Не обновляя язвъ честнѣйшаго Распятья, —
И, можетъ быть, Тому, кто со креста поникъ
Главою мирною, нашъ предпобѣдный кликъ —
Кликъ, съ именемъ Его, воинственно-разгульный,
Подъ небомъ слышится насмѣшкой богохульной:

Зачѣмъ-же оскорблять Учителя любви,
Взывая къ Кроткому: «се ножъ! — Благослови,
Да въ честь твою его поднимемъ на убійство!»
Уймемъ такихъ молитвъ кощунственныхъ витійство!
И на враговъ возставъ, къ Владыкѣ воззовемъ:
«Прости, о Господи, мы много ихъ побьемъ!»
О, просвѣти своимъ небеснымъ правосудьемъ,
Всевышній, ихъ и насъ! Мы служимъ лишь орудьемъ
Къ явленію твоихъ таинственныхъ судебъ.
Ты правду зришь одинъ, а бѣдный смертный слѣпъ.
Дай миръ намъ! Изжени духъ злобы и коварства,
Волнующій враждой земныя наши царства!
Въ нихъ братство водвори! Да съ именемъ Христа
Не мечъ подъемлется на злыя состязанья,
Но умиренныя смыкаются уста
Божественнымъ ключемъ пасхальнаго лобзанья!

КЪ РОССІИ.

Не унывай! Всѣ жребіи земные
Измѣнчивы, — о дивная въ земляхъ!
Твоихъ враговъ успѣхи временные
Пройдутъ, какъ дымъ, — исчезнутъ, яко прахъ.
Все выноси, какъ древле выносила
И сознавай, что въ Божьей правдѣ сила,
А не въ слѣпомъ движеніи страстей,
Не въ золотѣ, не въ праздничныхъ гремушкахъ,
Не въ штуцерахъ, не въ дальнометныхъ пушкахъ
И не въ стѣнахъ могучихъ крѣпостей.

Да, тяжело.... Но тяжелѣй бывало,
А вышла ты, какъ Божій день, изъ тьмы;
Терпѣла ты и въ старину немало
Различныхъ бурь и всякой кутерьмы.

От юныхъ дней знакомая съ бѣдами
И встарь ты шла колючими путями,
Грядущаго зародыши тая,
И долгаго терпѣнія уроки
Внесла въ свои таинственныя строки
Суровая Исторія твоя.

Ты зачатъ былъ отъ удали Норманской
(Коль къ твоему началу обращусь),
И мощною утробою Славянской
Ты былъ носимъ, младенецъ чудный—Руссъ,
И вызванный на свѣтъ къ существованью,
Европѣ чуждъ, подъ Рюриковой дланью,
Сперва лежалъ ты пасынкомъ земли,
Пріемышемъ страны Гиперборейской,
Безвѣстенъ, дикъ, за дверью Европейской,
Гдѣ дни твои невидимо текли.

И рано сталъ знакомъ ты съ духомъ брани,
И прытокъ былъ ребяческій разбѣгъ;
Подъ Игоремъ съ Древлянъ сбиралъ ты дани,
Подъ Царьградъ сводилъ тебя Олегъ,
И, какъ ведромъ водицу изъ колодца,
Зачерпывалъ ты шапкой Новгородца
Днѣпровскій валъ, — и, ловокъ въ чудесахъ,
Преградъ не зря ни въ камняхъ, ни въ утесахъ,

Свои ладьи ты ставилъ на колесахъ
И по̀-суху летѣлъ на парусахъ.

Ты подрасталъ. Ужь сброшена пеленка,
Оставлена дитятей колыбель;
Ты на ногахъ: пора крестить ребенка!
И вотъ — Днѣпра завѣтная купель
На Греческихъ крестинахъ разступилась,
И Русь въ нее съ молитвой погрузилась.
Кумиры — въ прахъ! Отрекся и отъ женъ
Креститель нашъ — Владимiръ — солнце наше,
Хоть и вздохнулъ: «зѣло-бо женъ любяше,» —
И бракомъ сталъ съ единой сопряженъ.

И ввергнутъ былъ въ горнило испытанiй
Ты — отрокъ-Руссъ. Въ началѣ бытiя
На двѣсти лѣтъ въ огонь домашнихъ браней
Тебя ввели удѣльные Князья:
Олеговичъ, Всеславичъ, Ярославичъ,
Мстиславичъ, Ростиславичъ, Изяславичъ, —
Мозгъ нылъ въ костяхъ, трещала голова, —
А тамъ налегъ двух-вѣковой твой баринъ
Тебѣ на грудь — неистовый Татаринъ,
А тамъ, какъ змѣй, впилась въ тебя Литва.

[redacted]

Тамъ Римъ хитрилъ; но вѣрный православью
Ты не мѣнялъ восточнаго креста.
Отъ смутъ склонилъ тебя къ однодержавью
Твой Іоаннъ, рекомый «Калита».
Отбился ты и отъ змѣи Литовской,
И крѣпнуть сталъ Великій Князь Московскій,
И осѣненъ Всевышняго рукой,
Полки Князей въ едину рать устроивъ,
Отъ злыхъ Татаръ герой твой — вождь героевъ —
Святую Русь отстаивалъ Донской.

И первыми успѣхами вѣнчанна
Русь, освѣжась, протерла лишь глаза,
Какъ ей дались два мощныхъ Іоанна:
Тотъ — разумъ весь, сей — разумъ и гроза, —
И подъ грозой выдерживая опытъ,
Крѣпясь, молясь и не вдаваясь въ ропотъ,
На плаху Руссъ чело свое клонилъ,
А страшный Царь, кроваво-богомольный,
Терзая людъ и смирный и крамольный,
Тиранствовалъ, молился и казнилъ.

Лишь только духъ переводилъ — и снова
Пытаемъ былъ ты, дѣтствующій Руссъ.

Подъ умною опекой Годунова
Лишь выправилъ ты бороду и усъ,
И сѣлъ-было съ указкою за книжку,
Какъ долженъ былъ за Дмитрія взять Гришку,
А въ слѣдъ за тѣмъ съ ватагою своей
Воръ Тушинскій козацкою тропинкой
На царство шелъ съ безстыдною Маринкой —
Сей Польскою пристяжкой лже-царей.

И то прошло. И наконецъ указанъ
Россіи путь божественнымъ перстомъ:
Се Михаилъ! На царство въ немъ помазанъ
Романовыхъ благословенный домъ.
И се — возсталъ гигантъ — образователь
Родной земли, ея полу-создатель,
Великій Петръ. Онъ внутрь и внѣ взглянулъ,
И обнялъ Русь: «здорово — молъ, родная!»
И всю ее отъ края и до края
Встряхнулъ, качнулъ и всю перевернулъ, —

Обрилъ ее, переодѣлъ и въ школу
Ее послалъ, всему понаучилъ;
«Да будетъ!» — рекъ — и по его глаголу
Творилось все, и Русскій получилъ

Жизнь новую. Хоть Руси было тяжко,
Поморщилась, покорчилась, бѣдняжка,
За то потомъ какъ новая земля
Явилась вдругъ, одѣлась юной славой,
Со Шведами схватилась подъ Полтавой
И бойкаго зашибла Короля.

И побойчѣй былъ кое-кто, — и глядя
На Божій міръ, весь міръ онъ съ бою бралъ:
То былъ большой, всезнаменитый Дядя,
Великій вождь, хоть маленькій капралъ;
Но съ малыхъ лѣтъ въ гимнастикѣ страданій
Окрѣпшій Россъ не убоялся брани
Съ бичемъ всѣхъ царствъ, властителемъ властей:
Съ гигантомъ тѣмъ помѣрялся онъ въ силахъ,
Зажегъ Москву, и въ снѣговыхъ могилахъ
Угомонилъ непризванныхъ гостей.

И между тѣмъ, какъ на скалахъ Елены
Утихло то, что грозно было встарь,
Торжественно въ стѣнахъ всесборной Вѣны
Европѣ судъ чинилъ нашъ бѣлый Царь,
И гдѣ Ему внимали такъ послушно —
Нашъ Судія судилъ великодушно.

Забыто все. Гдѣ благодарность намъ?
«Вы — варвары»! кричатъ сынамъ Россіи
Со всѣхъ сторонъ свирѣпые витіи,
И врагъ летитъ по всѣмъ морскимъ волнамъ.

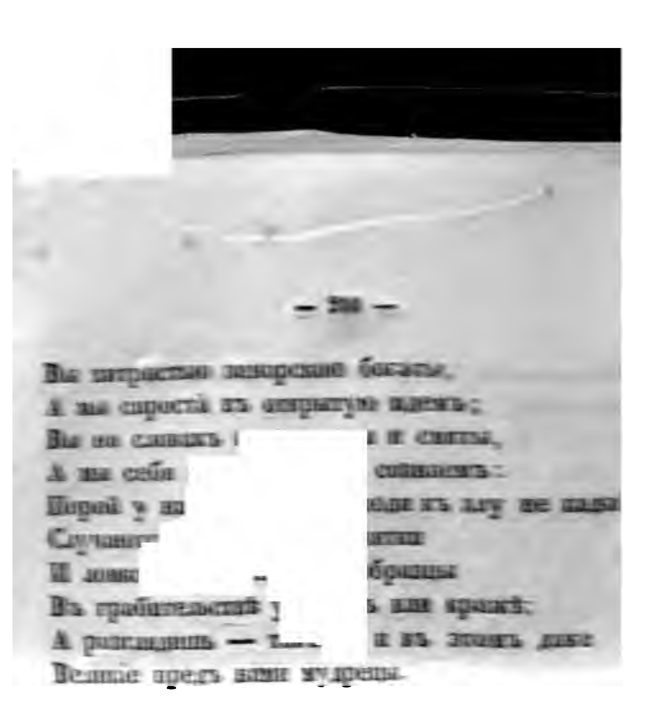
Вездѣ ты шла особою дорогой,
Святая Русь: давно-ль средь кутерьмы
На Западѣ, охваченномъ тревогой
Качалось все? — Спокойны были мы; —
И нашъ Монархъ, чьей воли непреклонность
Дивила міръ, чтобъ поддержать законность,
По-рыцарски извлекъ свой честный мечъ:
За то-ль, что съ Нимъ мы были безкорыстны,
Для Запада мы стали ненавистны?
За то-ль хотятъ на гибель насъ обречь?

Въ пылу войны готовность наша къ миру
Всѣмъ видима, — и видимо, какъ есть,
Что схватимъ мы послѣднюю сѣкиру,
Чтобъ отстоять земли родимой честь.
Не хочетъ-ли Союзничество злое
Насъ покарать за рыцарство былое,
Намъ доказать, что нѣтъ священныхъ правъ,
Что правота — игрушка въ дѣлѣ націй,

Что честь знаменъ — добавокъ декорацій
Въ комедіяхъ, въ трагедіяхъ державъ?

Или хотятъ насъ просвѣтить урокомъ,
Намъ показать, что правый, честный путь
Въ политикѣ является порокомъ,
И что людей и совѣсть обмануть —
Верхъ мудрости? — Нѣтъ! Мы имъ не повѣримъ.
Придетъ конецъ невзгодамъ и потерямъ, —
Мы выдержимъ — и правда верхъ возьметъ.
Межь дѣлъ людскихъ зла сколько-бъ ни кипѣло —
Отецъ всѣхъ благъ свое проводитъ дѣло,
И Онъ одинъ уроки намъ даетъ.

Пусть насъ зовутъ врагами просвѣщенья!
Со всѣхъ трибунъ пускай кричатъ, что мы —
Противники всемірнаго движенья,
Поклонники невѣжественной тьмы!
Неправда! Ложь! — Къ врагамъ готовы руку
Мы протянуть: давайте намъ науку!
Уймите свой несправедливый шумъ!
Учите насъ: мы вамъ «спасибо» скажемъ;
Отстали мы? Догонимъ — и докажемъ,
Что хоть лѣнивъ, но смѣтливъ Русскій умъ.

Вы пристрастны заморскимъ богатствамъ,
А мы сиротой въ сермягу одѣлись;
Вы не славныхъ [illegible] и силы,
А мы себя [illegible] сознаемъ:
Порой у [illegible] въ злу не [illegible]
Случаи [illegible]
И [illegible] образцы
Въ прибыточный [illegible] или крикъ;
А разглядишь — [illegible] и въ [illegible] [illegible]
Великіе предъ вами мудрецы.

Вы навезли широко-жерлыхъ пушекъ,
Громадныхъ бомбъ, и выставили рать,
Чтобъ полною убійственныхъ [illegible]
Величье Россіи разстрѣлять.
Но — вы забыли промыслъ. Провидѣнье
Чрезъ васъ свое шлетъ намъ испытанье,
А черезъ насъ самихъ васъ поразитъ.
Чрезъ васъ себя во многомъ мы исправимъ,
Войдемъ впередъ и [illegible] васъ поставимъ
Величья [illegible] [illegible].

[illegible] съ той и другой стороны
[illegible]

Сразятъ не мощь державную Россіи,
А ваше-же къ ней привитое зло; —
И крѣпкіе въ любви благоговѣйной
Мы предъ Царемъ сомкнемся въ кругъ семейной,
И всякъ сознай, и всякъ изъ насъ почуй
Свой честный долгъ! — Царя сыны и слуги —
Ему свои откроемъ мы недуги
И скажемъ: вотъ! Родимый нашъ! Врачуй!

И кто изъ насъ или нечестный воинъ,
Иль гражданинъ, но не закона стражъ,
Мы скажемъ: «Царь! Онъ Руси недостоинъ,
Изринь его изъ круга: онъ не нашъ.»
Твоя казна да будетъ намъ святыня!
Се наша грудь — Отечества твердыня
За тѣмъ, что въ ней живутъ и Богъ и Царь,
Любовь къ добру и пламенная вѣра!
И долгъ и честь да будутъ наша сфера!
Монархъ — Отецъ, Отечество — алтарь!

Не звѣздъ однѣхъ сіяньемъ лучезаренъ,
Но рвеніемъ къ добру страны родной,
Сановникъ нашъ будь истинный Бояринъ,
Какъ онъ стоитъ въ стихахъ Растопчиной!

Руководись и правдой и наукой,
И будь второй Князь Яковъ Долгорукой!
Защитникъ будь вдовства и сиротства!
Гнушайся всѣмъ, что криво, низко, грязно!
Будь въ дѣлѣ чуждъ Аспазій, Фринъ соблазна,
Друзей, связей, родства и кумовства!

И закипятъ гигантскія работы,
И выростетъ богатство изъ земли,
И явятся невиданные флоты,
Неслыханныхъ размѣровъ корабли,
И милліоны всяческихъ орудій,
И явятся — на диво міру — люди, —
И скажетъ Царь: откройся свѣтъ во мглѣ
И мысли будь широкая дорога
Затѣмъ, что мысль есть проявленье Бога
И лучшая часть неба на землѣ!

Мы на Тебя глядимъ, о Царь, — и тягость
Съ унылыхъ душъ снимаетъ этотъ взглядъ.
Надъ Русью Ты — увѣнчанная благость,
И за Тебя погибнуть каждый радъ.
Не унывай, земля моя родная,
И прошлое съ любовью вспоминая,

Смотри впередъ на предлежащій вѣкъ!
И вѣрь: твой врагъ вражду свою оплачетъ
И замолчитъ, уразумѣвъ, что значитъ
И Русскій Богъ, и Русскій человѣкъ.

ПОСЛѢДНІЙ ПИРЪ.

«Великолѣпные чертоги
На столько разстоятъ локтяхъ.
Что гласъ въ трубы, въ ловецки роги
Едва въ ихъ слышится концахъ.
Надъ возвышенными стѣнами,
Какъ небо, наклонился сводъ;
Между огромными столпами
Отворенъ въ нихъ къ утѣхамъ входъ.»

Державинъ.

Зачѣмъ такъ озаренъ Таврическій дворецъ
Огнями яркими? — Въ немъ дивный Князь Тавриды,
Великолѣпный Князь, какъ Вавилонскій жрецъ,
Разставилъ чудеса и ждетъ Семирамиды, —
И самъ весь въ золотѣ, въ каменьяхъ дорогихъ —
Въ алмазахъ, яхонтахъ, рубинахъ, изумрудахъ,

[redacted]

Стоитъ въ преддверіи. Вся роскошь благъ земныхъ
Въ чертогѣ у него. Не въ чашахъ, не въ сосудахъ
Кипитъ и пѣнится янтарное вино,
Но бьетъ живымъ ключемъ, клокочущимъ каскадомъ
И падаетъ въ бассейнъ на мраморное дно.
Чертогъ его глядитъ Армиды пышнымъ садомъ.
Прозрачныхъ скалъ хребты воздвигнулись кругомъ;
Въ кристаллахъ радужныхъ висятъ утесовъ глыбы,
И пущены плясать въ стеклянный водоёмъ
Золотоперыя, серебряныя рыбы.
Тамъ живописный гротъ. Тамъ въ робкой полумглѣ
Алѣетъ лучъ зари. Фонтаны, водопады
Играютъ. Тамъ, дробясь въ граненомъ хрусталѣ,
Сверкаютъ Божьихъ звѣздъ и солнцевъ миріады.
Ясминовъ, розъ кусты, тюльпанъ и гіацинтъ
Свились. Дорожекъ сѣть ведетъ васъ въ лабиринтъ;
Тамъ — изваянный ликъ: то ликъ Ея — безсмертной
Земле-владычицы; въ подножіи порфиръ
Своею надписью гласитъ на цѣлый міръ:
«Отчизны матери и мнѣ премилосердой». —
И се — величія и благости полна
Грядетъ въ сіяніи Державная — Она:
Музыка грянула — и баловень судьбины,
Встрѣчая Гостью, палъ къ стопамъ Екатерины.

Предъ нимъ — Она, которой взоръ —
Сей свѣточъ власти безусловной —

Ему сіяетъ съ давнихъ поръ
Лампадой милости верховной; —
Она — источникъ всѣхъ щедротъ;
Она, которой весь народъ —
Тѣлохранительная стража;
Она — Хозяйка эрмитажа,
Которой бойкое перо,
Въ строкахъ, гдѣ дышутъ умъ и вѣра
Плѣняло колкаго Дидро
И злаго демона — Вольтера; —
На долгомъ царственномъ пути
Она — сей ангелъ во плоти —
Богоподобная Фелица,
Съ орлинымъ окомъ голубица,
Чьей громкой славой полонъ свѣтъ,
Орловыхъ, Паниныхъ царица,
Душа Румянцовскихъ побѣдъ,
Душа той школы исполинской,
Гдѣ крыльямъ давъ размахъ воинской
Средь грома, пламени и мглы,
Взвились Кутузовъ и Суворовъ —
Сіи питомцы бранныхъ споровъ,
Событій будущихъ орлы,
Къ Москво-Очаковскимъ работамъ
Уже готовые бойцы,
Съ Смоленско-Рымникскимъ полётомъ

Гнѣзда Дунайскаго птенцы; —
Она, кого отъ стѣнъ столицы
До отдаленнѣйшей границы,
На всѣ концы отъ всѣхъ началъ,
Прозваньемъ Матушки-Царицы
Народъ любовно увѣнчалъ; —
Она, чье царственное око
Живило міръ лучемъ добра, —
Она, постигшая глубоко
И продолжившая Петра,
Чьи благосклонные указы —
Бесѣда матери съ дѣтьми, —
Чьи наилучшіе алмазы
Въ дѣлахъ блистали предъ людьми; —
Во дни миѳическаго вѣка
Изъ подъ короны золотой
Она, смотрѣвшая душой
Такъ зорко въ душу человѣка,
И — благодать воз-благодать —
Всегда умѣвшая воздать
Врагу добромъ и дружбой другу,
Низвергнуть зло, вознесть заслугу,
Избрать достойныхъ, умягчить
Законъ, — и съ скипетромъ въ десницѣ,
На тронѣ, отъ услугъ Царицѣ
Услуги Царству отличить,

Порокъ подъ маской обнаружить,
Смиренье, кротость ввесть въ обрядъ,
И злость молвы обезоружить
Словами: «пусть ихъ говорятъ!
«Пожалуй — я молчать заставлю
«Ихъ злоязычье.... но къ чему?
«Я злости къ мыслямъ ихъ прибавлю,
«А скрытой мысли не уйму.
«Подъ молчаливыхъ думъ покровомъ
«Гнѣздится глубже тайный ядъ,
«А мыслей, вывѣтренныхъ словомъ,
«Проходитъ скоро легкій чадъ.»

Предъ Нею — онъ, тотъ воинъ нѣкій,
Чей конь заржалъ и полнъ огнемъ
Сталъ плотно въ рядъ съ ея конемъ,
Какъ будто сросся съ нимъ на вѣки,
Когда тотъ всадникъ, тотъ смѣльчакъ,
Ловя державной ласки знакъ,
На всемъ скаку, во всю отвагу,
Такъ ловко подалъ Ей на шпагу
Кавалергардскій свой темлякъ; —
Онъ — то послушникъ монастырской,
Перепоясанный ремнемъ,
То вдругъ — съ отвагой богатырской
Воитель въ полѣ подъ огнемъ,

То изнурившійся въ суровомъ
Постѣ, трудахъ полу-чернецъ,
Апостольскихъ дѣяній чтецъ,
Витія въ преньи съ богословомъ,
На храмномъ клиросѣ пѣвецъ,
Пришлецъ изъ сферы деревенской,
Гдѣ такъ безвѣстно онъ возникъ,
Онъ — семинаріи Смоленской
Незнаменитый ученикъ,
Гдѣ духъ честолюбиво-хитрой
Одинъ лишь замыселъ таилъ:
Когда, нибудь въ дыму кадилъ
Блеснуть епископскою митрой,
Когда сквозь весь Московскій звонъ,
Онъ въ ризахъ выйдетъ на амвонъ,
И будетъ тихо надъ соборомъ
Свѣщи и крестъ свой возносить,
А клиросъ — пѣть громаднымъ хоромъ
И славу деспоту гласить; —
То вдругъ — уклончивый придворный,
Красавецъ — баловень Харитъ,
Алкивіадъ, страстямъ покорный, —
А тамъ — заносчиво-упорный
Заплывшій нѣгой сибаритъ,
Престольныхъ милостей придверникъ,
Своей хандры несчастный рабъ,

А тамъ — Румянцова соперникъ,
И полководецъ, и сатрапъ; —
Онъ, разомъ выдвинувшій виды
Довольства, счастья, торжества
Въ пути земнаго божества
Отъ Петербурга до Тавриды,
Когда повсюду свѣтлый рай
Въ своихъ владѣньяхъ созерцая,
Свѣтило сѣвернаго края
Текло туда — въ тотъ южный край,
Гдѣ Князь Тавриды веси, грады
Движеньемъ ока созидалъ,
Гдѣ онъ Великую встрѣчалъ
И Крымскихъ скалъ и горъ громады
Смолой и нефтью обливалъ,
И тѣша царственныя очи,
По берегамъ, во весь разгаръ,
Воспламенялъ во мракѣ ночи
Увеселительный пожаръ —
Пожаръ, что въ блескѣ съ солнцемъ споря,
Весь юный край тотъ обнималъ,
И въ небесахъ и въ зыби моря
Всесвѣтнымъ заревомъ сіялъ.

Тотъ путь былъ путь очарованья.
Съ Невы къ Днѣпру вдоль полотна

Дороги, полной ликованья,
Неслась Державная Жена —
Средь свѣжихъ рощь благоуханныхъ
И жизнью вѣющихъ полей,
Въ собраньи Принцевъ и Князей,
И было — двѣ главы вѣнчанныхъ
Средь лицъ, сопутствовавшихъ Ей.
Вездѣ волшебныхъ станцій нѣга;
Средь этой сказочной ѣзды
Встаютъ для отдыха сады,
Дворцы родятся для ночлѣга;
На сотни верстъ военный станъ
Раскинутъ; — пѣсни поселянъ
Гремятъ въ селеньяхъ, хороводы
Справляютъ вешній пиръ природы,
А въ ночь, лишь смеркнутъ небеса,
Для освѣщенья, съ трескомъ, свистомъ,
Дымясь куреніемъ смолистымъ,
Горятъ дремучіе лѣса.
Предъ Нею — Кіевъ, — и отъ оныхъ
Священныхъ мѣстъ, вручась Днѣпру,
Вдругъ сотни яхтъ раззолочённыхъ
Пошли плясать по серебру.
Вездѣ мольба, пальба и клики,
И громъ напутственной музыки,
И мощный звонъ колоколовъ,

А тамъ — одно ...

Гласитъ: «оставимъ астр

Твердитъ, что путь свой

Вкругъ солнца движется

Вкругъ насъ ты ходишь,

И слаще, радостнѣй и к

И паче горняго свѣтло

Земное солнце то текло.

И вотъ — въ своемъ дворцѣ,
Своей Монархинѣ вельможа бл
Устроилъ пиршество. Нѣтъ м
Созвѣздья люстръ горятъ на
Пушистый персикъ здѣсь под
На деревѣ родномъ. Съ оливо
Здѣсь лавръ и тысячи тропич
Красуются въ плодахъ, въ це
Въ ихъ зелени звенитъ царя
И птицы райскія по вѣткамъ

зіатскій торгъ невольниками Смирны!
› группы юныхъ дѣвъ, прекрасны и легки,
:топамъ Монархини кладутъ свои вѣнки
свѣжихъ васильковъ и ландышей. Съ плафона
аютъ Геніи и Нимфы Геликона,
›ы, Граціи — и неземной балетъ
тъ богинѣ душъ эѳирный свой привѣтъ.
блещетъ, движется, — и въ хорѣ дружелюбномъ
эсятся слова, сліянны съ звукомъ трубнымъ,
а, которымъ Русь досѣль должна внимать
Невскихъ береговъ до бурныхъ волнъ Евксина:

«Славься симъ, Екатерина!
«Славься, нѣжная къ намъ мать!»

› конченъ. Палъ къ ногамъ разтроганной Царицы
инъ, и въ слезахъ къ перстамъ Ея десницы
:алъ свои уста, колѣно-преклонёнъ.
:е Великую благодарилъ здѣсь онъ,
:ѣ Ея дары, за путь свой тріумфальный,
ıага жизни всей, за этотъ пиръ прощальный,
:е... Онъ чувствовалъ, что дни къ концу летятъ,
есть звѣздамъ предѣлъ и солнцу есть закатъ.

ПОСЛАНІЕ О ВИЗИТАХЪ.

(къ М. Ѳ. Ш.)

Вы правы. Радъ я былъ сердечно
Отъ васъ услышаннымъ словамъ:
Визиты — варварство, конечно!
И такъ — не ѣду нынче къ вамъ, —
И, кстати, одержу побѣду
Надъ предразсудкомъ: ни къ кому
Въ сей свѣтлый праздникъ не поѣду
И самъ визитовъ не приму;
Святаго дня не поковеркавъ,
Схожу я утромъ только въ церковь,
Смиренно Богу помолюсь,
Потомъ, съ почтеньемъ къ генеральству,
Какъ должно, съѣзжу по начальству,
И крѣпко дома затворюсь.

Обычай истинно-безумный!
Китайскихъ нравовъ образецъ!
День цѣлый по столицѣ шумной
Таскайся изъ конца въ конецъ!
Составивъ списокъ презатѣйный
Своимъ визитамъ, всюду будь —
На Острову и на Литейной,
Изволь въ Коломню заглянуть,
И на Пескахъ — и тамъ быть надо,
Будь у Таврическаго сада,
На Петербургской сторонѣ,
Будь моря Финскаго на днѣ,
Въ предѣлахъ рая, въ безднахъ ада,
На всѣхъ планетахъ, на лунѣ!

Блаженъ, коль слышишь: «нѣту дома,»
«Не принимаютъ.» — Какъ огня,
Какъ страшной молніи и грома,
Боишься длиннаго пріёма:
Изочтены минуты дня —
Нельзя терять ихъ; — полтораста
Еще осталось разныхъ мѣстъ,
Гдѣ надо быть, тогда какъ часто
Несносно-длиненъ переѣздъ.
Радъ просто никого не видѣть
И всѣхъ проклясть до одного,
Лишь только-бъ въ праздникъ никого

Своимъ забвеньемъ не обидѣть, —
Лишь только-бъ кинуть въ каждый домъ:
Билетецъ съ загнутымъ угломъ,
Не видѣть лицъ — сихъ адскихъ пугалъ....
Что лица? — Дѣло тутъ не въ томъ,
А вотъ въ чемъ: карточка и уголъ!
Лишь только-бъ карточку швырнуть,
Ее гдѣ слѣдуетъ удвоить,
И тутъ загнуть, и тамъ загнуть,
И совѣсть, совѣсть успокоить!
Ярлыкъ свой бросилъ, хлопъ дверьми:
Вотъ — на! — и чортъ тебя возьми!

Порою вѣтеръ, дождь и слякоть,
А тутъ визиты предстоятъ;
Бѣднякъ и празднику не радъ —
Чего? Приходится хоть плакать.
Вотъ онъ выходитъ на крыльцо,
Зоветъ возницъ, въ карманахъ шаритъ....
Лицомъ хоть въ грязь онъ не ударитъ,
Да грязь-то бьетъ ему въ лицо.
Дорога — адъ, чернѣе ваксы;
Извощикъ за уголъ скорѣй
На клячѣ тощенькой своей
Свернулъ — отъ столь-же тощей таксы,
Прочтенной имъ въ чертахъ лица,
Къ нему ревущаго съ крыльца.

[redacted]

Забрызганъ съ перваго–же шага
Пѣшкомъ пускается бѣдняга,
И очень радъ уже потомъ,
Когда съ товарищемъ онъ въ парѣ
Хоть какъ–нибудь, тычкомъ, бочкомъ,
На тряской держится *гитарѣ*:
Такъ называютъ инструментъ
Хоть звучный, но не музыкальный,
Который въ жизни сей печальной
Старинный получилъ патентъ
На громкій чинъ и титулъ «дрожекъ»,
И поглядишь — дрожитъ, какъ листъ,
Возсѣвъ на этотъ острый ножикъ
Поэтъ убогій иль артистъ.
Я самъ.... Но сколь намъ ни привычно,
Все–жь трогать личность — неприлично,
Свою тѣмъ болѣе.... Именъ
Не нужно здѣсь; — и такъ — N. N,
Визитныхъ карточекъ навьюченъ
Колодой цѣлою, плыветъ,
И тяжкимъ странствіемъ измученъ
Къ дверямъ по лѣстницѣ ползетъ,
Стучится съ робостью плебейской
Или торжественно звонитъ:
Дверь отперлась; привѣтъ лакейской
Какъ–разъ въ ушахъ его гремитъ:

«Имѣемъ честь, дескать, поздравить
Васъ, сударь, съ праздникомъ»; молчитъ
Пришлецъ, иль глухо — м-мъ — мычитъ,
Да карточку спѣшитъ оставить
Иль росписаться, а рука
Лакея, въ слѣдъ за тѣмъ привѣтомъ,
И какъ-то тянется слегка,
И шевелясь изподтишка
Престранно дѣйствуетъ при этомъ,
Какъ будто ловитъ что-нибудь
Перстами въ области воздушной,
А гость тупой и равнодушный
Радъ поскорѣе ускользнуть,
Чтобъ продолжить свой трудный путь;
Онъ защититъ, покуда въ силахъ,
Отъ наступательныхъ невзгодъ
Кармана узкаго проходъ,
Какъ Леонидъ при Өермопилахъ.
О, мой герой! Впередъ! Впередъ!
Вкругъ свѣта въ даль по океану
Плыви сквозь бурю, хладъ и тьму
Подобно Куку, Магеллану
Или Колумбу самому,
И въ этой сферѣ безграничной
Для географіи столичной
Трудись! — Ты можешь подъ шумокъ

Открыть среди такихъ прогулокъ
Иль неизвѣстный закоулокъ
Иль без-имянный островокъ, —
Полузнакомаго припомня,
Что тамъ — у Покрова — живетъ,
Узнать, что самая Коломня
Есть островъ средь канавныхъ водъ, —
Открыть полярныхъ странъ границы,
Забраться въ Индію столицы,
Сто разъ проѣхать вверхъ и внизъ
Черезъ Надежды Доброй мысъ.
Тутъ филологъ для корнесловья
Отыщетъ новыя условья,
Найдетъ, что Русскій корень есть
И слову чуждому *визиты*,
Успѣвъ стократно произнесть
Извощику: да ну-жь! вези-ты!
Языкъ нашъ — ключъ заморскихъ словъ:
Возстань, возрадуйся, Ш —— овъ!
Не такъ твои потомки глупы;
Въ нихъ руссицизмъ твоей души;
Твои родныя «мокроступы»
И для визитовъ хороши.
Зачѣмъ-же все въ чужой кумирнѣ
Молиться намъ? — Ш—овъ! Ты правъ,
Хотя — увы! — въ твоей «ходырнѣ»

Звукъ русскій нѣсколько дыравъ.
Тебя-ль не чтить намъ сердца вздохомъ,
Въ проѣздъ визитный бросивъ взглядъ
И зря, какъ грозно-бородатъ
Маркеръ трактирный съ «шаропёхомъ»
Стоитъ, склонясь на «шарокатъ»?
Но — я отвлекся отъ предмета,
И кончить, кажется, пора.
А чѣмъ-же кончится все это?
Да тѣмъ, что нынче со двора
Не ѣду я; останусь дома.
Пускай весь міръ меня винитъ!
Пусть все, что родственно, знакомо
И близко мнѣ, меня бранитъ!
Я остаюсь. Прямымъ безумцемъ
Довольно рыскалъ прежде я;
Пускай считаютъ вольнодумцемъ
Меня почтенные друзья,
А я подъ старость начинаю
Съ благословеннаго «аминь»;
Да только вотъ бѣда: я знаю —
Чуть день настанетъ — динь, динь, динь —
Мой колокольчикъ, — и покою
Мнѣ не дадутъ; одинъ, другой,
И тотъ, и тотъ, и нѣтъ отбою —
Держись, Иванъ — служитель мой!

[redacted]

Ну, онъ не впуститъ, предположимъ;
А все-же буду я тревожимъ
Несноснымъ звономъ цѣлый день;
Заняться дѣломъ какъ-то лѣнь —
И все помѣха! — Съ уголками
Иванъ обѣими руками
Начнетъ мнѣ карточки сдавать,
А тамъ еще, а тамъ опять.
Какъ нескончаемая повѣсть,
Все это скучно; изорвешь
Всѣ эти листики, а все-жъ
Ворчитъ визитная-то совѣсть,
Ее не вдругъ угомонишь:
«Вотъ — вотъ — тебѣ, а ты сидишь!»
Неловко какъ-то, неспокойно.
Ужь развѣ такъ мнѣ поступить,
Какъ нѣкто — мужъ весьма достойный?
Онъ въ праздникъ на̀-глухо забить
Придумалъ дверь, и въ полной мѣрѣ
Чтобъ обезпечить свой покой,
Своею-жь собственной рукой
Онъ начерталъ и надпись къ двери:
«Такой-то-де, склонивъ чело,
Визитщикамъ поклонъ приноситъ
И незвонить покорно проситъ —
Уѣхалъ въ Царское-Село.»

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

ЧЕСМЕНСКІЕ ТРОФЕИ.

Былъ то вѣкъ Екатерины;
Въ морѣ наши исполины
Дали вновь урокъ чалмѣ;
Налетѣвъ на сопостата,
Нашей Матушки ребята
Отличились при Чесмѣ.

Нашъ Орелъ изринулъ пламя —
И поникло Турковъ знамя,
Затрещала ихъ луна,
Флотъ ихъ взорванъ — и во влагу
Брошенъ въ снѣдь Архипелагу,
Возмущенному до дна.

Пронеслась лишь вѣсть побѣды —
Взликовали наши дѣды,
Въ гудъ пошли колокола,
Пушки гаркнули въ столицѣ;
Слава Матушкѣ-Царицѣ!
Храбрымъ дѣтушкамъ хвала!

Се добыча ихъ отваги:
Кораблей Турецкихъ флаги
Въ крѣпость вносятся — ура! —
И усвоенные кровно
Посвящаются любовно
Вѣчной памяти Петра.

Тамъ — Невы въ широкой рамѣ
Есть гробница въ Божьемъ храмѣ;
Подъ короной золотой
Надъ завѣтной той гробницей
Съ Римской цифрой — I (единицей)
Русскій выведенъ — П (покой).

Тамъ — кузнецъ своей Державы,
Дивный плотникъ русской славы,
Что учась весь вѣкъ училъ,
Съ топоромъ, съ дубинкой, съ ломомъ,

Съ молоткомъ, съ огнемъ и громомъ,
Сномъ глубокимъ опочилъ.

По Царицыну велѣнью
Тѣ трофеи стали сѣнью
Надъ гробницею Того,
Чья вся жизнь была работа,
Кто отцемъ, творцемъ былъ флота,
Возбудителемъ всего.

И гробница подъ навѣсомъ —
Подъ густымъ знаменнымъ лѣсомъ —
Говорила за Него....
Всюду честь воздать хотѣла
Продолжительница дѣла
Начинателю его.

Не умрутъ дѣла благія! —
Тамъ соборнѣ литургія
Совершается надъ Нимъ;
Тамъ — сановныя всѣ лица
И сама Императрица
Съ золотымъ Дворомъ своимъ.

И средь общаго вниманья
Для духовнаго вѣщанья

Вышелъ пастырь на амвонъ:
То былъ онъ — медорѣчивый
Славный пахарь Божьей нивы,
Слово-сѣятель — Платонъ, —

Тотъ, что посохъ бралъ и стоя
Передъ паствой, безъ налоя,
Слухъ и сердце увлекалъ,
И при страшно-судныхъ спросахъ
Поднимая грозно посохъ,
Имъ объ землю ударялъ.

Вотъ онъ вышелъ бросить слово
При низпосланныхъ намъ снова
Знакахъ Божьихъ благостынь,
И изрекъ сначала строго
Имя троичное Бога
Съ утвердительнымъ «аминь.»

И безмолвье воцарилось....
Ждали всѣ: молчанье длилось.
Мнилось — пастырь онѣмѣлъ.
Шопотъ въ слушателяхъ бродитъ:
«Знать онъ слова не находитъ,
Даръ глагола отлетѣлъ.»

Ждутъ.... и вдругъ — къ Турецкимъ стягамъ
Обратясь, широкимъ шагомъ
Онъ съ амвоннаго ковра
Устремился на гробницу,
И простеръ свою десницу
Надъ останками Петра.

Всѣ невольно содрогнулись,
И тайкомъ переглянулись,
И поникшіе стоятъ....
Сквозь разлитый въ сферѣ храма
Дымъ дрожащій ѳиміама
Стѣны, видѣлось, дрожатъ.

И простертою десницей
Двигнутъ вскользь надъ той гробницей
Строй знаменъ, какъ рядъ тѣней,
Что вокругъ шатромъ сомкнулся,
Зашатался, всколыхнулся
И развѣялся надъ ней.

И надъ чествуемымъ прахомъ
Ризы пастырской размахомъ
Всколебалось пламя свѣчъ;
Сѣнь, казалось, гробовая
Потряслась — и громовая
Излилась Платона рѣчь.

И прогрянулъ гласъ витіи:
«Петръ! Возстань! И виждь Россіи
Силу, доблесть, славу, честь!
Се трофеи новой брани!
Морелюбецъ нашъ! Возстани
И услышь благую вѣсть!»

И межь тѣмъ, какъ словъ гремящихъ
Мощь разила предстоящихъ,
Произнесъ изъ нихъ одинъ
Робкимъ шопотомъ, съ запинкой:
Что̀ онъ кличетъ? — Вѣдь съ дубинкой
Встанетъ грозный исполинъ! (*)

(*) Черта историческая. Бывшій при этомъ случаѣ Гр
К. Г. Разумовскій сказалъ тихо окружавшимъ его: «Чёго в
его кличе? Якъ встане, то всѣмъ намъ достанется». (См. «Д
и замѣчательные люди въ Россіи въ половинѣ XVIII столѣ
соч. Вейдемейера. С.П.б. 1846 г. изд. Эйнерлинга стр. 93.)

[redacted]

СТАНСЫ

по случаю мира.

Вражды народной конченъ пиръ.
Пора на отдыхъ ратоборцамъ!
Насталъ давно-желанный миръ,
Насталъ — и слава миротворцамъ!

Довольно кровь людей лилась,
О люди, люди! Вспомнить больно;
Отъ адскихъ жерлъ земля тряслась
И бѣсы тѣшились — довольно!

Довольно черепы ломать,
Въ собратѣ видѣть душегубца,
И знамя брани поднимать
Во имя Бога-миролюбца!

За миръ помолимся Тому,
Изъ чьей десницы все пріемлемъ,
И вкупѣ взмолимся Ему,
Да въ лонѣ мира не воздремлемъ!

Не время спать, о братья, — нѣтъ!
Не обольщайтесь настоящимъ!
Женихъ въ полунощи грядетъ:
Блаженъ, кого найдетъ неспящимъ.

Царь, призывая васъ къ мольбѣ
За этотъ миръ любви словами,
Зоветъ васъ къ внутренней борьбѣ
Со зломъ, съ домашними врагами.

Въ словахъ тѣхъ шлетъ Онъ Божью вѣсть.
Не пророните въ нихъ ни звука!
Слова тѣ: вѣра, доблесть, честь,
Законы, милость и наука.

[redacted]

Всѣмъ будетъ дѣло. Превозмочь
Должны мы лѣнь, средь дѣлъ бумажныхъ
Возросшую. Хищенье — прочь!
Исчезни племя душъ продажныхъ!

Ты, малый труженикъ земли,
Сознай, что въ дѣлѣ нѣтъ бездѣлки!
Не мысли, что грѣхи твои
Затѣмъ простительны, что мелки!

И ты, сановникъ, не гордись!
Не мни, что злу ты недоступенъ,
И неподкупнымъ не зовись,
Коль только златомъ неподкупенъ!

Не лихоимецъ-ли и ты,
Когда своей чиновной силой
Кривишь судебныя черты
За взглядъ просительницы милой?

Коль гнешь рычагъ вѣсовъ своихъ
Изъ старой дружбы, изъ участья,
Иль по ходатайству большихъ,
Или за взятку сладострастья?

Всякъ трудъ свой въ благо обращай!
Имущій силу дѣлать — дѣлай!
Имущій словеса — вѣщай,
Греми глаголомъ правды смѣлой!

Найдется дѣло и тебѣ,
О чувствъ и думъ зерно-метатель!
Возстань и ты къ святой борьбѣ,
Витія мощный и писатель!

Возстань — не духа злобы полнъ,
Возстань — не буйнымъ демагогомъ,
Не [illegible] [illegible]телемъ волнъ,
[illegible] къ гибельнымъ тревогамъ —

Нѣтъ, [illegible] добрыхъ [illegible],
И [illegible] не [illegible] онъ.
[illegible]
И въ [illegible] будетъ [illegible]!

[illegible]
[illegible]
[illegible] — [illegible]!
[illegible]

Увидишь язвы въ немъ; имъ данъ
Лукавый ходъ по жиламъ царства,
И противъ этихъ тайныхъ ранъ
Нѣтъ у врачей земныхъ лѣкарства.

Пороковъ мало-ль есть такихъ,
Которыхъ ядъ пол-міра губитъ,
Но судъ властей не судитъ ихъ
И мечъ закона ихъ не рубитъ?

Ты видишь: бѣднаго лиша
Послѣднихъ благъ въ послѣднемъ дѣлѣ,
Ликуя, низкая душа
Широко дремлетъ въ тучномъ тѣлѣ.

Пышнѣй, вельможнѣй всѣхъ владыкъ,
Добывъ чертогъ аристократа,
Иной бездушный откупщикъ
По горло тонетъ въ грудахъ злата.

Мы видимъ роскошь безъ границъ
И океанъ долговъ бездонныхъ,
Мужей, дошедшихъ до темницъ
Отъ раззорительницъ законныхъ.

Нерѣдко видимъ мы окрестъ
И брачный торгъ — укоръ семействамъ,
И юныхъ, жертвенныхъ невѣстъ,
Закланныхъ дряхлымъ любодѣйствомъ.

Зримъ въ вертоградахъ золотыхъ,
Среди цвѣтовъ, въ тѣни смоковницъ,
Любимцевъ счастія пустыхъ
И ихъ блистательныхъ любовницъ.

Толпа спѣшитъ не въ храмъ Творца:
Она спѣшитъ, воздѣвъ десницу,
Златаго чествовать тельца
Иль позлащенную телицу.

Но есть для васъ, сыны грѣха,
Но есть для васъ, земли кумиры,
И громъ и молнія стиха,
И бичъ карающей сатиры, —

И есть комедіи арканъ, —
И какъ боецъ, открывъ арену,
Новѣйшихъ дней Аристофанъ
Клеона вытащитъ на сцену.

Гласъ Божій, мнится, къ намъ воззвалъ,
И указуетъ перстъ судьбины,
Да встанетъ новый Ювеналъ
И сдернетъ гнусныя личины!

ПЕРЕВОДЫ.

I.

НАѢЗДНИКЪ.

Какъ легкая ладья, срываясь безопасно
Съ докучныхъ береговъ, летитъ надъ глубиной
И веслами обнявъ грудь моря сладострастно,
Скользитъ и высится надъ пѣнистой волной, —
Такъ бедуинъ, стремглавъ летя съ утеса, гонитъ
Коня въ пустынную, невѣдомую даль;
Копыто конское въ пескѣ сыпучемъ тонетъ
Съ шипѣньемъ, какъ въ водѣ калящаяся сталь, —
И разсѣкается песчаная пучина:
Ее мой гордый конь рветъ персями дельфина.

Все быстрѣе, все быстрѣй!
Конь мой пышитъ; слѣдъ дымится;
Выше, выше пыль клубится;
Встрѣчный вѣтеръ все сильнѣй.

ча, мчится онъ — мой вороной — строптиво;
его звѣзда денницею горитъ;
рья строуса, по вѣтру вѣетъ грива,
кутъ молніи изъ подъ его копытъ.

Тщетно пальма мнѣ кивая,
Предлагаетъ тѣнь и плодъ:
Лоно пальмы разрывая,
Мчится бурный конь впередъ;
Со стыдомъ она укрылась
Въ свой оазисъ, притаилась,
И въ дали изподтишка
Водитъ шопотно листами,
Насмѣхаясь надъ мечтами
И отвагой ѣздока.

Конь — огонь. Сверкаютъ ноги.
Пальмы! Прочь съ моей дороги!

Здѣсь мощный стражъ пустынь — утесъ, изъ за у
Порой на всадника посматриваетъ скоса,
И весь глубокими морщинами изрытъ,
То дразнитъ скокъ коня отзвучіями эха,
То, средь зловѣщаго надъ бедуиномъ смѣха,
Тѣмъ эхомъ, въ слѣдъ ему, съ угрозой говоритъ:

«Сумазбродъ! Куда онъ мчится?
Головѣ его не скрыться
Тамъ отъ знойныхъ стрѣлъ небесъ
Ни подъ сочныхъ пальмъ листами,
Ни подъ бѣлыми шатрами!
Тамъ кругомъ одинъ навѣсъ —
Неба сводъ, да воздухъ жгучій;
Тамъ ни облачка, ни тучи;
Тамъ скаламъ лишь ночевать!
Тамъ звѣздамъ лишь кочевать!»

Я впередъ. Угрозы тщетны.
Мчусь, упрямо-безотвѣтный.
Оглянулся: гдѣ-жь они —
Тѣ утесы? — Ихъ чуть видно
Позади, вдали. Имъ стыдно:
Тотъ за этимъ скрытъ въ тѣни.

Конь — огонь. Сверкаютъ ноги.
Прочь, утесы! Прочь съ дороги!

нъ, тѣ слова подслушавъ, встрепенулся;
ь кинувъ на меня, подумалъ: «будетъ мой!»
улъ крыломъ—и въ слѣдъ за всадникомъ рванулся,
кды прочертилъ кругъ черный надо мной; —

«Чую — каркалъ — запахъ яствы,
Духъ добычи: будетъ трупъ!
Глупъ тутъ конь и всадникъ глупъ.
Тамъ коню не будетъ паствы,
И проѣзднаго пути
Ѣздоку тамъ не найти!
Кто попалъ туда — не выдетъ;
Тамъ свой путь лишь вѣтеръ видитъ,
Но теряется и тотъ,
И слѣды едва лишь броситъ —
Самъ съ собою ихъ уноситъ
Иль пескомъ ихъ замететъ.
Тамъ шипятъ въ травѣ колючей
Черный гадъ, да змѣй гремучій.
Тамъ лишь трупамъ ночевать,
Хищнымъ птицамъ кочевать!»

калъ черный вранъ — и когти развернулись,
ды съ глазу въ глазъ мы съ нимъ переглянулись,—
ке уступилъ? — Онъ! Взвился — отлетѣлъ.
ю стрѣлой казнить его хотѣлъ;

Но — глядь: ужъ онъ виситъ на вѣтрѣ — тамъ—
Лишь темное пятно усматриваетъ око,
И — меньше, меньше все.... Вотъ точка чуть
И въ небѣ наконецъ изтаяла она.

Конь — огонь. Сверкаютъ ноги.
Птицы, враны! Прочь съ дороги!

Тутъ изъ подъ солнца вдругъ, какъ лебедь,
Всплываетъ облако, летитъ на крыльяхъ бури,
И также хочетъ тамъ промчаться — въ небесахъ,
Какъ я несусь въ моей пустынѣ, на пескахъ,
И надъ челомъ моимъ бѣлѣя въ небѣ чистомъ,
Грозитъ мнѣ заодно съ зловѣщимъ вѣтра свистомъ

«Безразсудный! — Мчаться радъ
Самъ куда — не разумѣетъ.
Тамъ отъ жажды грудь изтлѣетъ
И уста перегорятъ.
Влаги капли тамъ единой
Изъ скупыхъ не брызнетъ тучъ
На чело, гдѣ прахъ пустынный
Ляжетъ слоемъ, сухъ и жгучъ.
Тамъ серебрянаго слова
Не проронитъ водный токъ.

Блескомъ утра золотаго
Зарумяненный востокъ
Тамъ едва лишь на былинку
Брызгу влаги опустилъ —
Тощій вѣтеръ ту росинку
Ужь укралъ и проглотилъ.»

ı ни къ чему. Я мчусь еще быстрѣе.
› облако; — потъ каплетъ горячо
ıа его, — оно все ниже, все слабѣе —
рому легло утесу на плечо.
улъ взоръ назадъ, ища его глазами,
лый сводъ небесъ лежалъ ужь между нами,
ıмѣтить могъ, какъ злобное оно
ѣетъ въ бѣшенствѣ; потомъ пропоено
елчью зависти, и наконецъ чернѣетъ,
групъ, и на меня взглянуть уже не смѣетъ.

Конь — огонь. Сверкаютъ ноги.
Облака! Долой съ дороги!

Осмотрѣлся я кругомъ
Взоромъ солнца во вселенной:
Пусто все въ пути моёмъ.
Я одинъ здѣсь, дерзновенный, —

И ни съ сихъ, ни съ тѣхъ концовъ,
Ни съ земли, ни съ небосвода
Нѣтъ на споръ со мной гонцовъ.
Все здѣсь тихо. Вся природа
Тяжко дремлетъ съ первыхъ дней.
Не бывало здѣсь людей.
Здѣсь въ глубокой летаргіи
Неподвижныя стихіи
Грудой сонною лежатъ,
Какъ стада, съ начала вѣка,
И при видѣ человѣка
Перепуганы дрожатъ.

Нѣтъ,—я не первый тутъ: пески здѣсь кѣмъ—то взрі
Вотъ рвы и насыпи: за ними, мнится, скрыты
Въ засадѣ хищники.... они добычи ждутъ....
Смотрю: и всадники и кони видны тутъ,
Ужасной бѣлизной и тлѣніемъ одѣты.
Я къ нимъ: недвижимы.... Зову: молчатъ.,.. Скелет
И трупы лишь одни! — Здѣсь выгребъ ураганъ
Засыпанный пескомъ когда-то караванъ.
Вотъ смѣшанныхъ костей бѣлѣющая груда!
Вотъ остовъ ѣздока на остовѣ верблюда
Сидитъ, и по его ланитѣ костяной
Изъ впадинъ, гдѣ глаза горѣли яркимъ взоромъ,
Бѣжитъ сухой песокъ шипучею струёй —
И глухо шепчетъ мнѣ съ язвительнымъ укоромъ:

«Сумасшедшій бедуинъ!
Гдѣ ты, бѣшеный, одинъ?
Надъ костями каравановъ
Здѣсь ты въ царствѣ урагановъ.
Лютый вихрь тебя снесётъ!» —
Не боюсь. Лечу впередъ.

Конь — огонь. Сверкаютъ ноги.
Трупы, кости! Прочь съ дороги!

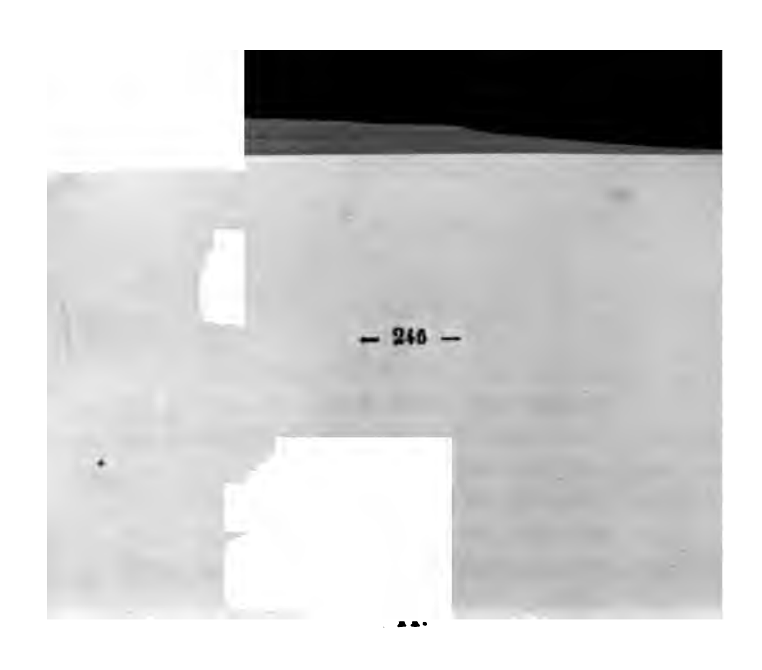
іервый вдругъ силачъ—Духъ Африканскихъ странъ—
:ется грозный царь пустыни — ураганъ.
ъ безднами песковъ онъ дышитъ полной грудью.
гда уединенъ и пріученъ къ безлюдью,
ідѣвъ издали, что кто-то тамъ летитъ
э другой — не онъ, Духъ бурный изумился, —
двигаясь впередъ, на мѣстѣ закрутился,
іпалъ въ раздумье онъ, и самъ себѣ шумитъ:

го это изъ моихъ ничтожныхъ, младшихъ братій,
ъ съ виду немощенъ, такой некрупной стати,
›знулъ топтать мои владѣнья? Какъ забрёлъ
мѣста, гдѣ только мой владычитъ произволъ,
я—властитель-царь?»—И съ шумомъ онъ рванулся,
іа меня столбомъ громаднымъ потянулся,

Приблизился ко мнѣ, и видя въ первый разъ
Простаго смертнаго столь дерзостнымъ, отпрянулъ,
Взлетѣлъ — и съ высоты пятою въ землю грянулъ
И изъ конца въ конецъ Аравію потрясъ, —
И вдругъ, какъ ястребъ злой, схватилъ меня когтями
Дыханьемъ жегъ меня, и пыльными крылами
Меня обвертывалъ, и въ прахъ меня валилъ,
И снова взбрасывалъ, и вновь объ землю билъ,
И засыпалъ пескомъ; но я не поддавался:
Полураздавленный, я снова вырывался
И схватывался съ нимъ — могучимъ. Сгоряча
Его песчаные віющіеся клубомъ
Я члены разгрызалъ остервенѣлымъ зубомъ,
Четвертовалъ его. Ужь въ образѣ смерча
Хотѣлъ онъ у меня уйти изъ подъ плеча,
И, мной обхваченный въ пол-тѣла, отбивался,
Рванулся — по поламъ въ обхватѣ перервался —
И рухнулъ, — и гигантъ, шумѣвшій въ облакахъ,
Упалъ къ моимъ ногамъ огромнымъ трупомъ въ прахъ.

Часъ отдыха насталъ. Смотрю на группы звѣздъ —
И тѣ, сверкая мнѣ очами золотыми,
Всѣ на меня глядятъ: жилецъ подзвѣздныхъ мѣстъ
Здѣсь только я одинъ! Одинъ лишь я подъ ними!
И прямо въ очи имъ какъ гордо я гляжу!
Какой широкій вздохъ въ груди перевожу!

И грудью, поднятой на этотъ вздохъ гигантскій
Я, мнится, поглотилъ весь воздухъ Африканскій.
Какъ взору моему разгуливать легко!
Какъ этотъ вольный взоръ хватаетъ далекò!
Простерся-бъ далѣе, когда-бы въ этомъ мірѣ
Былъ глубже сводъ небесъ и горизонтъ былъ шире.
Какъ здѣсь объятія раскинуть я могу!
Раскидываю ихъ: въ ихъ пламенномъ кругу
До юга съ сѣвера, до запада съ востока
Весь безпредѣльный міръ улегся-бы широко.
Я возвышаю мысль — и мчусь за нею самъ.
Мысль выше.... выше.... вотъ—прильнула къ небесамъ
Пчела летитъ къ цвѣтку и жало водружаетъ,
А вмѣстѣ съ нимъ въ цвѣтокъ и сердце погружаетъ:
Такъ мысль мою едва я въ небѣ укрѣпилъ,
Я въ небѣ вмѣстѣ съ ней и душу утопилъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ТЯТИ.

«Дѣтки, ступайте къ часовнѣ нагорной!
Дѣтки, скорѣй! — Торопитесь!
Тамъ, предъ иконою ставъ чудотворной,
Долго, усердно молитесь!

Тятя не ѣдетъ.... До страшной потери
Долго-ль? — Хранимъ-ли онъ Богомъ?
Въ лѣсѣ дремучемъ есть лютые звѣри;
Есть и разбой по дорогамъ.»

За городъ дѣти къ часовнѣ нагорной
Кинулись мигомъ въ дорогу.

ъ предъ иконой они чудотворной
Стали, и молятся Богу;

авъ на колѣни, головки склоняютъ
Низко — до праха земнаго,
чное имя Отца призываютъ,
Сына и Духа святаго.

Вѣрую», «Отче» — прочли, да и снова,
И «Богородицу» — тоже,
Все наизусть до послѣдняго слова,
Все — и «Помилуй мя Боже».

И литанію божественной Дѣвѣ
Старшій запѣлъ, и всей силой
Прочіе вторятъ, и въ дѣтскомъ напѣвѣ
Слышится: «тятю помилуй!»

Ѣдутъ. Колёса стучатъ по дорогѣ.
Грохотъ возовъ на раскатѣ.
Кинулись дѣти въ веселой тревогѣ:
Тятя пріѣхалъ нашъ, тятя!

Стой! — И купецъ вылетаетъ изъ брички;
Тѣ къ нему въ обручъ объятій.

«Что̀, мои дѣтушки? Что̀, мои птички?
Что̀ вы — скучали безъ тяти?

Мама здорова? Тётя здорова?
Лакомки, вотъ вамъ изюму!» —
Дѣти кричатъ — не разслышишь ни слова:
Столько веселаго шуму.

Поѣздъ съ товаромъ купецъ отсылаетъ,
(Съ радостью рядомъ — отвага),
Самъ-же дорогу съ дѣтьми продолжаетъ....
Вдругъ — изъ за лѣсу ватага!

Вышли злодѣи: лохмотья покрыты
Свѣжими пятнами крови;
Страшныя рожи не мыты, не бриты;
Ножъ и кистень на-готовѣ.

Вскрикнули дѣти; къ отцу въ перепугѣ
Лѣзутъ подъ полы шинели;
Нѣту лица на дрожащей прислугѣ —
Въ ужасѣ всѣ помертвѣли.

«Все забирайте!» — Всплеснувши руками
Никнетъ купецъ головою,

не творите дѣтей сиротами,
Милую женку вдовою!»

злодѣи: одинъ отпрягаетъ
Добрую лошадь; тотъ съ крикомъ
этъ денегъ, ножомъ угрожаетъ,
Вопитъ въ неистовствѣ дикомъ. —

! — Раздался вдругъ крикъ атамана.
Прочь! — и отхлынула шайка.
й купецъ! Умирать тебѣ рано:
Съ Богомъ — до дому ступай-ка! —

атаману поклонъ, а разбойникъ:
Нѣтъ, говоритъ, ты на свѣтѣ
не остался-бъ, ты былъ-бы покойникъ,
Если-бъ не добрыя дѣти!

юклонись! — Я-бъ аршинною бритвой
Самъ искрошилъ твое тѣло,
бъ не дѣтки съ своею молитвой! —
Слушай, купчина, въ чемъ дѣло:

ли мы, что ты ѣдешь, заранѣ;
Мы ужь давно сосчитали

[redacted]

[redacted]

III.

РЫБКА.

Изъ родной подъ лѣсомъ хатки
Вышла Зося: вздохи рвутся;
Волосъ въ дикомъ безпорядкѣ;
Слезы, слезы такъ и льются.

Вотъ знакомое озёрко!
Вотъ и рѣчка! — Съ воплемъ муки
Зося стала у пригорка
И ломаетъ бѣлы руки.

«Эй, [illegible] водныя жилицы!»
Зося к[illegible] — «Свитезянки!
Не от[illegible]
Обольщ[illegible]

Панъ, люби[illegible] мною,
Мнѣ въ любви взаимной клялся,
А сосватался съ княжною,
Надъ бѣдняжкой насмѣялся.

Пусть-же злой обманщикъ съ нею
Раздѣляетъ счастья долю;
Но надъ горестью моею
Я ругаться не позволю.

Жизнь на свѣтѣ — ножъ мнѣ вострый.
Что мнѣ жить? — Позоръ — не шутка!
Нимфы! Къ вамъ иду я въ сёстры....
Ахъ, прости, мой сынъ — малютка!»

И слезами захлебнулась,
И зажавъ глаза руками,
Зося съ берега рванулась
И исчезла подъ волнами.

Тамъ — за лѣсомъ — домъ свѣтлѣетъ.
Подъѣзжаютъ гости къ дому.
Тамъ пируютъ; дворъ полнѣетъ;
Много блеску, шуму, грому.

Въ лѣсъ малютку безъ пеленокъ
На рукахъ слуга выноситъ;
Рвется, мечется ребенокъ,
И визжитъ, и груди проситъ.

Хлопецъ къ рѣчкѣ съ нимъ подходитъ,
Гдѣ, раскинувшись бесѣдкой,
Надъ водами зелень сводитъ
Молодую вѣтку съ вѣткой.

«Бѣдный птенчикъ! Ужъ испытанъ
Имъ и голодъ. Злые люди!
Гдѣ ты, Зося? — Говоритъ онъ:
Зося! Дай ребенку груди!» —

Здѣсь я — слышенъ въ тьмѣ подводной
Чей-то шопотъ, полный ласки:
Я дрожу въ струѣ холодной;
Мнѣ песокъ набился въ глазки;

[illegible]
А тихое мое — [illegible]

За тучахъ [illegible]
Лишь [illegible]
Где ты, Зося! Где [illegible]
Твой ребенокъ [illegible]

Вдругъ — какъ будто [illegible]
Гладь реки всплеснула [illegible]
И надъ влагою [illegible]
Встрепенувшаяся рыбка [illegible]

И скользитъ надъ легкой [illegible]
Легкой зыбкой извиваясь.
Серебристою чешуйкой
Чуть поверхности касаясь.

угъ — чешуйка разступилась....
до! — Слышенъ женскій голосъ;
удь красавицы открылась,
лова и длинный волосъ.

ъ тростникѣ стыдливо кроясь,
Іодплыла она съ улыбкой:
Кенскій бюстъ по самый поясъ,
А къ хвосту осталась рыбкой, —

И беретъ она ребенка,
Къ бѣлой груди прижимаетъ,
Кормитъ бѣднаго, и звонко —
Люли, люли — припѣваетъ.

Крошка смолкъ, вкусивъ роднова
Молока живую струйку;
Онъ — къ слугѣ, а Зося снова
Въ рыбью прячется чешуйку.

Вдругъ — буль-буль — и рыбка снова
Скрыта влаги тайниками;
Только воздухъ съ дна рѣчнова
Тутъ поднялся пузырьками.

Вечеркомъ и спозаранку
Хлопецъ тутъ, и за ручьемъ [illegible]
Выглядая Сантелланку
Бороздитъ [illegible] [illegible].

По однажды — вечеръ длился,
А урочною порою
Вѣрный хлопецъ не явился
Къ рѣчкѣ съ ношей дорогою.

[illegible] пройти той дорогою
[illegible] [illegible] не позволитъ:
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
Вдоль рѣки гулять изволитъ.

Пани, что не воротился...
[illegible] [illegible] за нимъ [illegible].
[illegible], [illegible] притаился.
Ждетъ, пождетъ: не видно пана. —

Какъ [illegible] [illegible] вдаль [illegible],
[illegible] [illegible], — [illegible] очи...
[illegible] [illegible] — а съ каждымъ разомъ
[illegible] [illegible] [illegible] ночи.

Вотъ ужь звѣзды! — И украдкой
Добрый хлопецъ, сжавъ сердечко,
Съ робкой выступилъ оглядкой —
Къ рѣчкѣ.... къ рѣчкѣ.... гдѣ-же рѣчка?

Что за чудо? Гдѣ сгибался
Свѣтлой рѣчки токъ стеклянный —
Лишь оврагъ сухой остался,
Ровъ безводный, грунтъ песчаный.

Панъ съ женой и рѣчки влага —
Все пропало безъ надежды;
А у самаго оврага
Чьи-то брошены одежды.

Надо рвомъ скала крутая
Встала глыбой посѣдѣлой,
Раздвоясь и представляя
Видъ четы окаменѣлой.

Хлопецъ, будто околдованъ,
Часъ, другой, стоялъ — безмолвный;
Словно къ мѣсту былъ прикованъ,
Неподвижный, страха полный.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

IV.

АЛЬМАНЗОРЪ.

Іаврамъ! Испанцы, разбивъ ихъ ограды,
Ихъ давятъ подъ гнетомъ ярма.
въ остались твердыни Гренады,
Но — горе! Въ Гренадѣ чума.

Альпухарѣ геройски безстрашенъ
Защитникъ ея — Альманзоръ,
ь подступилъ ужь къ пятамъ ея башенъ, —
И завтра — послѣдній напоръ!

настало. Испанцы напали:
Твердыни разсыпались въ прахъ,

Я къ вамъ изъ Гренады — посланникъ съ дарами:
Гяуры! Мой даръ вамъ — чума.

«Я къ вамъ простиралъ зараженныя руки;
Мой ядъ будетъ васъ пожирать.
Мои изучайте-жъ вы корчи и муки:
Вѣдь въ нихъ-же и вамъ умирать!»

Онъ ринулся на земь, и кажется — хочетъ
Обнять всѣхъ Испанцевъ, сводя
Средь судорогъ руки кольцомъ, и хохочетъ,
Хохочетъ, смотря на вождя —

И стынетъ, — и взоръ свой онъ кровью налитый
Со злобой навѣкъ закатилъ,
И рта не сомкнулъ онъ, и смѣхъ ядовитый
Къ устамъ искривленнымъ пристылъ.

Испанцы отъ горъ Альпухары въ тревогѣ
Помчались, и войска ихъ тьма
Средь страшныхъ мученій легла на дорогѣ,
И всѣхъ доканала чума.

Тъ пусть узнаетъ, что царь побѣждённый,
Своихъ побѣдителей зря,
Онъ быть хочетъ въ странѣ ихъ законной,
Вассаломъ другаго царя.» —

явилъ средь недавняго боя
Всю силу меча своего,
Испанцы — и чтятъ въ немъ героя;
Ихъ вождь обнимаетъ его; —

Альманзоръ имъ лобзаньями платитъ,
Отъ этого рвется къ тому,
вождя ихъ то за руку схватитъ,
То прянетъ на шею къ нему, —

а колѣни къ его онъ подножью,
Развитымъ тюрбаномъ своимъ
его ноги съ болѣзненной дрожью,
И тянется въ прахѣ за нимъ, —

ъ — и ужасенъ Испанцамъ явился:
Весь синій, взглянулъ на враговъ;
скаго хохота ротъ искривился,
Изъ глазъ его брызнула кровь.

тé, Гяуры: каковъ я! — Предъ вами
Въ лицѣ моемъ — гибель сама.

А тамъ, какъ мертвыя возникнутъ въ оный день, —
Ты, нѣжнымъ обо мнѣ полна воспоминаньемъ,
Сойди ко мнѣ съ небесъ въ моей могилы тѣнь
И разбуди меня лобзаньемъ! —

И я подумаю, сознанія лишенъ
О мною проспанной глубокой, смертной ночи,
Что лишь на мигъ вздремнулъ, очами устремленъ
Въ твои божественныя очи.

V.

СОНЪ.

ıзстаться намъ назначено судьбой,
вѣрная, не хочешь тяжкой мукѣ
души моей — передъ разлукой злой
Не говори мнѣ о разлукѣ!

тромъ роковымъ я долженъ провести
о вечеръ весь, ловя любви усладу;
› наступитъ часъ послѣдняго «прости» —
Спрошу я пить: ты дай мнѣ яду!

:ь къ моимъ устамъ, и передъ тѣмъ, какъ со
ь мнѣ глаза завѣсой вѣчной ночи —
юслѣдній взоръ мой будетъ устремлёнъ
Въ твои божественныя очи!

И чрезъ батистовую ризу
Оваловъ очерки сквозятъ.

Долой батистъ! — И тотъ спустился,
И у ея лилейныхъ ногъ
Туманомъ дремлющимъ склубился
И бѣлымъ облакомъ прилёгъ.

Гдѣ Апеллесы, Клеомены?
Вотъ мраморъ — плоть! Смотрите: вотъ —
Изъ волнъ морскихъ, изъ чистой пѣны
Киприда новая встаётъ!

Но вмѣсто брызгъ отъ влаги зыбкой —
Здѣсь перлъ, ея рожденный дномъ,
Прильнулъ къ атласу шеи гибкой
Молочно-радужнымъ зерномъ.

Какіе гимны и сонеты
Въ строфахъ и риѳмахъ наготы
Здѣсь чудно сложены и спѣты
Волшебнымъ хоромъ красоты!

Какъ дальность моря зыби синей
Подъ дрожью мѣсячныхъ лучей,

Безбрежность сихъ волнистыхъ линій
Неистощима для очей.

Но мигъ — и новая поэма:
Съ блестящимъ зеркаломъ въ игрѣ
Она султаншею гарема
Сидитъ на шелковомъ коврѣ, —

Въ стекло посмотритъ — усмѣхнется,
Любуясь прелестью своей,
Глядитъ — и зеркало смѣется
И жадно смотритъ въ очи ей.

Вотъ, какъ Грузинка, прихотливо
Свой наргилѐ куритъ она,
А ножка кинута на диво,
И ножка съ ножкой скрещена.

Вотъ — Одалиска! Станъ послушный
Изо̀гнутъ легкою дугой
На зло стыдливости тщедушной
И добродѣтели сухой.

Прочь Одалиски видъ лукавый!
Прочь гибкость блещущей змѣи!

Алмазъ безъ грани, безъ оправы —
Прекрасный образъ безъ любви.

И вотъ — она въ изнеможеньѣ,
Ее лелѣютъ грезы сна,
Предъ нею милое видѣнье....
Уста разомкнуты — блѣдна, —

Къ объятьямъ призрака придвинувъ
Въ восторгѣ млѣющую грудь,
Главу за плечи опрокинувъ,
Она лежитъ.... нѣтъ силъ дохнуть....

Прозрачны вѣжды опустились,
И какъ подъ дымкой облаковъ —
Подъ ними въ вѣчность закатились
Свѣтила черныя зрачковъ.

Не саванъ ей для погребенья —
Нарядъ готовьте кружевной!
Она мертва отъ упоенья.
На смерть похожъ восторгъ земной.

Къ ея могилѣ путь недальній:
Ей гробомъ будетъ — ложе сна,

режность сихъ волнистыхъ линій
:тощима для очей.

иигъ — и новая поэма:
блестящимъ зеркаломъ въ игрѣ
султаншею гарема
итъ на шелковомъ коврѣ, —

:текло посмотритъ — усмѣхнется,
уясь прелестью своей,
дитъ — и зеркало смѣется
адно смотритъ въ очи ей.

ь, какъ Грузинка, прихотливо
і наргилѐ куритъ она,
ожка кинута на диво,
ожка съ ножкой скрещена.

ь — Одалиска! Станъ послушный
гнутъ легкою дугой
зло стыдливости тщедушной
бродѣтели сухой.

чь Одалиски видъ лукавый!
чь гибкость блещущей змѣи!

VII.

СТАРАЯ ПѢСНЯ ЮНАГО ВРЕМЕНИ.

Бывало — съ Розою вдвоемъ
Я по̀ лѣсу блуждаю,
Болтаю съ ней о томъ, о семъ,
О чемъ — и самъ не знаю.

Я былъ мальчишка; дни любви
Еще мнѣ не настали:
Гдѣ Розѣ пѣли соловьи,
Мнѣ тамъ дрозды свистали.

«Вотъ, говорю, цвѣты! цвѣты!
Трава мягка, какъ ложе.»

А мнѣ въ отвѣтъ ея черты
И глазки: ну такъ что-же?

Тамъ ей на вѣткѣ какъ-то разъ
Плодъ спѣлый приглянулся:
Кисть нѣжной ручки поднялась,
Рукавчикъ отвернулся; —

А я всю тупость оказалъ
Ребенка — недоучки:
Я Розѣ вѣтку нагибалъ,
Не видя пышной ручки.

Природа, съ зеленью лѣсовъ,
Дышала тайной южной;
Цѣлуя бархатъ береговъ,
Бѣжалъ ручей жемчужный.

Ей ножку вздумалось разуть —
И въ воду понемножку....
А я — не думалъ и взглянуть
На бѣленькую ножку.

Идемъ. Я холоденъ, какъ ледъ.
Глядь! Роза въ нѣгѣ томной

То улыбнется, то вздохнетъ,
А лѣсъ кругомъ претёмный.

Потомъ изъ лѣсу Роза шла
И я съ ней; день былъ свѣтелъ:
Лишь тутъ, что Роза такъ мила,
Впервые я замѣтилъ. —

«Зачѣмъ объ этомъ думать? — Вздоръ!» —
Вся вспыхнувъ алымъ цвѣтомъ
Сказала Роза; я–жь съ тѣхъ поръ
Все думаю объ этомъ.

VIII.

КЪ ФАННИ II.

Оградясь невинностью святою,
Пой, играй и веселись, малютка!
Будь цвѣткомъ! Будь утренней зарёю!
Жизнь твоя покуда — смѣхъ и шутка.

О судьбѣ не погружайся въ думу!
Даль темна. Среди земныхъ явленій
Наша жизнь — увы — немножко шуму.
Въ грустномъ мірѣ, гдѣ такъ много тѣни.

Зла судьба: мы это видимъ ясно;
Наша скорбь ей ничего не значитъ.

Ты сверкаешь ... ча
... ридущечь — ... ре ...
Глазки, такъ богатые лучами
И слезами наконецъ богаты.

Но пока закрыто все, что ...
Смысла: Смѣхъ есть лучшій
...нешь, ... покуда
Надъ тобой покровъ чарова...

Розанъ мой! Еще ты ...
Не плакалъ, не испыталъ ...
Озаренъ ты тихимъ счастьем...
Отраженьемъ ... ...

Даръ небесъ — поэзія ...
При тебѣ, ...

эсть та, что въ твой зрачёкъ блестящій
. души невинной переходитъ.

іьзуйся блаженною минутой!
лаждайся! — Радость мимолётна.
ѣ мы прежде мукъ сей жизни лютой
адость дѣтства пили беззаботно.

прими мое благословенье!
и разлукѣ такъ идетъ молитва!
едо мною — гробъ, успокоенье;
редъ тобою — жизненная битва.

огъ съ тобой, невинное созданье!
ребій твой сказался отъ пеленокъ:
нгелъ ты, ведомый на страданье,
ъ женщины назначенный ребенокъ!

IX.

ОНА СКАЗАЛА.

Она сказала: «да, — и тѣмъ я дорожу!
Мечта о лучшемъ пусть въ соблазнъ меня не вводитъ!
Вѣдь ты со мною здѣсь; глазами я слѣжу,
Какъ мысль въ твоихъ глазахъ вращается и ходитъ.

И тѣмъ довольна я — конечно, не вполнѣ!...
А все-же мой удѣлъ — удѣлъ благополучныхъ.
Чего не любишь ты — насквозь извѣстно мнѣ:
Я двери стерегу отъ лицъ, тебѣ докучныхъ.

Твоя голубка — я. Ты пишешь: близь тебя,
Уютно сжавшись, я на локотокъ прилягу,

му перо, то вслушиваюсь я.
, мой гордый левъ, ворочаешь бумагу.

:енье — хмѣль, мечта — напитокъ, да.
! Я счастлива и не ропщу нисколько....
ѣшало-бъ мной заняться иногда,
ѣдь цѣлый день все книги, книги только!

ѣнью твоего склоненнаго чела
лась и грустно мнѣ. Ни слова мнѣ, ни взгляда!
на тебя смотрѣть удобно я могла,
меня тебѣ взглянуть немножко надо.»

X.

ЧТО СЛАВА?

Что слава? — Нелѣпые крики.
Свѣтъ жалокъ; куда ни взгляни —
Въ немъ многіе тѣмъ и велики,
Что малы, ничтожны они.

Я знаю, что свѣтъ рукоплещетъ
Героямъ — когтистымъ орламъ,
Желѣзу, которое блещетъ
И многимъ несвѣтлымъ дѣламъ.

Да! — Счастье земли — колесница;
Помпей въ тріумфальной красѣ

[redacted]

Въ одномъ изъ колесъ ея зрится,
А Кесарь — въ другомъ колесѣ.

Все то-жь — въ Тразименѣ, Фарсалѣ.
Любуйтесь сквозь пламя и дымъ
Всѣмъ тѣмъ, что Нероны взорвали
Палящимъ дыханьемъ своимъ!

Молитесь! Склоняйте колѣна!
Мнѣ-жь крошкой глядитъ великанъ.
Все вздоръ! Потому что онъ — пѣна,
Ужь будто-бъ онъ сталъ океанъ?

Да, — вѣруйте въ прахъ величавый,
Въ громады пустыхъ пирамидъ,
Во все, что прикинулось славой,
Во все, что такъ бурно шумитъ!

Коснѣя въ понятіяхъ дикихъ,
Молюсь я, поверженный ницъ,
Не богу героевъ великихъ,
А Господу маленькихъ птицъ, —

Не богу воинственныхъ становъ,
Орудій, мечей и штыковъ,

Не богу тѣхъ злыхъ ураганов̃ъ,
Что двигаютъ массы полковъ, —

Не идолу тѣхъ, что тревогу
Подъемлютъ, купаясь въ крови,
Но мирному, доброму Богу —
Источнику вѣчной любви, —

Тому, что въ поэмѣ вселенной
Зажегъ, въ міроздапья строфахъ,
Стихъ первый — любовію въ сердцѣ,
Послѣдній — звѣздой въ небесахъ,

Что пищу даетъ своимъ птичкамъ,
Даруетъ и мохъ, и тепло,
Ихъ гнѣздышку съ бѣлымъ яичкомъ,
Чтобъ пѣвчее племя расло,

Что грѣя соломкою сельской
Семейство Орфеевъ лѣсныхъ,
Шлетъ въ лиственной почкѣ Апрѣльской
Міръ новый, волшебный для нихъ;

Когда-жъ это все оперится,
Излучисто врозь полетитъ —

Вкругъ каждаго гнѣздышка, мнится,
Святое сіянье горитъ.

Исторію мы безъ препоны
Творимъ себѣ — всѣмъ на показъ:
Великіе есть Пантеоны,
Огромные храмы у насъ.

У насъ есть мечи роковые,
И мало-ль различныхъ чудесъ?
У насъ — Вавилонъ, Ниневія,
Гробницы до самыхъ небесъ.

А что̀-бы осталось? — Лишь слёзы, —
Когда-бы Зиждитель міровъ
Отнять захотѣлъ у насъ розы,
Когда-бы онъ отнялъ любовь!

XI.

ДѢТС

Ребенокъ пѣлъ, игралъ; вбл
Едва, едва дыша. Ребяческо
И бѣдной матери предсмерт

:ъ утру умерла, вздохнувъ о малолѣткѣ,
онъ — онъ принялся опять играть и пѣть.
аль есть зрѣлый плодъ: на слишкомъ слабой вѣткѣ
елому плоду Богъ не даетъ созрѣть.

утру умерла, вздохнувъ о малолѣткѣ,
ъ — онъ принялся опять играть и пѣть.
ль есть зрѣлый плодъ: на слишкомъ слабой вѣткѣ
лому плоду Богъ не даетъ созрѣть.

Стран.

Переводы.

